

Рудольф Штейнер

Социальное будущее

**6 докладов и ответы на вопросы
Цюрих, с 24 по 30 октября 1919 г.**

GA 332a

Доклады настоящей книги развивают высказанную Р. Штейнером в «Сущности социального вопроса» идею трехчленности здорового социального организма и одновременно содержат ряд конкретных положений относительно экономического устройства, позже более детально проработанных в «Курсе национал-экономики».

Калуга, "Духовное познание", 1993 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Банзелюк. Вступительная статья.

Социальная летаргия Обломова и социальное будущее России.

1 ДОКЛАД, Цюрих, 24.10.1919.

Социальный вопрос как вопрос духовный, правовой и хозяйственный. К истории развития националэкономики. Последствия естественнонаучно ориентированного мировоззрения для человечества. Согласие в общественной критике Вудро Вильсона, Ленина и Троцкого взаимоотношений правовой и хозяйственной жизни. Совместное действие хозяйства, права и духа в воззрениях Маркса и Энгельса. К разграничению отдельных членов социального организма.

Ответы на вопросы после 1-го доклада.

2 ДОКЛАД, Цюрих, 25.10.1919.

Хозяйствование на ассоциативной основе. Преобразование рынка. Ценообразование — деньги и налоги — кредит. Идея трехчленности и ее основной исторический импульс. Структура отдельных социальных членов. Дух как движущая сила современной технологии. О необходимости различения принципов товарищества и ассоциации. Значение денежного хозяйства для экономического и социального развития. Преобразование рынка как следствие образования хозяйственных ассоциаций. Деньги как «текущая бухгалтерия», представленная на примере сущности налогов.

Ответы на вопросы после 2-го доклада.

3 ДОКЛАД, Цюрих, 26.10.1919.

Вопросы права — задачи и границы демократии. Общественные правовые отношения и уголовное право. К зависимости правовой жизни от хозяйственной жизни.

Развитие права в совместной жизни людей. Значение и границы демократического принципа. Публичное право как преобразенная хозяйственная и духовная жизнь в прошлых и настоящих общественных системах. Взаимосвязь отношений между отдельными людьми и сообществом. Отношения между правовой и духовной жизнью.

Ответы на вопросы после 3-го доклада.

4 ДОКЛАД, Цюрих, 28.10.1919.

«Духовные вопросы». Духовная наука (искусство, наука, религия). Воспитание — социальное искусство. Преобразование мышления как предпосылка социального обновления. Искусство, наука, религия и их отношение к реальной жизни. Сущность и значение духовной жизни. О необходимости преобразования внесенного старой естественной наукой мировоззрения посредством новой духовной науки. Гетеанум как представление соответствующего действительности духовного исследования. Воспитание на основе познания современного человека. Эвритмия — социальное искусство.

Ответы на вопросы после 4-го доклада.

5 ДОКЛАД, Цюрих, 29.10.1919.

Взаимодействие духовной, правовой и хозяйственной жизни в Зедином социальном организме. Импульс Зчленности как результат объективного наблюдения исторического развития. Унитарное государство и необходимость его преобразования с помощью трехчленности. Критика современных навыков мышления на примере налогового законодательства, управления капиталом и владения средствами производства. От общества власти к сообществу.

Ответы на вопросы после 5-го доклада.

6 ДОКЛАД, Цюрих, 30.10.1919.

Национальная и интернациональная жизнь в Зчленном социальном организме. Эгоизм и любовь как основные импульсы совместной жизни людей. Национализм и интернационализм и момент их возникновения в природе человека. Альтруизм и эгоизм в хозяйственной жизни. Условия для мирового хозяйства. Значение духовной жизни для интернациональной совместной жизни народов. Идеализм и его отношение к жизненной практике. Истина и действительность.

Ответы на вопросы после 6-го доклада.

Социальная летаргия Обломова и социальное будущее России

В 1992 издательство «Духовное познание» выпустило первое

русское издание книги Р. Штейнера «Сущность социального вопроса» («Die Kernpunkte der sozialen Frage»), Она была написана автором и издана в апреле 1919 г., когда послевоенная Европа, и особенно Германия, искала новое социальное, государственное устройство. Как в руководящих кругах, так и в широких массах обострилось желание понять причину социальных конфликтов и найти новые, более здоровые принципы общественных отношений.

В этой книге Р. Штейнер показал, как на основе духовнонаучного познания человека и мира можно понять сущность социальных проблем нового времени. Видя востребованность такого познания, он дал широкой публике первое полное изложение вытекающей из этого познания идеи, что общество будущего, здоровый социальный организм необходимо должен быть трехчленным: трех свободно развивающихся из своих собственных основ, независимые сферы — духовная, государственно-правовая и хозяйственная, соединяющиеся в живое целое действующим во всех трех сферах человеком.

Книга «Социальное будущее» также выходит на русском языке впервые. Это цикл докладов, прочитанных Р. Штейнер в том же 1919, спустя полгода после публикации «Сущности социального вопроса». Уже в самих названиях проявилось различие как внешней ситуации весной и осенью, так и внутренней направленности этих двух книг. Первое из них — это научное, точнее духовнонаучное исследование социальных проблем нового времени, рассмотрение их возникновения, современного состояния и возможного разрешения. Во-вторых же — изложен путь к осуществлению изображенного идеала. Слушатели докладов, составивших настоящую книгу, в большинстве своем принимали идею Трехчленности социального организма и желали работать для ее осуществления. И в этом цикле Р. Штейнер показывает, какими должны стать прежде всего духовная жизнь и сам человек, дабы оказаться в состоянии создать свободное, гармоничное взаимодействие этих трех сфер, не связанных никакими внешними скрепами.

Как же характеризовал Р. Штейнер социально-здоровое будущее? В последнем докладе, к примеру, он говорит о нем в следующих словах: «Между эгоистическим потреблением и управляемым любовью производством стоит циркуляция товаров, благ, которая создает равновесие между обоими, создает сегодня посредством случайности рынка, посредством предложения и спроса, а должна будет создавать в будущем равновесие с помощью ассоциаций людей, ставящих на место случайного рынка разум, так что там будут люди, чьим делом будет из наблюдения нужд потребления устраивать производство, так что рынок будет заключаться в том, что будет в состоянии создавать разум соответствующей организации для потребления, которое сначала правильно познается и наблюдается».

Русскому читателю, непременно изучавшему Маркса и Ленина, слова об «управляемом любовью производстве» могут показаться уже достаточно скомпрометировавшими себя. Но, с другой стороны, к.р. русский читатель эту, да и другие мысли

книги может воспринять как нечто знакомое, узнаваемое. Ведь по сути речь здесь идет о том, что хозяйствовать нужно «по справедливости», и разумное решение в той или иной ситуации можно находить лишь сообща. Мечта о подобном социальном устройстве давно зрела в русском народе. Разве не воплощение этого идеала забрезжило перед народом в 1917 году? Разве не это обещали — во всяком случае, вначале — большевики? И тут очень важно задуматься, почему русский народ не разглядел подмену идеала справедливого общества диктатурой пролетариата, почему поддержал большевиков. В этой книге, кстати, тоже есть вопросы о революционных переменах в России.

Есть и пророческое предсказание Р. Штейнера: «...то, чего там хотят, по существу не находится в оппозиции к царизму, это есть та же сущность царизма, только развитая дальше для другого класса, худшим образом продолжен царизм, чем он был, поскольку те, кто стоят на крайнем левом крыле радикальных партий, сегодня вообще больше не сдерживаются, они оказываются не прогрессивными людьми, но еще более злыми реакционерами, чем те, кто нес реакцию прежде. Когда выставлено требование диктатуры одного класса, из этого класса выходит ничто иное, как тирания отдельных лиц — я не хочу сказать, избранных: это совершенно определено были бы не избранники, а те, кто пускает другим пыль в глаза... Но отношения совершенно определено не улучшились бы, а в существенном, скорее, ухудшились бы». Мы можем оценить, насколько точным и поистине научным оказалось это предсказание.

И, может быть, как раз точность этого предвидения заставит нас очень серьезно отнестись к тому, в чем Р. Штейнер видит главную причину грядущих бедствий: нереальность, несоответствие действительности большевистского мировоззрения. (Он рассматривает его в этом ответе как искреннее мировоззрение, оставляя в стороне возможные спекуляции. Не будем их касаться здесь и мы). А именно: мысленно строя картины идеального общества и сознавая, сколь мало, реальные люди вписываются в эту картину, Ленин намерен сначала силой строить это общество, а затем «подгонять» под него людей.

Это в точности противоположно тому порядку осуществления социально-здорового будущего, который считает возможным Р. Штейнер: социальный организм, как и все живое, непрестанно развивается, что-то отмирает, что-то возникает заново, и только человек из своего понимания, из своего сознания и чувства может шаг за шагом направлять это развитие к идеалу — если, конечно, этот идеал у человека есть и достаточно отчетливо им осознается, если человек хочет этот идеал воплощать в жизнь. «Как только будет достаточно много людей, будет и дело» — если достаточно много людей его понимают». У человека, воспитанного в традициях русской культуры, как мы уже сказали, многие мысли этой книги вызовут ощущение чего-то давно знакомого. Это неудивительно, потому что фольклор, литература и философия восточно-славянских народов пронизаны одной основной идеей:

как сделать жизнь на земле справедливой? Можно, не боясь ошибиться, утверждать, что в русской литературе, например, нет ни одного значительного произведения, в котором этот вопрос так или иначе не затрагивался бы.

Но мы остановимся на одном, может быть, самом загадочном произведении русского духа: романе Ивана Гончарова «Обломов». Единственный в своем роде роман, наверное, не только в русской, но и в мировой литературе, главный герой которого на протяжении всей жизни так и не может решиться на какое-либо активное действие: читатель застаёт его лежащим на диване и там же его оставляет. За прошедшее столетие «обломов» стало едва ли не нарицательным именем для обозначения русской натуры, употребляемым столь же часто, как лентяй, дурачина, лежебока, увалень, неспособный ни к какому труду. Такое прочтение «Обломова» установилось со времен революционно-демократической критики, было подхвачено соцреализмом, перешло в школьные учебники, внушалось нам с детства. Но задумаемся, смогло бы столь одномерное произведение стать известным во всем мире, ведь роман переведен на многие языки?

Уже одно это подсказывает, что не все так просто с Обломовым, с его непрошибаемой ленью, что есть в нем нечто загадочное и необъяснимое, даже симпатичное, вызывающее скорее не осуждение, а сочувствие. А главное, в нем улавливается нечто действительно исконно русское, потаенное и неистребимое. («Россия проделала три революции, а все же Обломовы остались», — жаловался Ленин в 1922). Но что именно и почему Обломов отвергает все усилия увлечь его какой-либо деятельностью, чего ждет его душа — остается невыясненным, кажется, и по сей день.

Из всех попыток разгадать загадку Обломова, на наш взгляд, самая удачная принадлежит Михаилу Пришвину: «В этом романе внутренне прославляется русская лень и внешне она же порицается... Никакая «положительная» деятельность в России не может выдержать критики Обломова: его покой таит в себе запрос на высшую ценность, на такую деятельность, из-за которой стоило бы лишиться покоя... Иначе и не может быть в стране, где всякая деятельность, направленная на улучшение своего существования, сопровождается чувством неправоты, и только деятельность, в которой личное совершенно сливается с делом для других, может быть противопоставлена обломовскому покою».

Но здесь, можно сказать, половина разгадки. Потому что нужно еще понять, что это за деятельность, в которой «личное совершенно сливается с делом для других» и которая единственно может побудить Обломова расстаться с покоем. И, что немаловажно, как к ней правильно приступить? Разве вышеприведенная реплика Ленина не свидетельствует, что большевики приступили неправильно, что Обломов, русская душа, не принял их «деятельности»? Да, они где обманом, где силой подняли его с дивана и заставили что-то делать, но это было действие принудительное, полумеханистическое. Внутренне Обломов остался на диване, еще больше уйдя в себя, так сказать, укрывшись одеялом с головой. Такое душевное

состояние Обломова можно назвать одновременно и атактистическим, и пророческим. Атактистическим потому, что оно еще всецело заполнено настроением души ощущающей, хранящей память о былом инстинктивном, искони существовавшем единстве, братстве всех славян, что, например, внешне выразилось в том, что общинная жизнь и общинное мировоззрение просуществовали в восточном славянстве вплоть до начала 20 в., тогда как в Средней Европе община распалась еще в позднем Средневековье, когда в земную жизнь вошел принцип индивидуального «Я».

По всей видимости, душа Обломова, как душа всего русского народа, хранит воспоминания об этом, согревается ими, как тело Обломова одеялом. Но правильно ли провести всю жизнь, купаясь в этом чувстве, в этих отчуждающих от реальности полусновидческих воспоминаниях, что образно передано в романе как лежание на диване? Из-за такого расслабляющего (т. е. делающего недееспособным) воздействия это душевное состояние и названо нами атактистическим. Но его же можно назвать и - пророческим. Потому что оно указывает на ожидающую возможности проявить себя во всей полноте предрасположенность славянской души к вмещению в себе едиющего всех людей (названного Достоевским «всечеловеческим») принципа братолюбия. Этого затаенно ждет русская душа, к этому стремится, потому что стремление это в природе ее. В свете только что сказанного становится понятным, почему Штольцу так и не удается пробудить Обломова. Проследив за отношением Обломова к своему единственному другу, мы увидим, что он все время колеблется: принять — не принять. Такое его состояние психологически совершенно правдиво. С одной стороны, Обломов видит честность и внутреннюю порядочность Штольца и несомненные хорошие последствия его деловой активности; с другой — он ощущает его слишком сосредоточенным на земном, равнодушным к христианским идеалам. И потому Обломов никак не решит: благословенна эта деятельность или нет? Мы можем посмотреть, на их взаимоотношения и шире, можем увидеть в Штольце представителя той Европы, которая развила индивидуальное начало, выработала душу рассудочную, плодом деятельности которой и является преимущественно европейская цивилизация, но не прогрела это индивидуальное начало христианством, а в Обломове — душу русского народа, тянущуюся и одновременно инстинктивно стремящуюся отпрянуть от этой сосредоточенной на материальном цивилизации. Таким образом, импульс рационального эгоизма не может увлечь Обломова, не этого ждет душа его. И хотя в романе напрямую не сказано, что именно может пробудить его, подсказка в нем есть.

Обращает на себя внимание ряд удивительных совпадений между героем романа и главным героем русского былинного эпоса Ильей Муромцем. Здесь и имя, и отчество Обломова — Илья Ильич, и возраст его, «32-33», в точности совпадающий с возрастом богатыря, да и сюжеты схожи: первый сидит на печке сидит, другой на диване лёжнем лежит. Думается, такое совпадение не может быть случайным. Не прошел мимо этой

переклички двух образов и Михаил Пришвин: «Антипод Обломова не Штольц, а максималист, с которым Обломов действительно мог бы дружить, спорить по существу и как бы сливаться временами, как слито это в Илье Муромце: сидел, сидел и вдруг пошел, да как пошел!». В этом высказывании мы имеем одновременно как пример тонкого художественного прозрения, так и предел его. Чувство художника зафиксировало, что Илья Муромец слился с чем-то, что действительно является частью его самого, но в то же время от него ускользнуло, что именно вошло в богатыря, что подняло его на ноги, хотя в былине об этом прямо и подробно говорится: Илья Муромец, сын Иванович Он в сиднях сидел «тридесять три» года; Пришли к нему нища братия, Сам Иисус Христос, два апостола: «Ты пойдя Илья, принеси испить!» «Нища братия, я без рук без ног!» «Ты вставай Илья, нас не обманывай!» «Илья стал вставать, ровно встрепанный...» Это ключевой эпизод былины, пройти мимо которого можно только в одном случае: если видишь в нем лишь поэтический образ, аллегория, не более того. Потому что Илья не «вдруг пошел», ни с того, ни с сего, а получив помощь от духовного мира, слившись, говоря словами же Пришвина, с чем - то высшим в себе. Этим высшим и был импульс Христа, вошедший в русский народ в 4 культурную эпоху в результате Мистерии Голгофы. Этот факт духовной биографии русского народа былина запечатлела в образе Ильи Муромца и поведала на свойственном ей языке. «Как бы ни рассматривать 33 сидение «сиднем» Ильи Муромца: с точки ли зрения физической — считая его больным паралитиком, с точки ли зрения духовной — в смысле его полной беспомощности и бездеятельности в духовном мире, или допуская одновременное сосуществование того и другого, параллелизм духовных и физических явлений, согласно принципу тайноведения, что все материальное, физическое является лишь внешним выражением, внешним откровением духовного — то все же не подлежит никакому сомнению, что Илья поднимается со своего ложа для активной деятельности именно в силу изливающегося на него импульса Христова, воспринимает его всем своим существом — ибо импульс Христа пронизывает всего человека — и следует за ним». (См. Д. Барлен. «Русские былины в свете тайноведения»).

Импульса Христа, теплоты христианской не ощущал Обломов в холодном рассудке своего друга и поэтому не мог за ним следовать. В глазах Обломова деятельность Штольца преследовала только земные интересы, подчинялась только земным законам, где человек человеку не обязательно друг и брат. Тогда как душа Обломова желала и соглашалась только на братолюбие в социальной жизни, когда руководствуются не выгодой или даже экономической целесообразностью, а прежде всего справедливостью. Когда живут не по Кривде, а по Правде. Думается, у нас есть все основания сказать, что в данной работе Р. Штейнера содержится ответ на обломовский «запрос на высшую ценность», на такую деятельность, «в которой личное совершенно сливается с делом для других», а главное, в ней показано, как правильно приступить к такой

деятельности. Потому что эта книга является носителем чистого христианского импульса в его современном облике; именно того импульса, который поднял с печки и вдохнул силу в Илью Муромца.

* * *

Человек, живущий одной жизнью с Россией, сопоставив содержание данной книги не только с «Обломовым», но и с русской духовной культурой в целом, вполне, на наш взгляд, обоснованно может прийти к мысли, что Россия не примет никакого иного социального устройства, кроме того, которое бы позволило свободно развиваться русскому национальному духу; духу, подобно крови в организме человека свободно проникающему во все капилляры социального организма, обновляя его жизнедеятельность. И разве наша история не свидетельствует об этом? Оглянемся на наше прошлое: всего за какое-то столетие с небольшим. Россия дважды сменила социальные формации. Примерно 50 лет продержался в ней капитализм, окрепший с отменой крепостного права и сметенный переворотом в октябре 1917 года. Публикации последних лет, достаточно объективно отражающие состояние экономики и уровень жизни в стране перед первой мировой войной, показали нам, что он вовсе не был таким плохим, каким рисовала его большевистская пропаганда. По многим важнейшим параметрам Россия не уступала ведущим странам мира и все увеличивала темпы развития. Но чем больше узнаешь фактов, свидетельствующих о достаточно высоком уровне жизни россиян до переворота, чем чаще сталкиваешься с попытками представить эту жизнь чуть ли не как идеальную для России, к которой и нужно вернуться, тем настойчивее возникает резонный вопрос: почему же большевистским агентам удалось так сравнительно легко поднять значительную массу россиян на свержение того самого строя, при котором им так славно жилось?

Самое популярное сегодня объяснение (точнее было бы и назвать его самым популистским), что Россия погибла в результате международного масонско-сионистского заговора, марионетками которого и являлись большевики. Утверждение вовсе не беспочвенное, во всяком случае, не фантастическое, как кажется еще очень многим сегодня, но и не полное. Хотя бы потому, что при таком объяснении полностью снимается ответственность с самой России. Великому, вступающему в пору зрелости народу, чьи духовные идеалы так зримо явлены его великой литературой и еще не явившей свое подлинное величие философией, при таком объяснении полностью отказывается в самостоятельности. Соблазнили, обманули, обвели вокруг пальца. Производится вовсе не безобидная подмена: вместо подлинной духовной трагедии, требующей серьезного осмысления, народу преподносится некий исторический курьез, после которого остается только развести руками...

Такой упрощенный подход никак не способствует пониманию подлинной причины происшедшего. В то же время оно нам совершенно необходимо, это понимание, ибо без него нельзя

строить свое будущее. Думается, мы окажемся гораздо ближе к сути если не будем сводить все к решающему влиянию неблагоприятно сложившихся внешних обстоятельств, ошибкам царя затянувшейся непопулярной войне, ухудшившемуся положению в экономике, но учтем также фактор внутренний: уясним, что большевики, поддерживаемые и направляемые международным заговором и сознательно разрушавшие страну, воспользовались не только указанными внешними неблагоприятными обстоятельствами, но также и жившей в душах россиян неудовлетворенностью.

Возможно, переворот потому и удался, что они сознательно опирались на то «чувство неправоты», о котором говорит Пришвин в отношении Обломова. Это жившее в народе чувство порождалось тем, что преобладающим стимулом деятельности, постепенно укоренявшимся в душах все большего количества людей с внедрением капиталистических отношений, стало к.р. стремление к улучшению именно «своего существования», как правило, за счет ближних, а не на благо ближних. Подобно сорняку, эта настроенность на личный успех глушила и подавляла требовавшие развития исконные качества славянской души: нестяжательство, добротолубие, доброжелательность, справедливость. На смену патриархальной жизни, благодушной и сонливой по сравнению с капитализмом, пришли новые отношения, когда все имеет цену, все продается и покупается (это было сродни шоку, который пережили мы в январе 1992 г.), которые все меньше и меньше оставляли места устремлению подлинно русского духа к братолюбию, к деятельности, в «которой личное совершенно сливается с делом для других». Можно сказать и по-другому: чтобы дать национальному духу проявиться в новой экономической и социальной ситуации, русскому человеку требовались и новые знания, как о самом духе,, так и о новых социальных отношениях. Тогда как патриархальный уклад позволял ему проявляться по старинке, полуинстинктивно, из жившего еще в душах чистого чувства справедливости. В свете сказанного не обязаны ли мы допустить, что на защиту капиталистического строя в России не стало достаточно много людей не потому только, что они были обмануты пропагандой, но и потому, что он не соответствовал исконному природному строю души восточно-славянского человека. Души, хранившей, с одной стороны, память об отмиравшей общине, с другой, — мечту о воплощении в социальной жизни человечества идеала соборности, как свободного единения в любви всех проявлений жизни, от индивидуального сознания до божественных основ мироздания. Это несоответствие обессиливало .народ изнутри, понижало его сопротивляемость. И неверность национальному идеалу, идеалу Святой Руси, которую народ допустил, давши увлечь себя капитализмом, которую осознавал и не осознавал одновременно, но от которой душа болела и всегда внутренне каялась, похоже, и явилась глубинной причиной трагедии 1917 г. Возможно, потому и соблазнил многих большевизм, что обещал переустроить социальную жизнь так, чтобы благо свое и общее совпадало.

Здесь нам не избежать и другого вопроса. Почему же

социализм продержался в России не многим более капитализма? Мы современники, мы очевидны, мы жили при этом строе и мы просто обязаны иметь ясный, полный ответ. Есть ли он у нас? Думается, пока еще нет. Найди мы его, он неизбежно стал бы объединяющей и вдохновляющей силой для нового созидания. Пока же мы видим в народе больше разобщения, нежели единения. Не может послужить подлинному единению и вновь внедряемое в обиход объяснение: в крушении социализма виновато некое антирусское мировое правительство, все те же «темные силы», которым, как мы помним, уже поставлено в вину свержение царя в России и установление того самого социализма, в развале которого они же теперь обвиняются.

Итак, снова антирусский заговор, снова обвинения, бездоказательные, поэтому больше дезориентирующие, чем проясняющие истину, но, опять-таки, не беспочвенные. Здесь невозможно вдаваться в их рассмотрение, можно только сказать, исходя из тех доступных всем знаний, которыми обладает Антропософски ориентированная Духовная Наука: пока мышление хотя бы осязаемого количества людей не перестанет быть сугубо материалистическим, такому обществу не докопаться до истины в этом вопросе. (Впрочем, одно общее замечание высказать можно: основа бед России, их первопричина в том, что темные силы борющиеся против нее, знают ее лучше, чем сами русские, знают ее потенциальные возможности, ее социальную и всемирную задачу, знают, каким образом она может осуществиться. Поэтому и знают, как можно этому помешать. Знают конкретно, не наугад, и потому действуют опережающе: Пока мы не поймем этого, пока не устраним это отставание в духовнонаучном познании самих себя, мы обречены бороться наобум, с запаздыванием принимая за противников подставных лиц, виноватых в наших бедах не более, чем мы сами). Спросим себя сегодня, пока наше социалистическое прошлое еще не так далеко от нас: как жилось нам при нашем социализме, не мечтали ли миллионы из нас дожить до его конца, потому что просто задохнулись в атмосфере бездуховности, лжи, проникшей буквально во все сферы жизни и человеческих взаимоотношений. И после этого честно ли будет сказать, что только международный заговор виноват в крахе строительства коммунизма в «отдельно взятой стране». Не произошел ли внешний крах лишь после того, как эти абстрактные идеалы рухнули в наших душах? Обессиленных, почти иссякших и иссохших от невозможности полноценной душевной и духовной жизни; рухнули если не у всех, то у достаточного количества людей, которые и составили необходимую критическую массу. При социализме, как и при капитализме, не было возможности развития свободной духовной жизни, питаемой русским национальным духом. Ее не было потому, что тоталитарное государство, проникшее во все поры им же искусственно созданной социальной системы, не оставило духу возможности проявить себя. Эту возможность он обретает только при таком социальном устройстве, где духовная жизнь сможет развиваться независимо от государственно-правовой и экономической.

* * *

Мы стоим перед необходимостью перехода от рассудочно омертвляющего мышления к мышлению духовному. Но не к такому, которое называется духовным, потому что размышляет о предметах нематериальных, «возвышенных», а такому, которое и о материальном мыслит духовно, т.е. умеет видеть за фактами чувственного бытия их сверхчувственную основу. Это преображенное сознание сможет познать как область сверхчувственного, так и те сферы жизни, которые на протяжении многих в.в. развивались как бы сами собой. К сожалению, мнение, что не следует стремиться познать то, что в.в. являлось предметом веры, религии, еще весьма распространено. Также продолжает считаться, что то, что до сих пор развивалось на основе здоровых человеческих инстинктов и потребностей, например, социальная жизнь людей, так и будет развиваться дальше, достаточно лишь каждому члену общества придерживаться определенных нравственных правил. Из этого убеждения, которое как противоречащее реальному положению дел совершенно оправданно следует назвать предубеждением, препятствующим нормальному ходу человеческой эволюции, иногда формируется и соответствующее отношение к Антропософии. Потому что Антропософия является Духовной Наукой, как раз и ставящей своей задачей достижение познаний сверхчувственных миров (бывших прежде объектом: верований) с тем, чтобы приложить эти познания к преображению социальной жизни, не могущей и дальше развиваться лишь из человеческих инстинктов. То, что до сих пор развивалось как бы само собой, без осознанного участия человека, теперь нуждается в таковом.

Кроме того, можно встретить и такое суждение: русская душа не ищет познания божественного, ей достаточно в него верить. Стремление же познать его разумом — от лукавого. Это свойство русских отмечал, например, Николай Бердяев: «Особенно у русских есть боязнь мысли в религии, почти гонение на мысль». («Н.А. Бердяев о русской философии». Примечательно, что он высказал это в одной из своих редких работ, где он касается Антропософии. Эта статья называется: «Теософия и Антропософия в России».

Безусловно, не случайно, что данное суждение высказано именно в названной статье: сама тема ее неизбежно выводила русского религиозного философа на констатацию данного факта душевно-духовной жизни России. В кругу людей, мало знакомых с Антропософией, нередко можно слышать ссылки на эту статью в доказательство, что Н.Бердяев Антропософию не принял, и не принял именно как не отвечающую основным устремлениям русской души. Этого факта уместно коснуться как раз здесь, во вступительной статье к книге основоположника Антропософии, посвященной столь животрепещущему для России социальному вопросу. Коснуться только потому, что «чуждая», якобы, русской душе Антропософия предлагает средство разрешения как раз той проблемы, над которой в.в. бились лучшие русские умы.

Прежде всего отметим следующее: Н. Бердяев, указавший на «боязнь русских мысли в религии», вовсе не отвергал возможность и необходимость познания скрытых от обыденного сознания явлений.

Если эта сокровитность была оправдана в прошлом, отмечает философ в указанной статье, то сегодня познание этих явлений — это насущная необходимость, потому что «мир и человек вступают в тот возраст своего существования, когда незнание становится опасным и оставляет человека беззащитным». Остановимся теперь на той части рассматриваемой статьи, из которой и делается вывод, что Бердяев не принимает Антропософию, как не отвечающую основным устремлениям души русского человека: «Теософический тип мысли не обращен к истории и к историческим задачам. В теософии и Антропософии отсутствует понимание значения социальных вопросов. Р. Штейнер очень считается с проблемами Геккеля, но совсем не считается с проблемами Маркса. Для него дух XIX в. есть дух естествознания. Но с большим правом можно было бы утверждать, что дух XIX в. есть дух социологии. Можно даже сказать, что в XIX в. теология была заменена социологией, все мышление было окрашено в социологический цвет и в социальности искали конечного смысла жизни. Преодоление Маркса не менее великая задача, чем преодоление Геккеля... Но ни у Р. Штейнера, ни у других теософов нельзя найти понимания огромного, прямо религиозного значения социальной проблемы для современного человечества. Весь смысл теософии — в ее подходе к космической проблеме, и с этой стороны можно было бы пролить свет на проблему социальную» (выделено мной — Н.Б.). В этом высказывании философа Бердяева можно узнать тот же побудительный мотив, что и у обывателя Обломова. Только Обломов не был философом, он больше следовал ощущению, нежели размышлению. И оправдываясь в своем неприятии жизневоззрения окружающих, позволявшего им жить «только для себя», он этими простыми словами оправдывал свою апатию и одновременно, так сказать, сигнализировал, какое мировоззрение, какая деятельность была бы ему по душе. Бердяев формулирует это же требование, но уже не на уровне национального ощущения, а на (уровне национального сознания, пробужденного университетом и самообразованием, прошедшего через соблазны многих теорий, в том числе и через марксизм (факт биографии Н. Бердяева) и отвергнувшего их по причине односторонности.

Это развившееся сознание ищет знания, которое было бы не только знанием о человеке (антропологией), не только постижением божественной мудрости (Теософией), не только наукой о социально-экономических формациях (политэкономией), но и тем, и другим, и третьим вместе. В этом осознанном и строгом подходе философа проявилось стремление к науке всеобъемлющей, соборной, познающей жизнь и человека в ней во всем их живом органическом единстве, как единый живой организм, где неразрывны социально - экономические проблемы, вопросы самопознания и познаний духовных миров. Именно так нужно понимать эту

фразу-упрек русского философа: «и с этой стороны можно было бы пролить свет на проблему социальную». И его же вывод: «Общественность есть внутренне-космическое явление, и должна быть постигнута связь общественности с Космосом. Так можно прийти к постановке проблемы космической общественности, мирового общения».

Итак, бесспорно, требование справедливое и очень «обломовское», т.е. русское. К нему следовало бы присоединиться безо всяких оговорок, если бы, как говорится, не одно но... А именно: это справедливое само по себе требование, высказанное как обвинение в адрес Антропософии, является поспешным и абсолютно безосновательным! Оно совершенно опровергается данной книгой и читатель сможет убедиться в этом сам. Мы же попытаемся разобраться, как могло возникнуть мнение, что в Антропософии «отсутствует понимание значения социальных вопросов». Поначалу в качестве объяснения столь далекого от действительности мнения напрашивается тот факт, что брошюра написана Н. Бердяевым в 1916 г., т.е. до издания «Сущности социального вопроса» Р. Штейнера, до цикла докладов, составивших данную книгу, словом, за несколько л. до того, как Германию всколыхнула идея Зчленности социального организма и зазвучали во многих крупных залах Европы его доклады по социальным проблемам. (Все это относится к чуть более позднему, но вытекающему из предыдущего периоду творчества Р. Штейнера.

Это не случайно по многим причинам. И потому, что социальные проблемы нашего времени так сложны, так болезненны, что для их постижения требуется особый уровень сознания, иная ступень знания о мире и человеке. И потому, что именно 1-ая Мировая война и события 18 — начала 19 веков, особенно обнажили сущность социального вопроса). Следовательно, Бердяев не мог знать того, чего еще не существовало. Однако при более внимательном рассмотрении такое объяснение оказывается несостоятельным. Оно опровергается как реальным положением дел, так и самой, статьей Бердяева. Читая ее, никак нельзя отделаться от ощущения поверхностности и какой-то заданности выводов. Ее название, «Теософия и Антропософия в России», вроде бы говорит за то, что автор понимает различие между этими 2 духовными течениями, тогда как содержание свидетельствует об обратном: два эти термина сплошь и рядом употребляются как идентичные и в книгах Р. Штейнера автор статьи видит лишь «обычное, традиционное теософическое учение». Эта поверхностность ощущается так же и в отдельных фразах. Скажем, такой, как «переселение душ», которую столь охотно употребляет русский философ. Любой человек, пожелавший беспристрастно и добросовестно вникнуть в какой-либо Антропософский труд, касающийся данного вопроса, сумеет понять, во-первых, что там речь идет не о «переселении душ», а о перевоплощении духа и, во-вторых, уяснить принципиальную разницу между тем и другим. Как видно, Н. Бердяев себе такого труда не дал.

Этим, на наш взгляд, и объясняется наличие в статье

дилетантских фраз типа «переселение душ», необоснованных обвинений в равнодушии к социальным проблемам современности, а также ее снисходительно-ироничный тон в целом, а не тем, что статья была написана до книги «Сущность социального вопроса» и социальных циклов Р. Штейнера. Дело в том, что, если можно так выразиться, социальные тенденции в книгах, статьях и докладах основателя Антропософии стали отчетливо видны задолго до опубликования брошюры Н. Бердяева. Кроме того, уже в 1902 году, Р. Штейнером была опубликована отдельная работа «Теософия и социальный вопрос», по объему, кстати, вполне сравнимая со статьей Н. Бердяева. В ней намечены идеи, которые мы узнаем развитыми в его основных работах, посвященных социальному вопросу. Эта брошюра имела широкое хождение и резонанс, но почему-то оказалась Н. Бердяеву неизвестна.

Дальше. В 1913 происходит отторжение Теософским Обществом Р. Штейнер и его последователей и, как следствие, образование Антропософского Общества. Невероятно и необъяснимо, если Н. Бердяев, готовя статью с таким обязывающим названием, «Теософия и Антропософия в России», претендующую определить место и судьбы Теософии и Антропософии в России, не проанализировал причины разрыва Теософского Общества с Р. Штейнером. Сделай он это, он, думается, непременно увидел бы среди других причин одну, имеющую непосредственное отношение к теме нашего разговора (замечу, что нас в данной истории интересует только ее, так сказать, социальный аспект). А именно: теософия все больше отдалялась от социальных проблем современности, тогда как духовные исследования Р. Штейнер показывали, что познания сверхчувственного только тогда плодотворны, когда сопряжены с таким же духовнонаучным познанием как отдельного человека, так и социальной общности людей в конкретной действительности. Здесь уместно спросить, а были ли у Н. Бердяева. возможности прояснить ситуацию? Факты позволяют ответить на этот вопрос утвердительно. Он владел немецким языком, был знаком со многими, знавшими об Антропософии не понаслышке, например, с А. Белым, присутствовал на одном из циклов Р. Штейнера (Интересная деталь. А. Белый, называвший себя «врагом теософии» из-за того, что она, по его выражению, была ослащена «какою-то гниловатой патокой», признавался в одном из писем Александру Блоку, что его привлекла в Р. Штейнере как раз тенденция «конкретизировать теософию», т.е. связать ее с реальной земной действительностью. «Теоретически, я себе тогда (1908! — Н. Бердяев) выделил Р. Штейнера из плеяды теософских деятелей». Как известно, А. Белый примкнул к Антропософскому Движению, участвовал в числе других русских в строительстве 1-го Гетеанума в Дорнахе).

Наконец, последнее. Н. Бердяеву было отпущено судьбой еще более трех десятков лет жизни после написания статьи «Теософия и Антропософия в России». Время достаточное, чтобы уточнить некоторые ее бездоказательные положения, в частности, о равнодушии Антропософии к социальным проблемам. Насколько позволяют судить его многочисленные

опубликованные у нас в последние годы труды, этого сделано не было. Думается, этого не было сделано потому, что известный русский философ Н. Бердяев не связывал Антропософию с будущим России, в чем, на наш взгляд, глубоко ошибся. Уточним: этим замечанием ничуть не оспаривается право любого на самостоятельное суждение. Речь только о том, что выносить его следует после серьезного проникновения в предмет, особенно если это касается такого нового и всеобъемлющего явления, как Антропософски ориентированная Духовная Наука, где для составления суждения недостаточно той подготовки, какую дает сегодня философское или иное научное образование. Завершая данный разговор, можно только согласиться со словами Н. Бердяева из цитированной статьи, что «поистине легкомысленно относиться с насмешливым отрицанием к тому, чего не знаешь, чего не испытал и к суждению о чем не подготовлен»... Но если мы находим упрек Н. Бердяева хоть и необоснованным в адрес Антропософии, но оправданным как требование, которому должна соответствовать любая наука, любое мировоззрение, претендующее быть необходимым человеку, и главное осознаем его как вытекающее из глубин русского духа, которому еще предстоит проявиться во всей полноте в будущем, то не должны ли мы быть столь же последовательны и увидеть в данном случае проявление также одной из сопутствующих черт национального характера: свойственную нам иногда поспешность суждений, основанных не на терпеливом и глубоком проникновении в предмет, а больше на чутье, на подспудной уверенности, что принадлежность к русскому народу уже сама по себе может служить залогом верности суждения.

Нам сегодня представляется возможность более основательно ознакомиться с наследием Р. Штейнера, в том числе с его работами, посвященными социальному вопросу, и здесь важно избежать поспешности и поверхностности. Время обязывает не повторить, а исправить ошибку Н. Бердяева и узнать в данной книге, как и в Антропософии в целом, то необходимое нам знание, которое помогает перевести рассмотрение проблемы построения социально-здорового будущего из сферы чувств и мечтаний в сферу сознания и волевого действия.

Калуга, май 1993

Н. Банзелюк.

**Первый доклад
Цюрих. 4 октября 1919 г.**

Социальный вопрос как вопрос духовный, правовой и хозяйственный

Кто сегодня размышляет о социальном вопросе, тот должен ясно представлять, что этот вопрос, как учат могущественные факты нового и новейшего времени, не может больше рассматриваться как вопрос партийный, как вопрос, происходящий просто из субъективных требований отдельных человеческих групп, но должен рассматриваться как вопрос, который ставит перед человечеством сама историческая жизнь.

Говоря о радикальных фактах, которые должны привести к такому воззрению, мне достаточно указать лишь на то, что в течение значительно более полувека все больше и больше росло пролетарско-социалистическое движение. И как бы ни относиться в соответствии со своими собственными взглядами, своими собственными жизненными условиями, критически или же с признанием, к взглядам, выступающим в этом социалистически-пролетарском движении, их все же нужно принимать как исторический факт, с которым следует объективно считаться. И кто прослеживает полные ужасов последние годы так называемой мировой войны, от того не сможет укрыться — даже если повсюду ему предстают другие причины и поводы к этим ужасным событиям — что значительная часть этих ужасов вызвана в конечном счете социальными требованиями, социальными противоречиями, и что теперь, когда мы подошли к развязке, к предварительной развязке ЭТИХ ужасных событий, ясно и отчетливо обнаруживается, что в большей части цивилизованного мира как последствие этой так называемой мировой войны вырисовывается социальный вопрос. Если он вырисовывается как последствие этой так называемой мировой войны, то он, без сомнения, каким-нибудь образом в ней содержался.

Однако вряд ли правильно рассматривает упомянутый факт тот, кто смотрит лишь с ближайшей, часто личной точки зрения, как сегодня часто делается, кто не может расширить свой горизонт до общечеловеческих событий. Это расширение горизонта и было целью моей книги «Сущность социального вопроса в жизненных необходимостях настоящего и будущего», и оно специально для Швейцарии должно быть развито журналом «Социальное будущее», издаваемом здесь, в Цюрихе.

Теперь нужно сказать, что большинство людей, говорящих сегодня о социальном вопросе, совершенно естественно видит в нем вопрос хозяйственный, и в настоящий момент вряд ли вообще что-либо, кроме вопроса о хлебе, в крайнем случае, как ясно показывают факты, вопрос человеческого труда, вопрос хлеба и вопрос труда. И именно желая видеть в социальном вопросе вопрос хлеба и труда, мы должны уяснить, что человек имеет хлеб благодаря тому, что человеческое общество производит для него этот хлеб, и что человеческое общество может производить этот хлеб, только если имеет место труд.

Но род и способ, как можно и нужно трудиться, в большом и малом связаны с тем, как организовано человеческое общество,

какая-нибудь замкнутая область этого человеческого общества, например, государственная сфера. А кто приобретет несколько более широкий взгляд, тот вскоре увидит, что кусок хлеба не может стать дороже или дешевле без того, чтобы многое, очень многое не изменилось во всей структуре социального организма.

И кто затем направит взор на то, как отдельный человек со своим трудом участвует в этом социальном организме, тот увидит, что если отдельный человек работает хотя бы на четверть часа больше или меньше, это отражается в тех формах и способах, в которых общество замкнутой хозяйственной области имеет хлеб и деньги для отдельного человека. Из этого вы видите, что даже если хотят рассматривать социальный вопрос как вопрос хлеба и труда, тотчас приходят к более широкому горизонту. Об этом более широком горизонте в различных сферах я бы хотел поговорить с вами в этих шести докладах. Сегодня я хотел бы прежде всего дать своего рода введение.

Кто обзревает новую и новейшую историю человечества, тот легко может найти подтверждение тому, что проницательные наблюдатели социальной жизни высказывали действительно достаточно убедительно. Но, конечно, только проницательные! Существует труд 1909 года, содержащий, можно сказать, нечто лучшее из того, что произошло из действительного понимания социальных условий. Это сочинение Хартли Уизерса "Деньги и кредит в Англии". В этом сочинении откровенно признается нечто такое, что сегодня должно стоять перед глазами каждого, кто вообще намерен заниматься социальной проблемой. Уизерс открыто говорит: то, как сегодня выступают в социальном организме кредитование, имущественные и денежные условия, столь сложно, что оно действует запугивающе, и если хотят логическим образом расчленить функции кредита, денег, труда и тому подобное в социальном организме, то почти невозможно извлечь то, что необходимо, чтобы действительно с пониманием проследить вещи, участвующие в социальном организме. И то, что столь проницательно высказывается, подкрепляется всем историческим мышлением о социальной проблеме, о социальном хозяйственном сотрудничестве людей, которое мы можем в новейшее время проследить.

Ибо что, собственно, мы видим? С тех пор, как хозяйственная жизнь перестала в определенном отношении упорядочиваться инстинктивно патриархально, с тех пор, как посредством современной техники, современного капитализма она становится все сложнее и сложнее, с этого времени ощущают необходимость так размышлять об этой хозяйственной жизни, создавать себе такие представления, как размышляют и создают представления, скажем, в научных исследованиях, в научной работе. И мы видим, как в ходе нового времени о так называемой национал-экономии возникли взгляды, которые называли взглядами меркантилистов, физиократов, Адама Смита и так далее вплоть до Сен-Симона, Фурье, Бланка, до Маркса и Энгельса и современных.

Что же обнаружилось в ходе этого национал-экономического

мышления? Можно направить свой взор, например, на меркантилистскую школу, или на физиократическую школу национал-экономии, или на то, что внес в национал-экономия Рикардо, учитель Карла Маркса, можно просмотреть многих других национал-экономов, и всегда найдете, что эти личности направляют свой взор на тот или иной поток в явлениях. Из этого одностороннего потока они пытаются вывести определенные законы, по которым надлежит формировать национал-экономическую жизнь. Всегда оказывалось, что то, что было найдено во образах научных представлений нового времени как некие законы, подходило к некоторым фактам национал экономии, но другие факты оказывались слишком далеки от того, чтобы быть охваченными этими законами. Всегда оказывалось, что взгляды, которые выступали в 17, 18, начале 19 столетия так, что претендовали на нахождение законов, по которым можно формировать хозяйственную жизнь, были односторонними. Затем возникло нечто очень, очень примечательное.

Национал-экономия стала в известном смысле наукоподобной. Она была включена в число наших официальных университетских наук и была сделана попытка исследовать также и экономически-социальную жизнь в полном вооружении научного образа представлений. К чему же пришли? У Роше, Вагнера и других видно, к чему они пришли: к рассмотрению хозяйственных законов, которое больше не отваживается образовывать такие максимы, такие импульсы, которые могли бы действительно формирующе вмешиваться в хозяйственную жизнь. Хотелось бы сказать: научная национал-экономия стала рассматривающей, созерцательной. Она более или менее отклонилась от того, что можно было бы назвать социальным волнением. Она не пришла к законам, которые могли бы влиться в человеческую жизнь так, чтобы формирующе действовать в социальной жизни.

То же самое обнаружилось и иначе. Появились люди, которые были настроены великодушно, дружественно, относились к людям с доброй волей, по-братски — достаточно назвать только Фурье, Сен-Симона и подобных им. Одухотворенным образом обрисовали они картины общества, воплотив которые, они полагали возможным ввести общественно желательные, социально желательные состояния в человеческой жизни. Но известно, как к таким общественным идеалам относятся те, кто сегодня прежде всего ощущают социальный вопрос как вопрос жизни. Спросите сегодня у тех, кто полагает, что мыслит социалистически в поистине современном смысле, что они думают об общественных идеалах Фурье, Луи Блана, Сен-Симона. Они скажут, что это утопии, что это картины социальной жизни, которыми ведущие классы человечества призывают: делайте так-то и так-то, и многие социальные беды исчезнут. Но, говорят они, все то, что придумано в таких утопиях, не имеет силы излиться в волю людей, остается утопией. Можно навывдвигать и еще таких прекрасных теорий, говорят они, но человеческие инстинкты, например, зажиточных людей не будут направляться этими теориями, здесь должны вмешаться другие силы. — Словом,

выступает решительное неверие в социальные идеалы, предложенные людям чувством, ощущением и современным родом познания.

Это в свою очередь связано с тем, что вообще внесено в духовную жизнь человечества в ходе нового исторического развития. Часто подчеркивалось, что то, что сегодня фигурирует как социальный вопрос, в существенном связано с капиталистическим хозяйственным укладом нового времени, который в том особом роде, каким мы его сегодня имеем, опять-таки сформировался распространением современной техники и так далее. Но нельзя правильно оценить все имеющиеся при этом значение вещи, если не принять во внимание также нечто другое: что с капиталистическим хозяйственным укладом, с современной техникой в жизнь нового цивилизованного человечества вошел особый род мировоззренческого настроения, мировоззренческое настроение, которое принесло большие плоды, значительные, радикально прогрессивные плоды, особенно в технике и естествознании, но о которых в то же время нужно сказать и нечто другое.

Если вы проследите те или иные из моих работ, вы увидите, что я признаю, не отклоняю, не критикую то, что вошло в новое время благодаря естественнонаучному образу представлений. Я полностью признаю значение для прогресса человечества того, что пришло благодаря коперниковскому мировоззрению, благодаря галилеизму, благодаря расширению человеческого горизонта Джордано Бруно и другими, многими другими. Но что развилось одновременно с современной техникой, с современным капитализмом, это то, что древние, древнейшие мировоззрения преобразились так, что новое мировоззрение приняло сильно интеллектуализированный, прежде всего научный характер.

Вспомните только — правда, сегодня находят неудобным правильно принимать во внимание такие факты — как то, что мы сегодня с гордостью называем своим «научным мировоззрением», постепенно развилось, это можно показать в частности, из более старых религиозных, художественно-эстетических, нравственных и так далее мировоззренческих течений. Эти мировоззренческие течения имели известную движущую силу для жизни. Этим мировоззрениям прежде всего было свойственно то, что они приводили человека к сознанию духовности его существа. Эти более старые мировоззрения, как бы сегодня ни относились к ним, они так говорили человеку о духе, что человек чувствовал, что в нем живет духовное существо, которое вчленено в колеблющее и пронизывающее мир духовное существо. На место этого мировоззрения с определенной социальной движущей силой, движущей силой для жизни, пришло теперь более научно ориентированное новое мировоззрение. Оно должно иметь дело с более или менее абстрактными законами природы, с более или менее отделенными от человека чувственными восприятиями, с абстрактными идеями и абстрактными фактами. И это естествознание нужно рассматривать, исходя из того — не умаляя тем самым ни в малейшей мере его ценности — что же оно дает человеку, что оно прежде всего дает

человеку такого, чтобы человек находил ответ на загадку своего собственного существа. Это естествознание очень много говорит о связи природных явлений. Оно также очень много говорит о телесно-физическом состоянии человека. Но оно перешагивает свои пределы, если хочет что-либо высказать о наивнутреннейшем существе человека, и оно плохо понимает само себя, если даже только пытается дать такой ответ.

Я вовсе не утверждаю, что нечто, являющееся популярным, общим сознанием человечества, сегодня уже вытекает из естественнонаучных учений. Однако истинно нечто другое, глубоко истинно: естественнонаучный образ мышления сам произошел из определенного настроения современной человеческой души. Если сегодня проницательно познают жизнь, то знают, что с середины 15-го столетия и затем все больше и больше в настроении человеческой души по сравнению с прежними временами нечто изменилось. Известно, что на все человечество, сначала на городское население, а затем и на деревню, все больше и больше изливалось то воззрение на мир, которое затем лишь выразилось в естественнонаучном направлении как в симптоме. Следовательно, говоря о том, как сегодня настроена человеческая душа, имеют дело не с чистым следствием теоретического естествознания, а с чем-то, что вообще как внутреннее душевное настроение охватило человечество с начала нового времени.

И теперь наступило нечто многозначительное: это научно-ориентированное мировоззрение пришло одновременно с капитализмом, одновременно с техникой современной культуры. Люди были отозваны от своего старого ремесла и приставлены к машине, загнаны на фабрику. Они стоят рядом с тем, загнаны в то, над чем господствует только механическая закономерность, откуда не вытекает ничего, что имело бы непосредственное отношение к человеку. Из старого ремесла изливалось нечто, дававшее ответ на вопрос о человеческой ценности и человеческом достоинстве. Абстрактная машина не дает никакого ответа. Современный индустриализм — как механическая паутина, сплетенная вокруг человека, в которой он оказался и которая не обращается к нему ни с чем таким, в чем бы он участвовал с радостью, как в результатах старого ремесла.

Так в новое время разверзлась бездна перед тем, кто трудился как индустриальный рабочий, стоял у машины на фабрике, перед тем, кто из своего окружения больше не мог вынести веры в то, чем было старое воззрение со старой движущей силой, кто отказался от него, потому что не связал с этим жизнь, кто держится единственно только за то, к чему мир пришел в новой духовной жизни: за научно-ориентированное мировоззрение. И как действовало на них это научно ориентированное мировоззрение? Так, что они все больше и больше чувствовали: то, что может быть дано как истина мировоззрения, это лишь мысли, мысли.

Имеющие только мыслительную реальность. Кто жил с современным пролетариатом, кто знает, как в новое время формировались социальные ощущения, тот знает, что должно

обозначать слово, очень часто повторяющееся в пролетарских, социалистических кругах, слово идеология. Духовная жизнь под влияниями, которые я только что описал, для нового трудящегося человечества стала идеологией. Естественнонаучно ориентированное мировоззрение было воспринято так, что люди сказали себе: оно дает только мысли. Старое мировоззрение не желало давать только мысли; оно хотело давать людям нечто такое, что показывало им: ты со своим собственным духом зависишь от духовных существ мира. Дух духу, вот что хотели давать людям старые мировоззрения. Новое мировоззрение дает лишь мысли, и прежде всего никакого ответа на вопрос об истинном существовании человека. Оно стало ощущаться как идеология.

Таким образом, возникла бездна между ними и ведущими, руководящими кругами, которые сохраняли традицию старых преданий, старых эстетически-художественных мировоззрений, религиозных, нравственных миропониманий старых времен и тому подобного.

Они несли это дальше, эти ведущие классы, для человека в целом, в то время, как их голова принимала то, что стало научно ориентированным мировоззрением. Однако широкая масса населения больше не могла проявлять какую-нибудь склонность, какую-либо симпатию к этому преданию. Она приняла как единственное содержание мировоззрения то, что было научно ориентированным мировоззрением. Она приняла это мировоззрение так, что ощущала его как идеологию, как просто мыслительную картину. Говорили себе: действительна только хозяйственная жизнь, то, как производят, как произведенные продукты распределяются, как человек потребляет, как человек обладает тем или иным, или отдает другим и т. д. Что в человеческой жизни сверх этого — право, нравы, наука, искусство, религия — это только дым, который поднимается как идеология из единственной реальности, из хозяйственной реальности.

Так для широкой массы человечества духовная жизнь стала идеологией. Она стала идеологией потому, что прежде всего руководящие круги, видя формирующуюся новую хозяйственную жизнь и вживаясь в нее, не сумели духовной жизнью последовать за этой усложняющейся хозяйственной жизнью. Они сохраняли традицию старого времени, духовную жизнь, которая была ориентирована более или менее так, как в старое время. Широкие же массы приняли новую духовную жизнь, но не так, чтобы она давала им нечто, наполняющее сердце и душу.

С таким мировоззрением, которое ощущают как идеологию, которое ощущают так, что говорят: право, нравы, религия, искусство, наука это надстройка, дым над хозяйственным укладом — с таким мировоззрением можно мыслить, но с таким мировоззрением нельзя жить. Такое мировоззрение может быть сколь угодно триумфальным, каково оно и есть, для рассмотрения природы, но с таким мировоззрением человеческая душа становится опустошенной. Что это мировоззрение принесло человеческой душе, то и действует в социальных фактах нового времени.

Эти социальные факты не будут оценены правильно, если

смотреть только на то, что люди несут в своем сознании. Из своего сознания люди хотят сказать: ах, что вы говорите нам о социальном вопросе как о вопросе духовном! Все дело в том, что хозяйственные блага распределяются неравно. Мы стремимся к равному распределению! Такие вещи люди могут сознательно ощущать в своей верхней камерке, но в подсознательных глубинах души, там возбуждается нечто иное, там возбуждается то, что развивается бессознательно, потому что из сознания не проистекает ничего, что было бы настоящим духовным наполнением души, потому что там действует только то, что опустошает души, что ощущается как идеология. Пустота новой духовной жизни, вот то, что должно считаться первым членом социального вопроса. Этот социальный вопрос есть прежде всего вопрос духовный.

И поскольку развивалась духовная жизнь, которая, например, в национал-экономической области, в самой важной, в университетской национал-экономии, стала просто рассмотрением, не развивающим из себя принципы социального видения, поскольку она пришла к тому, что! лучшие друзья человечества, Сен-Симон, Луи Блан, Фурье придумали общественные идеалы, в которые никто не верит, — ибо вообще все, что происходит из духа, ощущается как утопия, как простая идеология — поскольку это всемирноисторический факт, что развивалась духовная жизнь, которая действует лишь как надстройка хозяйственной жизни, которая не проникает действительно в факты и потому ощущается как идеология — поскольку дело обстоит так, что первым элементом социального вопроса должен рассматриваться вопрос духовный. Перед нами сегодня, можно сказать, огненными буквами стоит вопрос: каким должен быть человеческий дух, чтобы он научился владеть социальным вопросом?

Мы видели, что научный образ мыслей с наилучшими своими методами обратился к национал-экономии — и он пришел к простому рассмотрению, а не к социальному волеию. Следовательно, на основе новой духовной жизни возникает состояние духа, которое неспособно развивать национал-экономия как основу для практического социального волеия. Каким должен быть дух, чтобы из него происходила такая национал-экономия, которая может стать основой настоящего социального волеия?

Мы видели, что широкие массы людей лишь восклицают «утопия», когда слышат общественные идеалы благомыслящих друзей человечества, что они не верят, что человеческий дух столь силен, что он овладеет социальными явлениями. Какой должна быть духовная жизнь, чтобы люди снова научились верить: дух может охватить идеи, которые создадут такую социальную организацию, что определенные социальные бедствия исчезнут?

Мы видели: научно ориентированное мировоззрение ощущается в широких кругах как идеология. Но идеология, как единственное содержание души опустошает душу, порождает в подсознательных глубинах то, что сегодня выступает в запутанных хаотических явлениях социального вопроса. Какой должна быть духовная жизнь, чтобы она не

порождала больше идеологию, а вливала в человеческую душу то, что дела⁰⁰_{1F}ло бы ее способной так вмешиваться в социальные явления, чтобы люди могли работать друг рядом с другом действительно социальным образом?

Так, прежде всего видно, что социальный вопрос есть вопрос духовный, что современный дух не в со⁰⁰_{1F}тгни наполнить души, но как идеология опустошает душу.

Сегодня во введении я хотел бы прежде всего истори⁰⁰_{1F}чески показать вам, что в условиях новой жизни социальный вопрос ощущается как вопрос духовным, как правовой и как хозяйственный вопрос.

Возьмем то, что не очень давно высказывала одна личность, стоявшая внутри деятельной политической и государственной жизни современности. Те из уважаемых слушателей, которые слышали здесь мои прежние до⁰⁰_{1F}клады, не поймут меня сейчас неправильно, ибо в те времена, когда Вудро Вильсон во всем мире вне средневропейского был признан как своего рода мир⁰⁰_{1F}вой дирижер, я все снова и снова высказывался против этого признания. И те, кто меня слышал, знают, что я никогда не был сторонником, но всегда противником Вудро Вильсона. Также и в то время, когда сама Германия подпала культу Вильсона, я не воздерж⁰⁰_{1F}вался от этого воззрения, которое постоянно высказывал и здесь, в Цюрихе. Но сегодня, когда этот культ извест⁰⁰_{1F}ным образом прошел, можно сказать нечто такое, что, в частности, противникам Вильсона не следует понимать враждебно.

Этот человек из проникновенного ощущения социаль⁰⁰_{1F}ного состояния Америки, каким оно развилось со вре⁰⁰_{1F}мени войны за отделение и гражданской войны шестиде⁰⁰_{1F}сятых годов, как раз переживал, как государственные и правовые условия относятся к хозяйственным услови⁰⁰_{1F}ям. Непредвзятым взором он видел, что из-за сложного нового хозяйственного уклада образовались большие скоп⁰⁰_{1F}ления масс капитала. Он видел, что были основаны тресты, большие капиталистические объединения. Он видел, что даже в демократическом государстве принцип де⁰⁰_{1F}мократии все больше и больше исчезает перед тайными действиями этих объединений, которые заинтересованы в тайне, которые с помощью накопленных масс капи⁰⁰_{1F}гала приобрели большую власть и стали господствовать над большими массами людей. И он снова и снова поднимал свой голос за свободу людей против этой власти, исходящей из хозяйственных условий. Из гл⁰⁰_{1F}боко человеческого ощущения — это должно быть сказано — он чувствовал, что социальные факты взаимосвя⁰⁰_{1F}заны с единичнейшим человеком, с тем, как отдельный человек созрел для этой социальной жизни. Он указывал на то, что для оздоровления социальной жизни важно, что в каждом человеке под внешней оболочкой живет свободно настроенное человеческое сердце. Он все снова и снова указывал на то, что политическая жизнь должна быть демократизирована, что у отдель⁰⁰_{1F}ных властных обществ эта власть и средства к ней должны быть отняты, что индивидуальные способности и силы каждого человека должны быть допущены к общей хозяйственной, социальной и государственной жизни. Он настойчиво высказывал, что его государство, которое он открыто признавал самым передовым,

страдает от возникших условий.

Почему? Да, пришли новые хозяйственные условия, большие хозяйственные скопления капитала, хозяйственное проявление власти. Все, что еще недавно было в этой области, перекрыто. Это формирование хозяйства принесло совсем новые формы совместной человеческой жизни. Сейчас стоят перед совершенно новым формированием хозяйственной жизни. И не я — из какой-нибудь теории — а этот государственный человек, можно сказать, этот «мировой государственный человек» высказал это: коренная беда нового развития заключается в том, что, хотя хозяйственные условия прогрессировали, хотя люди сформировали хозяйственную жизнь согласно тайным отношениям своей власти, но идеи права, идеи политической общественной жизни не прогрессировали, остались на прежней точке. Вудро Вильсон ясно высказал это: мы ведем хозяйство в новых условиях, но мы мыслим, мы издаем законы о хозяйстве с тех позиций, которые давно пройдены, которые устаревают. В области правовой жизни, политической жизни новое развивается не так, как в хозяйственной жизни; первая отстает. Мы живем в совершенно новом хозяйственном укладе со старыми политическими, со старыми правовыми идеями. — Приблизительно так высказал это Вудро Вильсон. И он настойчиво говорил, что при этой несогласованности правовой и хозяйственной жизни не может развиваться то, чего требует современный момент истории развития человечества: чтобы отдельный человек работал не для себя, а для блага общества. И Вудро Вильсон убедительно критиковал непосредственно перед ним стоящий общественный порядок. Я могу сказать — разрешите мне это личное замечание — что я очень, очень усердно старался проверить критику Вудро Вильсона того современного социального состояния, которое он имел перед глазами, американского, и сравнить ее с другими критиками — теперь я скажу нечто парадоксальное, но условия современности весьма часто требуют от человека поистине очень парадоксального; это необходимо, если отдавать должное сегодняшней действительности — я попытался сравнить как по внешней форме, так и по внутренним импульсам общественную критику Вудро Вильсона с критикой общества, даваемой с радикально социал-демократической стороны. Да, это сравнение можно распространить даже на радикальнейшее крыло сегодняшнего социалистического образа мыслей и социального действия. Если оставаться в пределах того, что эти люди дают как критику, то можно сказать: почти дословно критика Вудро Вильсона сегодняшнего общественного порядка согласуется с тем, что говорят Ленин и Троцкий, могильщики современной цивилизации, о которых нужно сказать, что если то, что они имеют в виду, будет слишком долго господствовать в человечестве, даже в некоторых областях, то это будет означать смерть современной цивилизации, это должно будет вести к гибели всего того, что достигнуто современной цивилизацией. И тем не менее приходится говорить парадоксальное: Вудро Вильсон, который совершенно определенно всегда мыслил создание иначе, чем эти разрушители, адресовал

современному общественному порядку критику, почти дословно подобную их критике.

И он пришел к выводу, что правовые понятия, политические понятия, как они господствуют сегодня, устарели, что они больше не в состоянии вмешиваться в хозяйственную жизнь. И удивительно, что если попытаться затем обратиться к положительному, попытаться проверить, что представил Вудро Вильсон, чтобы вызвать социальную структуру, структуру социального организма, то едва ли найдете какой-нибудь ответ! Отдельные меры здесь или там, которые, однако, принимаются и в других местах, теми, кто дает гораздо менее проницательную и объективную критику, но ничего решающего, во всяком случае не ответ на вопрос: как должны формироваться право, политические понятия, идеи, политические импульсы, чтобы они смогли овладеть требованиями современной хозяйственной жизни, чтобы можно было проникнуть в эту хозяйственную жизнь?

Здесь видно, как из самой новой жизни. Возникает второй член социального вопроса: это социальный вопрос как вопрос правовой

Сначала нужно искать основу для права, для политических отношений, для государственных отношений, необходимых, чтобы могли овладеть, могли управлять этой современной хозяйственной жизнью. Таким образом, нужно спросить как проникнуть к правовым, к политическим импульсам в отношении великих требований социального вопроса? Это второй член социального вопроса.

И посмотрите только на саму жизнь: вы найдете, что эта жизнь человека, как он включен в человеческое общество, трехчленна. Три члена вполне отчетливо отделяются друг от друга, если мы рассматриваем человека в его положении в человеческом обществе. Прежде всего, если человек должен принести что-нибудь как он несомненно должен в современном обществе для блага социального порядка — если человек должен принести в общественные дела, в общую работу, в общественное производство ценностей, общественное производство товаров, то, во-первых, он должен иметь для этого индивидуальную способность Второе: он должен уметь уживаться в мире с окружающими, мирно работать вместе с ними. И третье: он должен оказаться в состоянии найти свое место, на котором он со своей работой, со своей деятельностью, со своими изделиями мог бы иметь доступ к людям.

Относительно первого человек зависит от того, что человеческое общество развивает его способности и дарования, что оно направляет его дух, а дух, который оно в нем развивает, становится в то же время побудителем к физической работе. Относительно второго человек зависит от того, может ли он вжиться в такую социальную структуру, в которой люди могли бы так понимать друг друга, что были бы в состоянии ужиться друг с другом в мире. Первое ведет нас в область духовной жизни, в следующих докладах мы увидим, что с первым связано попечение о духовной жизни Второе ведет нас в область правовой жизни, ибо правовая жизнь по своему существу может развиваться лишь посредством того, что

находится социальная структура, благодаря которой люди мирно сотрудничают и производят друг для друга. А третье ведет нас в современную хозяйственную жизнь, которую, как я описал, Вудро Вильсон рассматривает так, словно она стала подобна человеку, выросшему большим и имеющему слишком малую одежду, из которой он везде вырос. Эта слишком малая одежда и есть для Вудро Вильсона старые правовые и политические понятия. Хозяйственная жизнь давно переросла их.

Это перерастание хозяйственной жизни того, чем духовная жизнь была прежде, оно особенно ощущалось социалистическими мыслителями. И чтобы особенно принять во внимание действовавшее в этой области, достаточно указать лишь на следующее.

Вы ведь знаете, и мы будем еще подробнее говорить обо всех этих вопросах: современный пролетариат полностью находится под влиянием так называемого марксизма. Марксизм, марксистское учение о превращении частной собственности на средства производства в общественную собственность, правда, многократно изменялось тем или иным из последователей или противников Карла Маркса; но марксизм все же есть нечто такое, что действует в образе мыслей, в понимании жизни широких человеческих масс современности, что особенно действует в том, что выступает как столь запутанные социальные факты современности. Достаточно только взять в руки очень многозначительную, примечательную книжицу Фридриха Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке» для ознакомления со всем образом мыслей, живущим в ней, чтобы увидеть, как социалистическим мыслителем понимается хозяйственная жизнь нового времени в ее отношении к правовой и духовной жизни. Достаточно только правильно понять, например, одно положение, стоящее в названной книжице Энгельса как итог: в будущем не должно быть больше правительств над людьми, над личностями, а только руководство отраслями хозяйства и управление производством.

Это означает очень многое! Это означает, что с этой стороны желается, чтобы из хозяйственной жизни было изъято нечто такое, что соединилось с ней как раз под влиянием импульсов развития нового времени. Хозяйственная жизнь, поскольку она, как я показал, выросла над правовой жизнью, поскольку она также выросла над духовной жизнью, в известной степени затопила все и внушающее действует также на мысли, ощущения, страсти людей. И поэтому все больше и больше оказывалось, что родом и способом ведения хозяйства для людей в сущности, определяется духовная и правовая жизнь.

Те, кто хозяйственно могущественны — это будет проясняться все больше и больше — те благодаря своей хозяйственной мощи в то же время обладают монополией образования. Хозяйственно слабые остаются необразованными. Установилась определенная связь между хозяйственной и духовной жизнью, связь между духовной и государственной жизнью. Духовная жизнь все больше и больше становилась чем-то таким, что развивалось не из своих собственных потребностей, что следовало не своим собственным импульсам,

но что- особенно там, где ею официально управляют, в воспитании и школьном образовании — формируют так, как требуется государственным властям. Человек отнюдь не может больше заниматься тем, к чему он способен. Он не может развиваться так, как требуют имеющиеся в нем задатки. Но вопрос в том, в каких силах нуждается государство, нуждается хозяйственная жизнь, что за люди с определенным образованием им нужны? На это направляются учебные средства, на это ориентированы занятия, экзамены. Духовная жизнь формируется не из себя самой, духовная жизнь приспособляется к правовой, государственной, политической и хозяйственной жизни. Однако одновременно это ставит и поставило именно в новое время- хозяйственную жизнь опять-таки в зависимость от правовой жизни.

Эту совместную жизнь хозяйства, права и духа видели такие люди как Маркс и Энгельс. Они видели, что современная хозяйственная жизнь не выносила больше старых правовых форм, не выносила больше также старых духовных форм. Они пришли к тому, что старая правовая жизнь, старая духовная жизнь должны были быть сброшены с хозяйственной жизни. Но тут они пришли к странному суеверию, о котором мы должны будем много говорить в этих лекциях. Они пришли к суеверию, что хозяйственная жизнь - они считали духовную жизнь, правовую жизнь идеологией, потому что рассматривали хозяйственную жизнь как единственную реальность - что хозяйственная жизнь может из самой себя производить новые правовые отношения, новые духовные отношения. Возникло одно из самых роковых суеверий: нужно, мол, определенным закономерным образом вести хозяйство, и тогда духовная жизнь, правовая жизнь, государственная и политическая жизнь появляются из хозяйственной жизни сами собой.

Почему могло возникнуть это суеверие? Это суеверие могло возникнуть только потому, что собственная структура человеческого хозяйства, собственная работа новой хозяйственной жизни скрылась за тем, что привыкли называть денежным хозяйством.

Это денежное хозяйство возникло в Европе как явление, сопутствующее совершенно определенным событиям. Достаточно лишь более глубоко взглянуть на историю, и вы увидите, что приблизительно в то время, когда Реформация и Ренессанс, то есть новое состояние духа, вошли над европейским цивилизованным миром, были открыты золотые и серебряные источники Америки, что золотой и серебряный потоки, особенно из Центральной и Южной Америки, полились в Европу. То, что раньше было больше натуральным хозяйством, все больше и больше затоплялось денежным хозяйством. Натуральное хозяйство еще могло взирать на то, что даст почва, то есть на предметное; оно могло также взирать на то, к чему способен отдельный человек и что он может производить, следовательно, на предметное и профессиональное. При циркуляции денег взгляд на чисто предметное в хозяйственной жизни постепенно исчез. Когда денежное хозяйство сменило натуральное хозяйство, на хозяйственную жизнь была некоторым образом сброшена вуаль Чистые требования хозяйственной жизни больше нельзя было видеть.

Что дает эта хозяйственная жизнь человеку? Она дает человеку товары, которые ему нужны для потребления. Сегодня нам совсем не нужно различать духовные и физические товары, ибо и духовные товары хозяйственно могут пониматься так, что они будут расходоваться именно для человеческого потребления. Эта хозяйственная жизнь дает, следовательно, товары, и эти товары есть стоимости, потому что человек нуждается в них, потому что человеческое желание распространяется на них. Человек должен приписывать товарам определенную стоимость. Благодаря этому они имеют в социальной жизни также свою объективную стоимость, которая глубоко связана с субъективной оценочной стоимостью, приписываемой им человеком.

Но как в новое время хозяйственно выражается стоимость товаров? Стоимость, ценность товаров, производимых в хозяйстве, что она означает в социальной, в хозяйственной совместной жизни, как она выражается? Она выражается в ценах. В эти дни мы должны будем говорить о стоимости и цене; сегодня я хочу указать на то, что в хозяйственном обмене, в социальном обмене вообще — поскольку этот обмен зависит от хозяйства, от товаров — стоимость товаров для человека выражается в цене. И это большая ошибка, если стоимость товаров смешивают с денежными ценами. И, собственно, не посредством теоретических рассуждений, а посредством жизненной практики человечество будет все больше и больше приходить к тому, что стоимость товаров, производимых в хозяйстве, которая зависит от человеческой субъективной оценки, от известных социальных правовых и культурных условий, есть нечто иное, чем то, что выражается в ценовых соотношениях, обнаруживающихся в деньгах. Но стоимость товаров прикрыта в новое время ценовыми соотношениями, господствующими в социальном обращении.

Это лежит в основе современных социальных отношений как третий член социального вопроса. Здесь, здесь социальный вопрос учатся познавать как хозяйственный вопрос: если в свою очередь возвращаются к тому, что подтверждает настоящая стоимость товаров, по сравнению с тем, что выражается просто в соотношениях цен. Соотношения цен могут поддерживаться никак не иначе, особенно в критические времена, как благодаря тому, что государство, то есть правовая основа, принимает на себя гарантию стоимости денег, то есть стоимости одного единственного товара.

Но выступает нечто новое. Не нужны никакие теоретические рассуждения о том, что получается из-за этого недоразумения о цене и стоимости, достаточно указать на нечто фактическое, что выступило в новое время. В национал-экономии говорится о том, что в старое время в Германии даже вплоть до конца средних веков — существовало натуральное хозяйство, основанное просто на обмене товаров, что на его место пришло денежное хозяйство, где деньги есть представитель товаров и собственно стоимостный товар всегда обменивается на деньги. Но мы уже видим, что в социальную жизнь вошло нечто такое, что кажется предназначенным сменить денежное хозяйство.

Это другое уже везде действует, только остается незамеченным. Но кто выходит за пределы абстрактного понимания, своей кассовой и счетной книги, кто выходит за пределы простого числа и может читать то, что в этих числах записано, тот найдет, что в числах сегодняшней кассовой и счетной книги стоят не просто товары, но что в них часто выражается то, что можно было бы назвать отношениями кредитования в современном смысле слова. Что человек прежде всего может произвести, потому что предполагается, что он способен к тому или иному, что из способностей человека может пробудить доверие — вот что удивительным образом все больше и больше входит в нашу сухую, трезвую хозяйственную жизнь.

Если вы сегодня изучите деловые книги, то найдете, что вступает — по сравнению с тем, чем является простая денежная стоимость — строительство на доверии к людям, опора на человеческие способности. В числах сегодняшних деловых книг выражается большой поворот, выражается социальная метаморфоза, когда их правильно читают. Если раньше подчеркивали, что старое натуральное хозяйство преобразовалось в денежное хозяйство, то сегодня должны также подчеркивать: третий член, это преобразование денежного хозяйства в кредитное хозяйство.

Тем самым новое в свою очередь заступает место того, что было долгое время. Благодаря этому, однако, в социальную жизнь вступает также и то, что указывает на достоинство самого человека. Сама хозяйственная жизнь в отношении производства стоимостей стоит перед преобразованием, стоит перед вопросом, это я есть хозяйственный вопрос, это третий член социального вопроса.

Этот социальный вопрос в настоящих докладах мы должны будем познать как духовный вопрос, как правовой и государственный или политический, и как хозяйственный вопрос. Дух должен будет дать ответ на первый вопрос: как сделать людей подходящими, чтобы могла возникнуть социальная структура, не содержащая сегодняшних недостатков, на которые нечего ответить? Второй вопрос таков: какая правовая система снова приведет людей к миру при продвинувшихся хозяйственных отношениях? Третий таков: какая социальная структура будет в состоянии так поставить человека на свое место, чтобы он мог с этого места работать для человеческого блага так, как он может по своему существу, по своим дарованиям, по своим способностям? К этому приведет вопрос: какой кредит подобает личному достоинству человека? Так мы представляем себе преобразование хозяйства из новых отношений.

Духовный вопрос, правовой вопрос, хозяйственный вопрос встают перед нами в вопросе социальном. И мы увидим, что мельчайшее расчленение социального вопроса будет видимо в правильном свете, если только этот социальный вопрос рассматривать в основе как вопрос духовный, правовой и хозяйственный. Об этом продолжим завтра.

Ответы на вопросы после первого доклада

Это в порядке вещей, что поскольку сегодня я сделал лишь введение, то очень легко могут возникнуть вопросы, ответ на которые надлежащим образом и во взаимосвязи докладов будет дан только в ближайшие дни. Таков первый заданный мне вопрос:

Как можно найти объективный масштаб стоимости для товаров?

Я хотел бы лишь немного, как уже было сказано, остановиться на этом вопросе, потому что в ближайшие дни изложение должно будет коснуться этой проблемы и тогда на него можно будет ответить с учетом взаимосвязей. Все же я хотел бы сказать по этому поводу следующее.

Видите ли, при постановке такого вопроса речь идет о том, чтобы совершенно уяснить себе: этот вопрос возникает на почве хозяйственной жизни. Вопрос о стоимости товаров можно ставить только на почве хозяйственной жизни. Но это означает необходимость познакомиться при этом со многим, в отношении чего в настоящее время требуется своего рода переучивание и переосмысливание. Современность считает себя чем-то мыслящим ужасно практически. В настоящее время легко называют то или иное «серой теорией». Но с действительно практическим мышлением ушли все же не слишком далеко. И как раз те, кто называют себя сегодня практиками, подчинены самым серым теориям. Они только в состоянии выразить эти серые теории в возможных жизненных навыках и считают их практичными потому, что не видят, действуют ли они плодотворно или разрушительно.

То, что здесь защищается, трехчленность социального организма, должно отличаться от социалистической или других теорий тем, что оно есть нечто, в самом подлинном смысле добытое из жизненной практики. Уже поэтому нужно сказать, что такой вопрос, как вопрос об объективной стоимости товара, изделия, продукта должен ставиться строго на почве хозяйственной жизни. Однако — и тут я прихожу к тому, что еще чуждо современному роду представлений — дело здесь не в том, чтобы найти какое-нибудь определение того, что такое стоимость товара. Для всевозможных вещей постоянно находились прекраснейшие определения, но при самых прекрасных определениях часто оказывалось, что именно в жизни они ни на малый шаг не помогают продвинуться вперед. Если говорить о стоимости товаров, то дело не в том, что можно сказать, то, мол, или иное есть стоимость товара, а в том, чтобы стоимость товара реально выражалась в циркуляции межчеловеческого общения, чтобы действительно товар, который я произвожу, приносил мне столько, сколько мне нужно для такого производства. Следовательно, дело в том, чтобы товар проникал в кругооборот товаров с соответствующей стоимостью. И размышлять нужно не о том, как определить, какие объективный масштаб стоимости товара, а о том, чтобы найти такую социальную структуру, благодаря которой производимые человеком товары вступали бы в социальную жизнь так, чтобы циркулировать в ней для блага общества. Дело здесь в том, чтобы в первую очередь найти условия, из-за которых товары стоят больше или меньше.

Достаточно, например, указать лишь на следующее.

Допустим, что в какой-нибудь замкнутой хозяйственной области стало производиться слишком много жира, слишком много пригодного к потреблению человеком жира. Хорошо, избыток, который люди не могут съесть, можно использовать для смазки экипажей. Ладно, можно так использовать. Но тем самым стоимость жира для сообщества людей существенно уменьшится. Допустим, жира производится слишком мало, тогда стоимость повысится, и только люди с доходами выше средних смогут приобретать себе жир. То есть, можно указать условия, при которых стоимость товара, продукции повышается или падает.

Итак, дело в том, чтобы возникла такая социальная структура, посредством которой стоимость отдельного товара находила бы свое соответствующее выражение в сравнении с другими товарами. Дело, таким образом, не в том, чтобы можно было задать стоимость, что, конечно, можно сделать посредством соответствующей денежной цены, но здесь полная цена не проявится. Дело в том, что ее нужно привести к тому, чтобы по сравнению с другими товарами произведенные товары, о которых идет речь, имели соответствующую стоимость. Этот вопрос, следовательно, должен ставиться на почве хозяйственной жизни, и спрашивать нужно не об определении стоимости, а об условиях, при которых товары могут приобретать соответствующую правильную стоимость.

Вот то, что я, прежде всего хотел бы сказать. Этим я хотел указать на то, что постановка вопросов, род представлений в социальной жизни во многих отношениях должны быть изменены. Человечество должно привыкнуть к переосмыслению. Сегодня даже практическая жизнь, хотелось бы сказать, втянута в теорию. И в докладе я хотел указать, что теперь снова с другой стороны в постепенно ставшую совсем абстрактной жизнь - именно под впечатлением денежного хозяйства, ставшую совсем абстрактной — все больше и больше проникает конкретная жизнь в кредитном хозяйстве. Видите ли, этими вещами сегодня будут, собственно, заниматься с известным научным высокомерием. От каких сложных условий зависит такая вещь, как стоимость, действительная стоимость, совсем не замечают. Если берут цену, то не имеют картины действительной стоимости. Тут нужно войти во всю хозяйственную основу. Можно, например, говорить о ценообразовании в смысле золотого ценообразования. Национал-экономы — например, Упруг очень хорошо указывал на этот факт, но без широких взаимосвязей - приходят к тому, что в замкнутой хозяйственной области, скажем, гусь имеет определенную стоимость, выражающуюся в цене. Тогда это денежная цена. Но если, как делали другие национал-экономы, сообразно с этим хотят изучить всю структуру народного хозяйства, то приходят к очень односторонним результатам, потому что в замкнутой хозяйственной области определение стоимости также и гуся не может производиться согласно простой денежной цене.

Стоимость, в частности, зависит также от таких вещей: держат ли в хозяйстве гусей, чтобы иметь гусиный жир и продавать их как гусей, или, может быть, их держат для того, чтобы обшипывать и продавать перья. Следовательно, многое

зависит от того, производят ли перья или гусей. Это обнаруживается только при надлежащем рассмотрении хозяйственной жизни. Если часто статистически воспринимать числа, сколько стоят отдельные вещи в денежном выражении, то не возникнет понимания предметного хода хозяйственной жизни, а тем самым понимания действительного образования стоимости.

Следовательно, нужно входить во взаимоотношения и становиться на почву строго хозяйственной жизни, желая говорить о стоимости. Тогда нужно говорить не о том, как объективно выражается стоимость, а о том, какие условия социальной природы в состоянии дать товару, изделию, человеческому творению ту стоимость, которая по сравнению с другими товарами справедлива? Это был бы правильный вопрос. Вопросы, которые выступают сегодня очень сильно теоретически, будут, хотелось бы сказать, очень практицированы! И на это обращение к практике, которое сегодня еще кажется совершенно чуждым многим, желающим как раз быть практиками, на него и работает трехчленность социального организма.

Затем поставлен вопрос:

Из каких предпосылок возник импульс к трехчленности социального организма?

Здесь нужно сказать, что социальный вопрос, собственно, впервые стал критическим во время большой катастрофы мировой войны.

Я не охотно касаюсь личного, но в таких вещах довольно часто бываешь вынужден делать это. У меня был повод достаточно разносторонне переживать ход социального вопроса. Я долгое время был учителем Берлинской рабочей общеобразовательной школы, в которой можно было очень хорошо изучать социальный вопрос в общении не только со взрослыми, но часто и просто пожилыми учениками. Там я практически в жизни ознакомился с социальным вопросом с разнообразнейших сторон, прежде всего, со стороны того, как он живет в душах широких масс современных людей, с каким трудом его понимают именно эти классы людей. Я видел это мое учительство имело место два десятилетия назад что как раз в этот момент времени на повороте от 19-го к 20-му столетию можно было внести в современные широкие массы рабочего населения идеи, которые могли бы воспрепятствовать сегодняшнему хаосу и сегодняшней ярости разрушения в социальной области.

Я по истине мог отчетливо видеть, что широкая масса населения двадцать лет назад была доступна для рожденных из духа идей, если бы на это обратили ее внимание.

Что этому противостояло, я узнал, во-вторых, когда смог познакомиться и с другой стороной. Видите ли, я имел несчастье приобрести сторонников именно среди учеников, сторонников поистине совершенно иного образа мыслей, чем тот, который впоследствии распространился. Я видел, что широкие массы народа действительно были доступны для здоровых идей. И, не становясь нескромным — я рассказываю лишь факты — я могу сказать: обычно, когда заурядные социалистические учителя, какими как раз и были обычные

агитаторские учителя рабочей образовательной школы, давали свои курсы, то бывало так, что в первую четверть — обучение было разделено по четвертям — они имели известное число слушателей; но затем оно быстро уменьшалось. Число моих слушателей — я действительно могу это сказать, потому что это факт — оно росло от четверти к четверти, и стало слишком большим для вождей пролетариата, для этих вождей, которые переняли обрывки буржуазной науки и использовали ее совершенно определенным образом. Когда эти люди увидели, что я приобретаю сторонников, было устроено так, что однажды все ученики этой четверти были собраны вместе и были присланы также три посланца руководства — но низшего ранга. Да, тогда я был обвинен в том, что учу не правильному марксистскому пониманию истории, не историческому материализму, что естественнознание я также использую не для того, чтобы вводить в материализм, чтобы поддерживать марксизм, а для того, чтобы серьезным образом нести научное мировоззрение в народную массу. Словом, я был обвинен в том, что я не был верным учителем догм социалистической системы. Я тогда отважился сказать: мне хотелось бы все же представить общество, работающее для будущего. Мне кажется, первой необходимостью тогда было бы, чтобы у вас выдерживалось истинное требование будущего: чтобы была предоставлена свобода обучения! — Тогда один из таких посланцев заявил: свободу обучения мы не можем признать, в обществе»- вой жизни это для вас не имеет значения, мы знаем только разумное принуждение. — И под этим «разумным принуждением» дело обернулось так, что против меня проголосовали трое, за меня все остальные шестьсот, но мне все же отказали. Это другая сторона развития социального вопроса, с которой я также мог познакомиться. Тут можно видеть, в ведении каких общественных сил, собственно, находится социальный вопрос.

Нужно было постепенно рассмотреть, как в человеческой жизни, в человеческом развитии вообще совместно действуют духовное, политически-правовое и хозяйственное. Но тогда можно было увидеть, что как раз при новейших условиях путем смешения политически-правового, духовно-культурного, к которому принадлежат также и национальные условия, с хозяйственным развились великие хозяйственные империи, хозяйственный империализм. Можно было видеть, как хозяйственная система, если бы она двигалась дальше именно так, как в известном смысле считалось идеальным в конце 19-го, начале 20-го столетий, должка была вести к постоянным кризисам. Затем можно было видеть, что эта катастрофа мировой войны есть лишь сконцентрированный большой кризис, потому что государства из политических образований постепенно разрослись в хозяйственные империи, которые лишь вобрали в себя политические и духовные сущности.

Возьмем исход этой катастрофы мировой войны. Помимо случайных высказываний, я лишь относительно поздно стал говорить о национальном вопросе так, как говорю теперь, когда я должен говорить о нем известным образом как о части своей задачи. Но я наблюдал социальное движение человечества всю

свою жизнь. И кто, как я, половину этой своей жизни, тридцать лет. провел в Австрии, тому эта Австрия представляется учебным примером — если можно применить это выражение к великому историческому, которое должно было развиться в своих соотношениях — как в нем сплелись духовные, в прежде всего национально-культурные условия, политически-правовые условия и хозяйственные условия. Возьмите юго-восток Европы, тот бурный угол, из которого, собственно, мировая катастрофа получила последний толчок; там вы увидите, как то, что позже вспыхнуло ярким пламенем, подготавливалось Берлинским конгрессом, где Австрия была подговорена на оккупацию Боснии и Герцеговины. Это была программа политического рода, которая вмещалась в политическую структуру Австро-Венгрии. Но созданные этим условия были больше невыносимы в момент, когда на Балканах произошел полный переворот, чисто политический переворот, то есть переворот в политически-правовой области. Старый реакционный турецкий элемент был сменен господством младотурков, непосредственным следствием этого было то, что привело Австрию к аннексии вместо оккупации Босния в Герцеговины, что Болгарию из княжества сделало королевством. Таковы были политические отношения, которые разыгрывались там. Но в эти политические отношения вплетались хозяйственные отношения. И хозяйственные отношения, наконец, так взаимодействовали с политическими отношениями, что из этого взаимодействия возникла невозможность всемирно-исторического становления. Потому что политическое правление Австрии было одновременно хозяйственным, с политическими отношениями нужно было связывать нечто такое, как, например, строительство железной дороги из Австрии на юго-восток, Салоникской железной дороги. Это было нечто чисто хозяйственное; но политические отношения постоянно играли роль наряду с хозяйственными. Все вместе покоилось на неясности духовно-культурных отношений, именно на противоречиях славянства и германства. Эта три вещи вплетались друг в друга, и из этого сплетения возникла ужасная катастрофа. Можно год от года изучать, как тем самым были созданы обманчивые отношения, что правовые, духовно культурные и хозяйственные отношения не могли быть разделены.

Но эти отношения стремились к разделению, разьединению. И нужно вспомнить, как с наступлением отношений нового времени очень рано правовая, духовная и хозяйственная жизнь старались разделиться. Именно тот факт, что из сплетения могло возникнуть нечто столь ужасное, как катастрофа мировой войны, указывает, что как в колбе в химической лаборатории вещества, которые смешали, но которые не принадлежат друг другу, распадаются, также распадаются, уже сравнительно рано распались хозяйственные отношения, духовные и правовые отношения.

Я хочу напомнить лишь об одном явлении, которое наступило сравнительно рано. Позже, после Реформации, после Ренессанса, оно было стерто. Если вы изучите историю Средневековья, то найдете, что церковь была против взимания процентов, то есть, что церковь везде распространяла учение,

доходившее до того, что не⁰⁰_{1F}возможно, не согласуется с действительно христианской жизнью взимать проценты с предоставляемых в долг денег. Это было учение, это была духовная жизнь. Это учение ощущали как прекрасное. Но в действительно⁰⁰_{1F}сти церковь в лице своих представителей взимала очень много процентов. Хозяйственная жизнь очень сильно отделилась от духовной жизни. Они распались.

И на подобные же явления можно было бы очень сильно указать в последние годы, если, например, захо⁰⁰_{1F}теть показать, как хозяйственная жизнь в форме всевозможной спекуляции, тайного добывания средств к жизни разошлась с правовой жизнью, рационализирован⁰⁰_{1F}ной. Здесь вы видите явления, подобные явлениям в колбе, где не принадлежащие друг другу вещества рас⁰⁰_{1F}падаются.

Все эти вещи должны изучаться в отдельности. И поскольку постепенно из-за сложности современных жизненных условий это распадение все больше и больш⁰⁰_{1F}е обнаруживается как в международной, так и в на⁰⁰_{1F}циональной жизни, постепенно возникает необходимость работать для трехчленности социального организма, как я ее представлю в ближайших лекциях и как она об⁰⁰_{1F}яснена в моей «Сущности социального вопроса».

Должно быть ясно, что такое изречение, как я при⁰⁰_{1F}вел из Хартли Уизерса, вполне обосновано. В новое время условия стали очень сложными. И только тогда, когда придут к тому, что смогут найти определенные основные законы — праидеи, как я их назвал в своей «Сущности социального вопроса» — которые затем могли бы стать действительно практическим указателем пути в сложнейших условиях практической жизни, толь⁰⁰_{1F}ко тогда можно надеяться привнести нечто такое, чем можно надеяться преодолеть то, что постепенно в фор⁰⁰_{1F}ме лозунгов, партийных мнений столь ужасным образом охватило массы и через людей, увы, становится факта⁰⁰_{1F}ми. Пока мы не извлечем социальный вопрос из пар⁰⁰_{1F}тийного механизма и не поставим его на почву практи⁰⁰_{1F}ческого, разумного понимания действительности, нельзя надеяться идти дальше. Что такое рассмотрение воз⁰⁰_{1F}можно, я как раз и хотел бы показать вам следующими докладами.

Здесь же я прежде всего хотел указать на то, что надлежит сказать о возникновении и происхождении трехчленности в новой жизни. Многие еще выяснятся в ближайших докладах.

Второй доклад Цюрих, 25 октября 1919 г.

Ассоциативная экономика. Преобразование рынка. Ценообразование. Деньги и налоги. Кредит.

Из воззрений, выросших на фактах социального развития нового времени, как я пытался их объяснить вчера, возникла идея о трехчленности социального организма, описание

которой вы найдете в моей книге "Основные пункты социального вопроса". Эта идея трехчленности социального организма стремится быть вполне практической жизненной идеей и не содержать в себе ничего утопического. При написании этой книги я предполагал, что ее будут воспринимать с определенным чувством реальности, а не обсуждать, исходя из предвзятых теорий, предвзятых партийных мнений. В самом деле, если справедливо - а то, что я приводил вчера, несомненно справедливо — что социальные факты в жизненных условиях людей постепенно стали такими сложными, что их можно обозреть лишь с чрезвычайным трудом, то для обсуждения того, что сегодня должно вести к волеию, необходим особый метод. При этой сложности фактов само собой разумеется, что человек имеет определенное понимание, в частности в хозяйственных явлениях, прежде всего того, что входит в круг его жизни. Но все, что в него входит, зависит от всего остального хозяйства, и сегодня не только от хозяйства одной страны, но от всего мирового хозяйства. Поэтому очень часто возникает естественное и понятное желание судить о потребностях мирового хозяйства по опыту своих ближайших жизненных сфер. При этом, конечно, бывают промахи. Кто знаком с требованиями соответствующего действительности мышления, тот знает, как важно подходить к явлениям в мире с известным чувством реальности, чтобы благодаря этому прийти к определенным основополагающим познаниям, которые затем могут играть в жизни такую же роль, как в школьных познаниях основополагающие истины.

Видите ли, если пожелают познать всю хозяйственную жизнь со всеми ее подробностями и только из этого сделать выводы для социального волеия, это никогда не получится. Также, как не получилось бы, если бы захотели проработать все подробности, в которых, скажем, в технической жизни находит применение теорема Пифагора, чтобы познать истинность теоремы Пифагора. Истинность теоремы Пифагора усваивают из известных внутренних связей и тогда знают, что везде, где она применима, она должна иметь силу. В социальном познании также пробиваются к тому, чтобы известные фундаментальные познания могли оказаться для сознания истинными благодаря своей внутренней природе. И тогда, если имеют чувство действительности, замечают, что они также применимы всюду, где о них идет речь. Так, книгу "Основные пункты социального вопроса" можно понять из ее внутренней природы, из внутренней природы приведенных там социальных отношений, и прежде всего таким образом можно было бы воспринять всю идею трехчленности социального организма. Но в этих докладах я постараюсь показать, как отдельные явления социальной жизни подтверждают то, что следует из этой идеи трехчленности социального организма, возникшей из жизненных потребностей нашего времени и ближайшего будущего человечества.

Сначала, однако, в виде введения, прежде чем перейти к собственно сегодняшней теме, я вынужден буду просто изложить, представить вам основную идею этой трехчленности социального организма. Вчера мы смогли заключить, что

требования нашей социальной жизни должны произрастать из трех основных корней, другими словами, что социальный вопрос есть вопрос духовный, вопрос государственный или правовой, политический и вопрос хозяйственный. Кто исследует новое развитие человечества, тот найдет, что эти три жизненных элемента — духовная жизнь, государственно-правовая или политическая жизнь и хозяйственная жизнь — постепенно вплоть до наших дней хаотично сливались в общность, в единство, и что из этого слияния возникли наши современные социальные недостатки.

Если это основательно познать — а эти лекции должны дать основу для того, чтобы это можно было познать основательно — то найдут, что будущее должно развиваться так, что общественная жизнь, социальный организм будут расчленены на самостоятельное духовное управление, особенно в общественной духовной жизни, относящейся к воспитанию и обучению; на самостоятельное управление политическими, государственными и правовыми отношениями; и на полностью самостоятельное управление хозяйственной жизнью.

В настоящее время в наших государствах эти три элемента жизни охватывает одно единственное управление, и если говорят о трехчленности, то тотчас же возникает недоразумение. Понимают примерно так: ну да, он хочет самостоятельного управления для государственно-правовой или политической жизни, самостоятельного управления для духовной жизни, самостоятельного управления для хозяйственной жизни; следовательно, он требует трех парламентов: культурный парламент, демократически-политический парламент и хозяйственный парламент. — Но требуя этого, ровно ничего не поняли бы в идее трехчленности социального организма, ибо это идея как раз вполне серьезно принимает требования, исторически возникшие в ходе нового развития человечества. И эти требования можно выразить словами, которые, правда, уже стали лозунгами; но если отойти от лозунгов, чтобы вернуться в действительность, то мы найдем, что в этих трех словах содержатся исторически оправданные импульсы. Это импульс к свободе человеческой жизни, импульс к демократии и импульс к социальному формированию общежития. Но если всерьез принимать эти требования, то их нельзя сплести в единое управление, ибо одно всегда будет нарушать другое. Кто, например, всерьез принимает призыв к демократии, тот должен сказать себе: эта демократия может выражаться лишь в народном представительстве или через референдум, когда каждый взрослый человек, равно противостоя другому взрослому человеку, судит о том, что может решаться на демократической почве.

Таким образом, существует — и об этом говорит идея трехчленности социального организма — целая жизненная область, а именно область правовой жизни, область государственной жизни, область политических отношений, в которой каждый взрослый человек призван сказать свое слово из своего демократического сознания. Но если демократия осуществлена всерьез и государственная жизнь должна быть полностью демократизирована, то в эту демократию никогда не может быть вовлечена, с одной стороны, духовная область, а с

другой стороны, в это демократическое управление никогда не может быть вовлечен кругооборот хозяйственной жизни.

На этом демократическом управлении вполне уместен парламент. Но в таком демократическом парламенте никогда нельзя решать того, что должно совершаться на почве духовной жизни, на почве воспитания и образования. Сегодня я хочу предварительно указать на то, что гораздо точнее будет выведено в четвертой лекции: трехчленность социального организма стремится к самостоятельной духовной жизни, особенно в общественных делах, в воспитании и образовании. Это значит, что в будущем никакие государственные распоряжения не должны определять, чему и как надлежит учить, а те, кто действительно заняты практическим обучением, сами должны также и управлять делом воспитания. Это значит, что от самой низшей народной ступени до высшей ступени обучения личность учителя должна быть независимой от какой бы то ни было другой, государственной или хозяйственной власти, относительно содержания и формы обучения. Они должны проистекать из того, что ощущается пригодным для духовной жизни внутри самой самостоятельной духовной корпорации. И отдельный учитель должен тратить на обучение лишь столько времени, чтобы у него еще оставалось время участвовать в самоуправлении как дела обучения и воспитания, так и всей духовной жизни. В четвертом докладе я попытаюсь доказать, что благодаря этой самостоятельной духовной жизни духовное состояние людей вообще будет поставлено на совершенно иную основу, и что наступит как раз то, во что из-за сегодняшних предрассудков меньше всего можно поверить: благодаря этой само самостоятельности духовная жизнь приобретет силу действительно самой плодотворно участвовать в государственной и особенно в хозяйственной жизни. И внутренне именно самостоятельная духовная жизнь станет не серой теорией, будет давать не чуждые миру научные воззрения, а будет в то же время проникать в человеческую жизнь, так что человек из такой самостоятельной духовной жизни будет проникнут не просто абстрактными духовными воззрениями, но знаниями, посредством которых он сможет устойчиво стоять и в хозяйственной жизни. Именно благодаря самостоятельности духовная жизнь в то же время станет практичной. Так что можно сказать: в духовной жизни должны будут господствовать предметное знание и применение предметного знания. То, что может приходить из суждения всякого способного к суждению взрослого человека, не должно будет здесь господствовать. Следовательно, управление духовной жизнью должно быть изъято из парламентаризма. Кто полагает, что в ней должен господствовать демократический парламент, тот совершенно не понимает именно побуждение к трехчленности социального организма.

Подобным же образом дело обстоит с хозяйственной жизнью. Но хозяйственная жизнь имеет свои самостоятельные корни. Она должна управляться из своих собственных условий. О том, как нужно хозяйствовать, опять-таки нельзя судить демократически каждому взрослому человеку, а только тому, кто занят в какой-нибудь отрасли хозяйства, кто стал дельным

в некоторой отрасли хозяйства, кто знает, как эта отрасль хозяйства связана с другими отраслями. Профессиональная осведомленность и профессиональное умение, вот условия, посредством которых в хозяйственной жизни только и может возникнуть что-нибудь плодотворное. Эта хозяйственная жизнь, следовательно, должна быть отделена, с одной стороны, от правового государства, а с другой стороны, от духовной жизни. Она должна быть поставлена на свою собственную основу.

Это сегодня более всего не понимают мыслящие социалистически. Они представляют себе некую форму, которую должна принять хозяйственная жизнь, чтобы в будущем человечества исчезли определенные недостатки социальной природы. Было замечено, и это легко увидеть, что из-за частнокапиталистического хозяйственного порядка последних столетий возникли определенные недостатки. Эти недостатки очевидны. Как о них судят? Говорят: возник частнокапиталистический хозяйственный порядок; он принес недостатки. Недостатки исчезнут, если мы ликвидируем частно-капиталистический хозяйственный порядок, если вместо частно-капиталистического хозяйственного порядка установим общественное хозяйство. То, что всплыло как недостатки, пришло потому, что отдельные владельцы лично имели средства производства в своей собственности. Если же отдельные владельцы больше не будут иметь средства производства в своей собственности, а общество будет управлять средствами производства, то недостатки исчезнут.

Можно сказать, что отдельные факты познаны сегодня уже и социалистически мыслящими, и интересно, как отдельные познания действуют и в социалистических кругах. Сегодня уже говорят: да, средства производства как капитал, представляющий средства производства, должен управляться общественно. Но можно было видеть, к чему привело, например, огосударствление некоторых средств производства, огосударствление почты, железных дорог и т.д., и никто не скажет, что недостатки устранены тем, что государство стало теперь капиталистом. Следовательно, нельзя огосударствлять, нельзя также обобществлять. Нельзя также достигнуть чего-нибудь плодотворного основанием потребительских обществ, в которые объединяются люди, нуждающиеся в потреблении чего-либо. Те люди, которые регулируют это потребление и хотят соответственно ему регулировать производство подлежащих потреблению товаров, станут как потребители, также и согласно воззрениям социалистически мыслящих, тиранами производства. Таким образом, уже возникло понимание, что как огосударствление, так и коммунализация, а также управление через потребительские товарищества приводят к деспотизму потребителей. Производители оказались бы в тиранической зависимости от потребителей. Поэтому многие думают, что можно обосновать рабочие производственные товарищества, рабочие производственные ассоциации как род общественного управления; в них объединились бы сами рабочие, производили бы для себя самих, в соответствии со своим мнением и согласно своим основаниям.

Здесь опять-таки социалистически мыслящие увидели, что и

таким образом не было бы достигнуто, ничего, кроме того, что место одного единственного капиталиста заступило бы некоторое множество капиталистически производящих рабочих. И эти капиталистически производящие рабочие также не были бы в состоянии делать что-либо иное, нежели отдельный капиталист. Следовательно, и рабочие производственные товарищества отклоняются.

Но увидев, что отдельные сообщества не могут в будущем вести ни к чему плодотворному, этим все же не удовлетворяются. Теперь полагают, что все общество какого-нибудь государства, какой-нибудь замкнутой хозяйственной области могло бы некоторым образом все же стать большим товариществом, в котором все в нем участвующие были бы одновременно производителями и потребителями, чтобы непосредственно от себя отдельный человек не развивал инициативы производить то или иное для общества, но чтобы общество само издавало решения, как нужно производить, как производимое должно перераспределяться и так далее. Таким образом хотят на место частновладельческого управления нашей современной хозяйственной жизни поставить такое большое товарищество, охватывающее потребление и производство.

Кто теперь точнее всматривается и действительность, тот знает, что, в сущности, приверженность такому воззрению об этом большом товариществе возникает из-за того, что в нем труднее увидеть ошибочное, чем в более частных вопросах - о государственности, коммунизации, рабочих производственных товариществах, потребительских товариществах. В последних круг того, что надлежит обозревать, меньше, легче увидеть ошибки, которые делаются при стремлении к таким устройствам, чем при большом товариществе, которое охватывает все общество. Здесь говорят во имя того, что хотят делать, и не видят, что должны возникать те же ошибки, которые в малом легко признаются, а в большом не признаются только потому, что сложно обозреть весь предмет. Вот в чем дело. И нужно увидеть, на чем, собственно, основана коренная ошибка мышления, скатывающегося в большое товарищество, которое, как считают, должно из самого себя управлять всем потреблением и производством.

Как, собственно, размышляют, когда хотят осуществить нечто подобное? Это видно из многочисленных партийных программ нашей современности. Как они выступают, эти партийные программы? Говорят: хорошо, вот определенные отрасли производства, которые должны теперь управляться общественно. Затем они опять должны смыкаться в большие отрасли, в большие области управления. Там снова должен быть какой-нибудь центральный орган управления, и так выше вплоть до центра, который управляет всем потреблением и производством. Какие мысли, какие представления применяют, когда хотят так делить хозяйственную жизнь? Применяют именно то, что усвоили из политической жизни, как она развивалась в новой истории человечества. Люди, которые сегодня говорят о хозяйственных программах, большей частью прошли школу чисто политической жизни. Они принимали участие во всем том, что разыгрывается в избирательной

борьбе, когда человек избран и в каком-нибудь народном представительстве должен представлять тех, от кого он избран. Они прошли этот путь, приобрели определенное отношение к политическим служебным местам и т. д. Они ознакомились со всем шаблоном политического управления и хотят нахлобучить его на весь кругооборот хозяйственной жизни. Это значит, что согласно таким программам хозяйственная жизнь была бы насквозь политизирована, ибо такие политики были знакомы лишь с политической стороной управления.

Что нам сегодня остро необходимо, так это увидеть, что все эти шаблоны, натягиваемые на хозяйственную жизнь, совершенно ей чужды. Но большинство людей, говорящих о каких-либо реформах хозяйственной жизни или даже о революции в хозяйственной жизни, являются, в основном, просто политиками, которые исходят из суеверия, что будто бы то, что они изучили на политическом поприще, можно применять в управлении хозяйственной жизнью. Но оздоровление нашего хозяйственного кругооборота наступит только тогда, когда эта хозяйственная жизнь будет рассматриваться и формироваться из своих собственных условий.

Ибо чего требуют такие политизирующие реформаторы хозяйств? Они требуют не меньшего, чем определять в будущем посредством такой иерархии, во-первых, что и как должно производиться. Во-вторых, они требуют, чтобы весь род процесса производства определялся с мест управления. В третьих, они требуют, чтобы те люди, которые должны участвовать в процессе производства, избирались, назначались и ставились на свои места этими центрами. В четвертых, они требуют, чтобы эти центры распределяли сырье по отдельным предприятиям. Следовательно, все производство должно быть подчинено иерархии политического управления. Вот до чего доходит большинство реформаторских идей современности в национальной экономике. Не видят только, что с такой реформой полностью остались бы на сегодняшней почве, и ее недостатки не только не были бы устранены, а, напротив, безмерно увеличены. Видят, что с огосударствлением, коммунализацией, потребительскими товариществами, рабочими производственными товариществами ничего не получается, но не видят, что то, что так резко порицают в частно-капиталистической системе, было бы лишь перенесено на общее управление средствами производства.

Вот что сегодня прежде всего должно быть понято: посредством таких мероприятий, таких учреждений везде, где они действительно будут введены, должно будет наступить то, что сегодня уже очень ясно обнаруживается на востоке Европы. Там отдельные люди смогли осуществить такие хозяйственно-реформаторские идеи, воплотить их в действительность. Люди, желающие учиться у фактов, могли бы видеть по судьбе, выпавшей востоку Европы, как эти мероприятия сами себя приводят к абсурду. И если бы люди не хотели упорствовать в своих догмах, а хотели бы действительно учиться у фактов, то сегодня не говорили бы, что хозяйственная социализация в Венгрии не удалась по тем или иным второстепенным причинам, а изучали бы, почему она должна

была потерпеть неудачу, и поняли бы, что любая такая социализация лишь разрушает, она не может создать для будущего ничего плодотворного.

Но широким кругам сегодня еще трудно таким образом учиться у фактов. Это лучше всего обнаруживается на вещах, которые собственно социалистическими мыслителями часто приводятся лишь как бы в скобках. Они говорят: да, это верно, вся современная хозяйственная жизнь преобразована современной техникой. Но если бы они хотели продолжить этот ход мыслей, то должны были бы признать связь между современной техникой и знанием предмета и профессиональной умелостью. Они должны были бы видеть, что повсюду эта современная техника вмешивается в само хозяйство. Но они не хотят этого видеть. И поэтому они говорят как бы в скобках; они ничего не хотят делать с техническими производственными процессами. Пусть последние основываются на самих себе. Они же хотят иметь дело лишь с тем, как люди участвуют в производственных процессах, как они хозяйственно поставлены в жизни, как формируется общественная жизнь для участвующих в производственном процессе людей.

Но все же очевидно, если только хотят видеть, как техника сама вмешивается в непосредственную хозяйственную жизнь. Приведу лишь один пример, который является прямо-таки классическим. Современная техника привела к тому, что, если говорить в целом, с помощью многочисленных машин производятся продукты, которые затем служат для потребления. И эти машины зависят прежде всего от того, что от четырехсот до пятисот миллионов тонн угля вовремя доставлялись для хозяйственной деятельности, пока не разразилась эта военная катастрофа. Если посчитать, сколько хозяйственной энергии, хозяйственных сил производилось посредством машин, которые основаны на человеческих мыслях и могут применяться только благодаря человеческим мыслям, то получается следующий интересный результат: если считать рабочий день восьмичасовым, то получается, что благодаря машинам, то есть благодаря воплощенным в машинах человеческим мыслям, благодаря изобретательскому дару умов вносилось столько рабочей энергии, столько рабочих сил, сколько могли бы внести от семисот до восьмисот миллионов людей.

Поэтому если вы представите себе, что население Земли примерно полтора миллиарда человек, которые применяют свою рабочую силу, то благодаря изобретательскому дару людей в новом культурном развитии, благодаря техническому развитию добавляется еще семьсот-восемьсот миллионов. Таким образом, работает уже два миллиарда человек; это не значит, что эти семьсот-восемьсот миллионов действительно работают, но за них работают машины. Ведь что работает в машинах? Там работает человеческий дух.

Это необычайно важно, действительно прозревать такие факты, число которых легко можно умножить, ибо из подобных фактов познают, что технику нельзя оставлять за скобками, но что техника как таковая непрерывно активно соучаствует в хозяйственном процессе, что она включена в него.

Современную хозяйственную жизнь вообще невозможно представить без лежащих в основе современной техники профессионального и предметного знания.

Когда подобные вещи упускают из виду, то выходит, что считаются не с действительностью, но с предвзятыми, происходящими из чувственного идеями. Идея трехчленности социального организма достаточно честна в социальном вопросе. Но поэтому она не может стоять на почве, на которой стоят те, кто говорит, исходя из лозунгов, партийных программ. Она должна говорить из знания дела. Она вынуждена, потому что стоит на почве действительности, признать, что хозяйство, особенно в нашей сложной жизни, целиком и полностью коренится в инициативе одиночек. Ставить на место индивидуальной инициативы абстрактную коллективность значит его загасить, это означает смерть хозяйственной жизни. Восток Европы сможет это доказать, если он еще надолго останется под тем господством, под которым он находится сейчас. Это означает погашение, смерть хозяйственной жизни, если у отдельного лица отнять инициативу, которая должна исходить из его духа и должна вливаться в движение средств производства именно для блага человеческого сообщества.

Однако откуда возникло то, что мы сегодня наблюдаем как вред? Современный процесс производства своим техническим совершенством требует частной инициативы, тем самым требует также возможности, чтобы отдельный человек мог рспоряжаться капиталом и из своей инициативы вершить процесс производства; это то, что принесло с собой новое человеческое развитие. А вред, который пришел вместе с этим - его источник познается из совершенно других подоснов. Желая познать эти подосновы, нужно прежде всего перейти с почвы кооперативного принципа, даже если имеется в виду большой кооператив, на почву ассоциативного принципа. Что это значит, вместо почвы кооперативного принципа перейти на почву ассоциативного принципа? Это значит следующее; тот, кто встает на почву кооперативного принципа, тот утверждает, что люди нуждаются только в совместных действиях, чтобы принимать решения из своего коллективизма, и тогда они смогут управлять процессом производства. Таким образом, сначала заключается объединение людей, а затем хотят производить, исходя из совместного объединения, из коллектива людей. Идея трехчленного организма стоит на почве действительности, когда говорит: сначала должны быть люди, которые могут производить, которые знают свое дело и профессионально пригодны. От них должен зависеть процесс производства. И эти знающие дело и профессионально пригодные люди должны объединиться и организовать хозяйственную жизнь на основе того производства, которое вытекает из инициативы отдельных лиц. — Вот подлинный ассоциативный принцип. Сначала производится что-то и затем произведенное на основе объединения производящих личностей предоставляется потреблению.

То, что сегодня не замечают различия, радикального различия между двумя принципами, это в известном смысле беда нашего времени. Ибо в принципе из этого понимания происходит все. У людей нет инстинкта того, чтобы видеть, что

каждая абстрактная общность должна подрывать процесс производства, если она хочет им управлять. Общность, которая станет ассоциацией, сможет лишь устанавливать, что по инициативе отдельных людей будет производиться, и сможет это социально распределять между потребляющими.

Сегодня не прозревают того важного момента, который лежит в основании этих вещей, ту основу, которую я вчера вывел: что примерно в то же время, когда в новой истории человечества происходил Ренессанс, Реформация, было и перенасыщение из Средней и Южной Америки благородными металлами, которые привели натуральное до того хозяйство к денежному хозяйству. Этим в Европе совершилась многозначительная хозяйственная революция. Образовались отношения, под влиянием которых мы находимся еще и сегодня. Но эти отношения в то же время, можно сказать, создали завесу, через которую сложно прозревать истинную реальность.

Но всмотримся однажды отчетливо в эти отношения. Начнем со старого натурального хозяйства, хотя сегодня оно для нас и не продолжается. Там в хозяйственном процессе имеют дело только с тем, что производится отдельным человеком. Это можно обменивать на то, что произвели другие. И можно сказать: внутри этого натурального хозяйства, где могут обмениваться только продукт на продукт, должна господствовать известная доброкачественность. Ибо если хотят выменять продукт, в котором нуждаются, должны иметь продукт, который другими принимается как равноценный. Это значит, что люди вынуждены, когда они хотят что-то иметь, также что-то производить. Они вынуждены обменивать то, что имеет реальную, явственно реальную стоимость.

Место этого обмена продуктами, которые имеют реальную ценность для человеческой жизни, заступило денежное хозяйство. И деньги стали чем-то таким, с чем хозяйствуют также, как в натуральном хозяйстве с реальными объектами. Но из-за того, что деньги стали действительно хозяйственным объектом, они морочат людей чем-то нереальным и, действуя так, одновременно тиранят людей.

Возьмем крайний случай: а именно, что кредитное хозяйство, на которое я вчера в конце указал, влилось в денежное хозяйство. Оно часто делает это в последнее время. Тогда оказывается, например, следующее: государство или частное лицо хочет завести какое-нибудь предприятие, телеграф или что-нибудь подобное. Можно получить кредит, кредит весьма значительного размера. Суметь создать телеграфное предприятие. Определенные условия потребуют определенной суммы денег. Но эта сумма денег должна быть ссужена под проценты. Эти проценты надо оплачивать. И что получается во многих случаях, что получается чаще всего в нашей социальной структуре, особенно при огосударствлении, когда государство само ведет хозяйство? Получается, что того, о чем тогда решили и на что затребовали деньги, уже нет, оно давно израсходовано, но за востребованный кредит людям все еще приходится платить! Это значит: то, что было прокредитовано, не существует, но с деньгами еще продолжают возиться.

Такие вещи имеют и общеэкономическое значение. Наполеон

III, который был полностью захвачен новыми идеями, увлекся идеей украсить Париж и велел очень много строить. Министры, которые были его послушными орудиями, строили. Доходов государства — они шли на это — хватало, чтобы только оплачивать проценты. Париж стал гораздо красивее, но люди еще и сегодня оплачивают долги, которые тогда были сделаны! Это значит: после того, как давно больше нет того, что реально лежало в основе, в хозяйстве все еще возятся с деньгами, которые сами стали хозяйственным объектом.

Это имеет и свою светлую сторону. При старом натуральном хозяйстве было необходимо, когда хозяйствуешь, производить блага. Они, разумеется, подлежат порче, они могут утрачиваться, и приходилось все время продолжать работу, производить все новые блага, если они должны были существовать. В случае денег это не так необходимо. Их тратят, одалживают кому-нибудь, помещают на хранение. Это значит, хозяйничают деньгами совершенно свободно от тех, кто производит товары. Деньги некоторым образом эмансипируют людей от непосредственного хозяйственного процесса, а именно, когда они сами становятся хозяйственным процессом. Это чрезвычайно важно. Ибо в старом натуральном хозяйстве отдельное лицо зависело от отдельного лица, человек зависел от человека. Люди должны были сотрудничать, они должны были уживаться друг с другом. Они должны были договариваться об определенных мероприятиях, иначе хозяйственная жизнь не шла бы дальше. При денежном хозяйстве тот, кто становится капиталистом, конечно, также зависит от тех, кто работает, но противостоит им как совершенно чуждый. Как близко стоял также потребитель к производителю в старом натуральном хозяйстве, где имели дело с реальными товарами! Как далек тот, кто хозяйничает деньгами, от тех, кто работает для того, чтобы эти деньги приносили проценты! Между людьми разверзлись пропасти. При денежном хозяйстве люди больше не стоят близко друг к другу. Это прежде всего должно быть принято во внимание, если хотят понять, как работающие массы людей, независимо от того, являются ли они духовными или физическими работниками, то есть те, кто действительно производят, снова должны быть приближены к тем, кто вложением капитала делает возможным ведение хозяйства. Это, однако, может произойти только благодаря принципу ассоциации, благодаря тому, что люди снова объединяются как люди. Принцип ассоциации — это требование социальной жизни, но такое требование, которое я охарактеризовал, а не такое, которое часто фигурирует в социалистических программах.

Что еще наступило при все больше и больше преобладавшем денежном хозяйстве нового времени? Из-за него то, что называют человеческим трудом, также стало зависимым от денег. Социалисты и другие спорят о включении человеческого труда в социальную структуру. И за и против того, что выдвигается с обеих сторон, можно привести очень хорошие основания. Вполне понятно, особенно если научились думать и чувствовать не о пролетариате, а с пролетариатом, вполне понятно, когда пролетарий говорит, что его рабочая сила в будущем не должна больше быть товаром, не должно больше

существовать такого отношения, что на товарном рынке с одной стороны оплачиваются товары, а с другой стороны в форме заработной платы оплачивается человеческий труд. И вполне понятно, что Карл Маркс нашел многих сторонников, когда подсчитал, что тот, кто работает, производит прибавочную стоимость, что он не получает полный доход от своей рабочей силы, но производит прибавочную стоимость, что эта прибавочная стоимость достается предпринимателю, и что затем рабочий, по этой теории, борется за прибавочную стоимость. Но, с другой стороны, столь же легко доказать, что заработная плата оплачивается из капитала, что современная хозяйственная жизнь полностью регулируется капиталистическим хозяйством, что известные продукты приносят некоторую прибыль, и что после того, что они принесли, выплачивается заработная плата, покупается работа; значит, заработная плата порождается из капитала. — То и другое можно доказывать одинаково успешно. Можно доказать, что капитал паразитирует на труде, и можно также доказать, что капитал вообще творец заработной платы, словом, можно с равной правотой защищать партийные мнения как с одной, так и с другой стороны.

Это должно быть хорошо понято. Тогда увидели бы, как получается, что в настоящее время стараются достигнуть чего-нибудь преимущественно только борьбой, а не объективным рассмотрением и нахождением реальных взаимоотношений. Труд есть нечто, столь отличное от товаров, что без ущерба для хозяйства совершенно невозможно равным образом платить деньги за товары и за труд. Люди только не видят, каковы взаимосвязи. Именно в этой области они не понимают сегодня хозяйственную структуру.

Сегодня есть много национал-экономов, которые говорят: если денежные средства, оборотные средства, то есть металлические или бумажные деньги увеличить произвольным образом, то деньги станут дешевы, и в особенности самые необходимые жизненные товары станут тогда дорогими. — Это замечают, и понимают бессмысленность простого увеличения количества денег. Ибо это простое увеличение количества денег — что вполне очевидно — приводит только к тому, что жизненные средства также становятся дорогими. Тот же бесконечный винт все более и более закручивается. Но не понимают чего-то другого: что когда труд оплачивается также, как товары, труд, разумеется, должен стремиться к тому, чтобы путем борьбы получать все лучшую и лучшую оплату, все большую и большую заработную плату. Но ведь то, что труд приобретает в виде денег в качестве заработной платы, имеет для ценообразования такое же значение, как и простое увеличение денежных средств обращения. Вот что должно быть понято.

Вместо того, чтобы повышать производство, заботиться о большей производительности, вы можете, как это делали многие министры, выпускать банкноты, увеличивать средства обращения. Тогда люди будут иметь больше средств обращения, но все продукты, особенно необходимые жизненные продукты, также станут дороже. Это люди уже понимают. Поэтому они

понимают, как бессмысленно просто абстрактно увеличивать средства обращения. Но не все понимают, что те деньги, которые выпускаются только с целью оплатить труд, точно также действуют на удорожание товаров. Ибо здоровые цены могут возникать лишь в самой самостоятельной хозяйственной жизни. Здоровые цены могут возникать, только если они развиваются из определения стоимости человеческого труда. Поэтому идея трехчленности социального организма — изложить это точнее будет задачей на завтра — старается полностью вычленив труд из хозяйственного процесса.

Труд как таковой вовсе не есть нечто принадлежащее хозяйственному процессу. Подумайте-ка о следующем. Это выглядит странно, парадоксально, но многие вещи, которые должны быть вполне понятны, выглядят сегодня парадоксально. Люди очень далеко отошли от прямого мышления; поэтому многое, что должно быть сказано на основе действительности, они находят совсем абсурдным. Представьте, что кто-то сегодня с утра до вечера занимается спортом. Он занимается определенным видом спорта. Он затрачивает ровно столько же рабочей силы, сколько и тот, кто колет дрова; он затрачивает в точности столько же рабочей силы. Дело лишь в том, что один рабочую силу затрачивает для человеческого общества. Тот же, кто занимается спортом, делает это не для человеческого общества, а, по крайней мере, для того, чтобы стать сильным; только, как правило, он эту силу не применяет. Но для общества это, как правило, не имеет никакого значения, если кто-то тратит свою силу для спорта, отчего устает так же, как и от рубки дров. А рубка дров — это имеет значение.

Это значит, что затрата рабочей силы есть нечто такое, о чем социально не может быть речи; но что возникает благодаря затрате рабочей силы - вот о чем идет речь в социальной жизни. Нужно смотреть на то, что возникает посредством рабочей силы. Это имеет ценность для общества. Поэтому в хозяйственной жизни речь может идти лишь о продукте, который производится рабочей силой. И хозяйственное управление может заниматься только регулированием относительной стоимости продуктов. Труд должен находиться полностью вне хозяйственного кругооборота.

Он должен находиться на правовой почве, на почве, которую мы будем обсуждать завтра, где всякий совершеннолетний человек должен выносить суждение как равный всякому другому. Род, время и характер труда будут определяться правовыми соотношениями между людьми. Труд должен быть изъят из хозяйственного процесса. Тогда для хозяйственного процесса останется лишь то, что можно назвать регулированием относительной оценки товаров, регулированием того, сколько человек должен получать из произведенного другим за свои собственные изделия. За это должны отвечать люди, которых выделили ассоциации, заключенные между теми или другими производителями, производителями и потребителями и т. д. Они будут иметь дело с ценообразованием.

Труд вообще не будет областью, которую надлежит регулировать в хозяйственной жизни; он будет независимым от

хозяйственной жизни. Если труд включен в хозяйственную жизнь, то его нужно оплачивать из капитала. Этим как раз и вызывается то, что в хозяйственной жизни нового времени можно назвать стремлением к чистой прибыли, чистому доходу. Ибо таким образом тот, кто хочет производить хозяйственные продукты, находится полностью в процессе, находящем свое завершение на рынке.

И здесь тому, кто хочет стать действительно рассудительным, нужно привести в порядок идею, понятие, которое сегодня формируется очень ошибочно. Говорят: при капитализме производитель поставляет свои продукты на рынок, он хочет получить прибыль. Но после того, как социалистические мыслители долго с известным правом утверждали, что всякие учения о нравственности не должны иметь ничего общего с производством, но только хозяйственное мышление - сегодня очень хотят с этических, с нравственных точек зрения смешать прибыль, доход с нравственным учением. Здесь следует говорить не из односторонне нравственной или односторонне хозяйственной точки зрения, а с точки зрения общества в целом. И тогда нужно спросить: что же это такое, что обнаруживается в доходе, в прибыли? Это нечто такое, о чем, собственно, в действительно народнохозяйственной связи можно говорить только так, как при повышении ртутного столбика термометра говорят, что становится теплее. Когда кто-нибудь говорит: этот ртутный столбик показывает мне, что стало теплее, то он знает, что не этот ртутный столбик согрел комнату, а он только показывает, что благодаря другим факторам в комнате стало теплее. Прибыль на рынке, которая получается при наших сегодняшних производственных отношениях, есть так же прежде всего ничто иное, как показатель того, что мы способны производить продукты, доставляющие прибыль. Ибо я хотел бы узнать, откуда вообще можно получить сегодня какую-нибудь точку опоры для того, что продукт следует производить, если не оказывается, что когда его производят и поставляют на рынок, он дает прибыль? Это единственный показатель того, что хозяйственную структуру сумели сформировать должным образом. Что продукт не следует производить, обнаруживается лишь посредством того, что когда его поставляют на рынок, то замечают, что нет сбыта. Люди не желают его. Не получается никакой прибыли. — Вот действительное положение вещей, а не вся та болтовня и чепуха, которые высказываются о спросе предложении во многих национал-экономиях. Первичный феномен, первичное явление в этой области таково, что сегодня единственно только прибыль дает человеку возможность говорить себе: ты можешь производить определенный продукт, ибо он имеет известную стоимость в человеческом обществе. Преобразование рынка, который сегодня имеет описанное значение, произойдет, если в нашей социальной жизни будет действителен принцип ассоциации. Тогда решать, нужно ли производить продукт или нет, будут не безличные, отделенные от людей спрос и предложение на рынке, тогда из этих ассоциации социальной волей занятых в них людей выдвинутся личности, которые будут заниматься исследованием соотношения между стоимостью произведенного продукта и его ценой.

О стоимости произведенного продукта сегодня в известном отношении речь совсем не идет. Конечно, стоимость создает побуждение к спросу. Но этот спрос в нашей сегодняшней социальной жизни очень проблематичен, потому что он всегда зависит от того, существуют ли также и соответствующие средства для создания спроса, соответствующие имущественные условия. Можно иметь потребности, но если нет необходимых средств для их удовлетворения, то невозможно создавать спрос. Все дело в том, что между человеческими потребностями, которые дают товарам, изделиям их стоимость, и ценами должно быть создано соединительное звено. Ибо то, в чем нуждаются, имеет согласно этой потребности свою человеческую стоимость. Из социального порядка должны будут выделиться учреждения, наводящие мосты между этой стоимостью, которая запечатлевается изделиям человеческими потребностями, и ценами, которые они должны иметь.

Сегодня цена определяется рынком в соответствии с тем, есть ли там люди, которые могут купить эти товары, у которых есть необходимые деньги. Действительный социальный порядок должен быть ориентирован на то, чтобы люди, которые из своих оправданных потребностей должны иметь товары, могли бы их приобретать, то есть, чтобы цена действительно соответствовала стоимости товара. Место сегодняшнего хаотического рынка должна занять организация, которая не будет тиранизировать потребности человека, потребление человека, как рабочие производственные товарищества или социалистическое всеобщее товарищество, но посредством которой будут исследовать потребление людей и определять, как следует ему соответствовать.

Для этого необходимо, чтобы под влиянием принципа ассоциации действительно наступила возможность производить товары так, чтобы они соответствовали наблюдаемым потребностям, то есть должны существовать учреждения с лицами, изучающими потребности. Статистика может воспринимать только одно мгновение; она никогда не может служить мерилем для будущего. Нужно всякий раз изучать существующие потребности, и в зависимости от них должны действовать производственные организации. Если у некоторого товара тенденция становится слишком дорогим, то это знак того, что слишком мало людей заняты его производством. Должны быть проведены переговоры, благодаря которым будут переведены работники из других отраслей производства, так что этого товара станет производиться больше. Если некоторый товар имеет тенденцию становиться слишком дешевым, его производители зарабатывают слишком мало, должны быть предприняты переговоры, благодаря которым на производство этого товара будет работать меньше людей. Это значит: от того, как люди будут расставлены по своим местам, в будущем должно зависеть, как будут удовлетворяться потребности. Цена продукта обуславливается числом людей, которые его производят. Но благодаря такой организации стоимость в существенном будет подобна той, которую должна придавать соответствующему товару человеческая потребность.

Здесь мы видим, как вместо случайного рынка будет работать

разум человека, как цена станет выражать то, что люди договорились, вошли в соглашения с помощью возникших институтов. Мы видим преобразование рынка так, что разум заступит место случайностям рынка, господствующим сегодня.

Вообще мы видим, что как только хозяйственная жизнь будет отделена от обеих других областей, которые мы будем обсуждать в ближайшие дни — мы будем обсуждать также их отношение к хозяйственной жизни, и многое, что сейчас остается неясным, тогда станет ясным — как только мы отделим хозяйственную жизнь от двух других, правовой или государственной сферы и духовной жизни, хозяйственная жизнь будет тогда поставлена на здоровую, разумную основу. Ибо тогда в ней будут смотреть только на род и способ ведения хозяйства. Поэтому больше не потребуется примешивать к цене товара, чтобы товарная цена также определяла, как долго нужно работать, или как много нужно работать, или величину заработка, или тому подобное, а в хозяйственной жизни нужно будет иметь дело только со сравнительной стоимостью товаров. Тем самым и в хозяйственной жизни встанут на здоровую почву.

Эта здоровая почва должна сохраняться для всей хозяйственной жизни. Поэтому то, что сегодня из-за денежного хозяйства, где деньги сами являются хозяйственным объектом, может быть только кажущимся явлением, в такой хозяйственной жизни будет снова возвращено к своему естественному чистому состоянию. В будущем не смогут хозяйствовать с помощью денег и ради денег, ибо все учреждения должны будут иметь дело с относительной стоимостью товаров. Это значит, снова вернуться к доброкачественности товаров и тем самым вернуться к производительной способности, к деятельности людей. И условия кредитования больше не смогут ставить в зависимость от того, есть ли деньги или нет, или от того, рискуют ли деньгами так или этак, а эти условия будут зависеть от того, есть ли люди, способные к тому, чтобы действительно предоставить то или другое, произвести то или другое. Кредитовать будут человеческую способность.

И поскольку человеческая способность будет ограничивать размер предоставления кредита, такой кредит не сможет предоставляться свыше этой человеческой способности. Если вы просто даете деньги и предоставляете деньгам хозяйствовать, то, что благодаря этому создается, может быть давно израсходовано — а с деньгами все еще приходится возиться. Если вы даете деньги только под человеческую способность, то, разумеется, вместе с ней прекращается и возможность с этими деньгами вести хозяйство. Об этом мы хотим поговорить в ближайшие дни.

Лишь тогда, когда обе другие области, самостоятельная правовая область и самостоятельная духовная область, стоят в стороне от хозяйственной жизни, хозяйственная жизнь может здоровым образом встать на свои собственные ноги. Тогда, однако, и все в хозяйственной жизни должно само следовать из хозяйственных предпосылок.

Материальные блага будут производиться из хозяйственных предпосылок. Стоит только подумать о чем-либо, что в

социальной жизни возникает, хотелось бы сказать, как отходы хозяйственной жизни, чтобы увидеть, что действительно хозяйственное мышление должно устранить многое из того, что еще сегодня в социальном порядке считается самим собой разумеющимся, за что даже борются как за прогресс.

Никто из тех, кто полагает, что понимает нечто в действительной жизни, не думает сегодня еще о том, что переход от всевозможных косвенных налогов или иных сборов государства к так называемому подоходному налогу, особенно к прогрессивному подоходному налогу — совсем не такой уж большой прогресс. Сегодня каждый думает, что облагать налогом доходы справедливо. И все же, как бы это ни звучало парадоксально для современных людей, мысль, что можно достигнуть справедливого налогообложения путем обложения налогом доходов, происходит из обмана, принесенного денежным хозяйством.

Занимают деньги. С помощью денег ведут хозяйство. Посредством денег освобождаются от чистоты самого процесса производства. Известным образом абстрагируют деньги в хозяйственном процессе, как в мыслительном процессе абстрагируют мысли. Но точно так же, как из абстрактных мыслей нельзя высвободить никаких действительных представлений и ощущений, так из денег нельзя выявить ничего действительного, если не принимать во внимание, что деньги это просто знак для товаров, которые производятся, что деньги, некоторым образом, лишь род бухгалтерии, текущая бухгалтерия, что за каждым денежным знаком должен стоять какой-нибудь товар.

Об этом также в следующие дни нужно будет еще сказать точнее. Сегодня, однако, должно быть сказано, что время, которое видит только то, что деньги становятся самостоятельным хозяйственным объектом, что такое время и должно видеть в денежных доходах прежде всего объект обложения налогом. Но тем самым делают себя, как облагаемых налогом, свиновными в абстрактном денежном хозяйстве! облагают налогом то, что, собственно, не является никаким действительным товаром, а лишь знаком для товара. Работают с чем-то хозяйственно абстрактным. Деньги только тогда становятся чем-то действительным, когда они тратятся. Тогда они переходят в хозяйственный процесс, независимо от того, трачу ли я их ради своего удовольствия или ради своих телесных и духовных потребностей, или я их вкладываю в банк, так что они там затрачиваются на хозяйственный процесс. Если я кладу их в банк, то это род траты, которую я делаю — естественно, чтобы удержать их. Но деньги в хозяйственном процессе становятся чем-то реальным в момент, когда они освобождаются из моего владения, переходят в хозяйственный процесс. Людям нужно помнить лишь одно: если человек получает много, то это не приносит ему ровно никакой пользы. Если он большой доход кладет в тюфяк, то он может это делать; это не принесет ему ровно никакой пользы в хозяйственном процессе. На пользу человеку идет только возможность много тратить.

И для общественной жизни, для действительно продуктивной жизни знаком больших доходов является именно то, что могут

много тратить. Поэтому, если хотят в системе налогообложения создать нечто такое, что не паразитировало бы на хозяйственном процессе, если хотят создать то, что было бы действительной преданностью хозяйственного процесса обществу, нужно облагать капитал налогом в тот момент, когда он переводится в хозяйственный процесс. И получается та странность, что налог на доходы должен превратиться в налог на расходы, который я прошу не смешивать с косвенным налогом. Косвенное налогообложение в настоящее время часто выступает как желание известных правителей только потому, что в прямом налогообложении, в налогообложении доходов получают недостаточно. Когда здесь говорится о налоге на расходы, речь идет не о косвенном и прямом налогообложении, а о том, чтобы облагать налогом то, что я заработал, в тот момент, когда оно переходит в хозяйственный процесс, когда оно становится продуктивным.

Как раз на примере налогов видно, как необходимо переучиваться и переосмысливать. Вера в то, что дело преимущественно в налоге на доходы, это сопутствующее явление той денежной системы, которая возникла в современной цивилизации со времени Ренессанса и Реформации. Если поставить хозяйственную жизнь на свою собственную основу, то речь может идти лишь о том, чтобы то, что реально участвует в экономике, что входит в процесс производства, давало бы средства для такого труда, какой необходим обществу. Тогда дело будет в налоге на расходы, а никак не в налоге на доходы.

Видите ли, как я сказал еще вчера, нужно переучиваться и переосмысливать. В этих двух докладах я пока мог указать вам на некоторые вещи лишь схематически. Многое из этого я должен разъяснить в четырех следующих докладах. Кто сегодня высказывает подобное, тот очень хорошо знает, что должен вызывать недовольство слева и справа, что ему вряд ли отдадут должное, так как все эти вещи погружены в сферу партийных мнений. Но на благо можно надеяться не раньше, чем они снова поднимутся из области, где бушуют партийные страсти, в область предметного, действительно взятого из жизни мышления.

И так хотелось бы, чтобы приступая к трехчленности социального организма, люди судили не по партийным шаблонам, не по партийным принципам, но брали на помощь своему суждению инстинктивное чувство реальности. Партийные мнения и принципы часто отвлекают от чувства реальности. Поэтому все снова и снова испытывают, что как раз те, кто сегодня зависят более или менее просто от потребления, из своих инстинктов очень легко понимают идею о трехчленности социального организма. Но затем приходят вожди, особенно вожди социалистических масс. И нужно сказать, что они совсем не склонны входить в область реальности.

Сегодня, к сожалению, можно заметить то, что также, особенно в хозяйственной области, является неотъемлемой частью социального вопроса: работая для трехчленности, мы на своем опыте ощутили, как говорить массам, и как массы, исходя из своего инстинкта действительности, хорошо

понимали, что им говорят! Затем приходят вожди и объявляют; это утопично! — В действительности это только не согласуется с тем, что они десятилетиями привыкли носить и вертеть в своих головах, поэтому они говорят своим сторонникам, что это утопично, не соответствует действительности. И, к сожалению, в настоящее время слишком сильно развилась слепая вера, слепая приверженность, ужасное чувство авторитета в этой области. То, что некогда было достигнуто в чувстве авторитета, скажем, епископами и архиепископами католической церкви, мало по сравнению с сильным чувством авторитета современных рабочих масс по отношению к их вождям. Поэтому вождям сравнительно легко добиваться того, чего они хотят.

Но что требуется, на это указывает прежде всего то, что в этой области является честным, а не то, что говорят по партийным шаблонам. Если мне удастся показать в этих докладах, что то, к чему стремятся посредством трехчленности, действительно честно продумано для общего блага всего человечества, без различия классов, состояний и так далее, тогда в существенном будет достигнуто то, к чему только и можно стремиться посредством таких докладов.

Ответы на вопросы второго доклада

Был задан вопрос, - как иначе могло бы пойти развитие в Восточной Европе при существующих обстоятельствах, и не стали ли условия более обещающими по сравнению с царизмом?

Д-р Штайнер: В поистине не столь уж узких кругах сейчас существует мнение, что то, что происходит на Востоке [Европы], есть нечто ужасное — это должно быть сказано, и не надо воспринимать мнение этих кругов ни со страхом, ни с надеждой. Опять-таки существуют круги, которые видят в этом нечто обещающее для будущего. Те, кто с большим или меньшим правом осуждают условия на Востоке, обычно приводят затем то или иное ужасное, что сейчас происходит. Описываются события, и от многого людям уже может стать очень жутко; это ясно. Те, кто хотят оправдать такие вещи, кто на стороне там происходящего, стремятся несколько приукрасить или отрицают ужасные события и тому подобное.

Да, но, видите ли, таким образом не идут дальше. Эти вещи фактически нельзя обсуждать по отдельным симптомам. Сколько угодно журналистов могут ездить на Восток и описывать то, что они там заметили, но на таких описаниях никто не должен строить свое суждение, по той простой причине, что сегодня ни один человек не может судить, например, о том, что из ужасов европейского Востока, которые поистине немалы, следует отнести на счет современных властителей, а что на счет последствий ужасной войны. Эти вещи идут вперемишку: последствия войны и то, что развивается из современных условий. То, что так непосредственно видят и что так непосредственно происходит, может быть предметом довольно милых фельетонных бесед, но для обсуждения положения оно не дает никакой опоры. Здесь нужно быть способным отнести со вниманием к замыслам, из

которых и происходит то, что делается как раз на Востоке для создания человеческого социального будущего.

Итак, господин спрашивает, не думаю ли я, что могло бы быть сделано что-нибудь другое или не являются ли современные условия все же более обещающими, чем прежние.

Так вот, я очень хорошо знаю, сколь мало обещающими были царистские условия. Что они очень многим нравятся, это происходит только от того, что эти люди не создали основу для истинного суждения и не имеют воли к тому, чтобы ее создать. Кто действительно учтет все, в чем виноват царизм, особенно в самое новейшее время, тот возможно, действительно может прийти к вопросу: что лучше, тогдашнее или сегодняшнее? — Но вопрос не может заключаться в этом, а лишь в том, является ли то, что наступило сейчас, в принципе, в существе своем, чем-то таким, что действительно улучшило прежние условия? — Здесь нужно быть в состоянии с вниманием отнестись к намерениям, и в такой области нужно хранить непредвзятое суждение.

Непредвзятое суждение вы можете получить, например, если вы с вниманием отнесетесь к таким намерениям, как намерения Ленина. Прочтите, например, «Государство и революцию» Ленина. Там вы найдете намерения Ленина довоенного времени — книга была написана раньше [Б.В. - ошибка; видимо, имелось в виду "дореволюционного" - книга была написана в середине 1917 г.]. Можно сказать, Ленин в известном смысле даже прав, когда он бранит всех полу- или три четверти марксистов и считает себя единственным настоящим, действительно последовательным марксистом: в будущем люди должны были бы так участвовать в социальном порядке, чтобы каждый мог в нем жить "по своим способностям и своим потребностям". Это должно было бы стать будущим состоянием, которое может возникнуть из несправедливого, невозможного порядка. Дальше у Ленина находится в высшей степени интересное разъяснение: но этого нельзя достигнуть с сегодняшними людьми, а можно будет только тогда, когда возникнут другие люди, совершенно другая человеческая раса. Эта совершенно другая человеческая раса сначала должна быть создана. [Б.В. - Сравните, например: мы "вправе лишь говорить о неизбежном отмирании государства, ... оставляя совершенно открытым вопрос о сроках"; высшая фаза коммунизма "предполагает и не теперешнюю производительность труда и не теперешнего обывателя" (гл.5, п.4); "мы хотим социалистической революции с такими людьми, как теперь, которые без подчинения, без контроля, без "надсмотрщиков и бухгалтеров" не обойдутся" (гл.3, п.3); "уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно сделается таким неимоверно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием ..., что необходимость соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет привычкой. И тогда будет открыта настежь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе, а вместе с тем к полному отмиранию государства" (гл.5, п.4). - В.И. Ленин "Государство и революция"]

Вы видите, что здесь входят во что-то крайне недействительное, и расчет на нечто такое, на что совсем нельзя надеяться. Ибо посредством порядка, введенного Лениным, этот новый сорт людей совершенно определенно не будет воспитан, и справедливый порядок не сможет быть достигнут. На столь шатком основании стоят осуществляемые намерения. И тут можно ужасаться относительно частностей или находить их необходимыми, хвалить их или порицать — дело не в этом. А дело в том, что здесь берут в расчет несоответствующие действительности мысли. И потому то, что так осуществляется, есть ни что иное, как хищническая эксплуатация прошлого.

Передо мной это выступило так, как иногда симптоматически выступают важнейшие вещи, несколько месяцев тому назад, особенно в Базеле, где я говорил о предмете, о котором говорю перед вами. Тогда встал один господин, который сказал: да, все это прекрасно и прекрасно было бы, если бы это было осуществлено; но это можно будет осуществить не раньше, чем Ленин станет властителем мира. — Я должен был тогда ответить: если что-нибудь и должно быть социализировано, то дело в том, чтобы прежде всего социализировать власть. Но этот социалист, который был сторонником Ленина, хочет сделать Ленина властителем мира, царем мира или всемирным папой в экономическом смысле. Тогда власть не будет ни социализирована, ни демократизирована, но будет монархизирована, тиранизирована, тогда будет создана автократия (самодержавие). Кто утверждает нечто подобное, тот не понимает, как приступить к социализации власти.

И так для того, кто смотрит точнее, для действительной структуры сегодняшнего Востока [Европы] получается нечто очень страшное: те, кто являются сторонниками намерений сегодняшнего Востока [Европы], верят, что этим что-то будет достигнуто. Нет, то, чего там хотят, по существу не находится в оппозиции к царизму, это есть та же сущность царизма, только развитая дальше для другого класса, худшим образом продолжен царизм, чем он был, поскольку те, кто стоят на крайнем левом крыле радикальных партий, сегодня больше вовсе не сдерживаются, они не являются прогрессивными людьми, но еще более злобными реакционерами, чем были те, кто нес реакцию прежде. Когда выставляется требование диктатуры одного класса, из этого класса вышло бы ни что иное, как тирания отдельных лиц — я не хочу сказать, избранников — это совершенно определенно были бы не избранные, но те, кто пускает другим пыль в глаза. Вышла бы тирания тех из данного класса, кто пускает другим пыль в глаза. Произошло бы лишь переворачивание человечества. Но отношения совершенно определенно не улучшились бы, а в существенном, скорее, ухудшились бы.

Следовательно, дело здесь в том, чтобы действительно смотреть на принцип, чтобы мыслить, исходя из действительности, а не из предвзятых серых теорий. Видите ли, часто те, кто здраво мыслят, исходя из действительности, имеют очень здравое суждение об отдельных явлениях. Сегодня я разъяснил вам, что господство денег, собственно, действует на действительно социальные состояния расстраивающим

образом. Это нужно понять. Оно фактически действует так, что деньги создают отношения власти, тиранизирующие отношения, что на место старой власти завоевания и тому подобного пришла просто власть денег. В Европе такие вещи еще мало понимают. Есть американская поговорка, гласящая приблизительно: разбогатеть просто благодаря капиталистическому хозяйству значит через три поколения снова ходить без штанов! Здесь совершенно ясно выставлена призрачность капиталистического хозяйства, эта саморастворимость, эта мнимость. Можно стать миллиардером, а через три поколения потомки будут, разумеется, ходить без штанов, потому что деньги стали господствовать над людьми.

И вот для тех, кто действует по замыслам Ленина, дело совсем не в том, чтобы найти новые принципы, действительно из жизненных условий человечества исследовать, какой должна быть социальная структура, а в том, чтобы то, что они узнали о капитализме, перенести на крупного капиталиста, которого они формируют на находящейся в их распоряжении территории. Что работало при капиталистической власти, будет продолжать работать при шпионском хозяйстве, протекционистском хозяйстве и любом другом. Прежде говорили: трон и алтарь. Теперь на Востоке говорят: контора и машина. Но суеверие одинаково велико. Именно сегодня речь идет не о том, чтобы ввести новое состояние со старыми понятиями, только с помощью другого класса людей, а о том, чтобы сплотиться вокруг действительно новых принципов, действительно нового понимания.

В конце концов это также происходит из реальности развития. Возьмите снова Америку. Там вы имеете сегодня республиканскую и демократическую партии. Если сегодня изучать эти партии и совсем ничего не знать об истории, то нельзя понять, почему эти партии так называются; ибо Республиканская партия не является республиканской, и Демократическая не является демократической, это представительства клик, каждая из которых представляет свои особые интересы. Названия партий остались от прежних времен. То, что имелось в виду под этими названиями, давно потеряло свое значение. Действительность совсем иная. Сегодня дело совсем не в том, чтобы дать ослепить себя какими-нибудь партийными шаблонами, а в том, чтобы практически смотреть на действительность. Вот в чем все дело.

И кто практически смотрит на действительность Востока [Европы], тот говорит тогда себе следующее. При этом можно, пожалуй, рассказать маленькую историю. Важно, чтобы такие вещи, имеющие отношение к симптоматологии времени не замалчивались полностью. Когда в январе 1918 года я снова приехал из Швейцарии в Берлин, я говорил там с одним человеком, который был очень глубоко вовлечен в события, сильно замешан в них, и который давно знал мои идеи о том, что теперь в средней и восточной Европе должна быть понята идея трехчленности социального организма. Я тогда разработал ее и предложил людям, которые могли над ней работать в соответствии с их тогдашним положением. Упомянутый человек также знал это. Ему казалось очень убедительным, что дело может быть в том, чтобы выйти из беды

духовным путем. Об этом тогда уже давно говорилось. Я приехал, как уже сказано — вспомните о том, что было тогда в январе 1918 года — в Берлин. Этот человек — он был военный, высокопоставленный военный — когда я заговорил с ним о безнадежной, невозможной идее опять начать это ужасное весеннее наступление 1918 года — этот человек сказал: чего же вы хотите, разве у Кюльмана не было трехчленности в кармане? — Она была у него в кармане, и все же он пошел на Брест-Литовск.

Это может сегодня выглядеть для вас как сообщения какого-нибудь фантаста, но я знаю, что эта "фантастика" коренится глубоко в действительности. Я знаю, что именно в русском народе таятся задатки к тому, чтобы раньше всех понять идею трехчленности, если ее сообщить ему правильным образом. Это должно было бы наступить как духовная акция вместо невозможной акции Брест-Литовска. Тогда могло бы осуществиться единение между средней Европой и востоком Европы, которое было бы духовной акцией, приходом в себя. Это было бы нечто совершенно иное.

Чем, собственно, было внесение ленинизма в Россию? Я напомним только о том, что Ленин был провезен через Германию в Россию в запломбированном вагоне. Ленинизм есть импорт. Если хотят говорить о "германском милитаризме", то нужно говорить о том, что ленинизм есть импорт.

Но можно, пожалуй, предположить, что такая духовная акция могла бы вызвать нечто совершенно иное, чем тот факт, что этой духовной акции не произошло, и на ее место, на место того, что действует из русского народа, была поставлена абстракция — общая марксистская фраза об осуществлении социальных порядков, которые, если бы они вообще могли быть осуществлены, могли бы быть нахлобучены с тем же успехом как на Россию, так и на Бразилию, Аргентину или на что-нибудь другое, совершенно без знания народных связей, хоть на Луну. Это суеверие, что все можно нахлобучить на что угодно, есть большое несчастье Востока [Европы], это то, что обосновывает там тиранию идей, которая будет ужасной по своим последствиям, так как она хищнически грабит прошлое. Хотя она и столь радикально упраздняет зло, но то, в чем она продуктивна, это пережитки, остатки старого. Но чтобы ей самой стать продуктивной, она должна сойти на нет.

Уйти от беспристрастного обсуждения этих вещей было бы сегодня социальным упущением. Ибо сегодня они поистине чрезвычайно серьезны. Потому что такие важные вещи нельзя обсуждать из какого-нибудь партийного мнения, а нужно обсуждать из всего объема самой действительности. Нужно спросить: что должно было бы сформироваться из основ самого русского общества? Во всяком случае, не ленинизм, который суть абстракция, и такая абстракция, которая к тому же заявляет: сначала должен быть порожден новый тип людей. Поэтому работа Ленина не для русских, а для людей, которых он хочет вырастить с помощью невозможных порядков, которые он сначала вводит. Вот действительный факт.

Поистине в основе того, что я говорю, лежит не какая-нибудь симпатия или антипатия, но стремление к пониманию. Бесплезно сегодня рассматривать эти вещи не в их полной

всеобъемлющей серьезности.

Еще меня спросили:

Из чего должна выплачиваться заработная плата, если не из выручки за товар?

Подумать о заработной плате, собственно, очень интересно, но время уже столь позднее, что я могу остановиться на этом лишь вкратце. Примечательно, что мало-помалу прежде всего хозяйственная жизнь стала действовать столь гипнотизирующе, что в то время, когда человечество начало предаваться великому обману, социалистическая программа именно по отношению к таким вещам испытала полное превращение. При изучении современного рабочего движения очень интересно познакомиться с тремя программами: Айзенахской, Готской и Эрфуртской. Если взять эти программы — до Эрфуртской, которая была составлена в 1891 году — то везде найдете, что там еще присутствовало сознание того, что нужно работать из определенных правовых, государственных и политических воззрений. Поэтому в качестве главных требований более старых программ находят отмену заработной платы и установление равных политических прав. Эрфуртская программа, однако, уже полностью является просто хозяйственной программой, но политизирующей, как я сегодня представил. Там в качестве главных требований устанавливается: передача средств производства под общественное управление, в общественную собственность, и производство посредством общества. Программа составлена чисто хозяйственно, хотя задумана политически.

Люди столь сильно мыслят в духе сегодняшнего порядка, сегодняшнего социального порядка, что в широчайших кругах совершенно не замечают, что заработная плата, как таковая, в действительности есть социальная неправда. В действительности отношение таково, что так называемый наемный рабочий сотрудничает с руководителем предприятия, и то, что имеет место, есть в действительности спор — который только прикрывается всевозможными обманчивыми отношениями, большей частью отношениями власти и так далее — о разделе выручки. Если говорить парадоксально, то можно было бы сказать: заработной платы совсем нет, а есть раздел выручки — уже сегодня, только, как правило, сегодня тот, кто хозяйственно слаб, при разделе находит себя обманутым. Вот и все. Дело в том, чтобы нечто, основанное лишь на социальной ошибке, не переносить на действительность. В тот момент, когда социальная структура будет такова, как я представил в моей книге "Основные пункты социального вопроса", станет очевидным, что между так называемым наемным работником и работодателем существует сотрудничество, что эти понятия работающего по найму и работодателя прекращаются, что существует отношение раздела. Тогда отношение заработной платы вообще полностью теряет свое значение.

Но тогда нельзя больше и думать о том, чтобы оплачивать труд как таковой. Это, конечно, другой полюс. Труд будет подчиняться правовому отношению — я буду еще говорить об этом завтра; род и мера труда будет определяться в демократическом обществе, в правовом государстве. Труд,

также, как и природные силы, станет основой хозяйственного порядка, и то, что будет производиться, не будет эталоном для того или иного вознаграждения труда.

То, что будет происходить на почве экономики, будет служить исключительно для оценки произведенного. Здесь дело в том, чтобы познать фундамент, в известном смысле первичную ячейку хозяйственной жизни. Эта первичную ячейку я часто определял так, что говорил: в существенном устройстве, которое я сегодня описал, должно достигать того, чтобы посредством живой деятельности ассоциаций каждый человек в качестве равноценного тому, что он произвел, получал то, что дало бы ему возможность удовлетворять свои потребности до тех пор, пока он снова не произведет такой же продукт. Попросту говоря: если я произвел пару сапог, то благодаря организации, которую я сегодня описал, эти сапоги должны стоить столько, я должен за них получить столько, сколько мне нужно, чтобы снова изготовить пару сапог.

Следовательно, дело совсем не в каком-нибудь определении платы за труд, а в определении взаимной цены. Конечно, должно быть учтено все — поддержка инвалидов, больных, воспитание детей и так далее. Об этом еще нужно будет говорить. Дело в том, чтобы создать такую социальную структуру, посредством которой действительно на первый план будет выдвинуто произведенное, а труд сможет основываться просто на правовом отношении, ибо он не может регулироваться, иначе, чем тем, что один работает для другого. Но это должно регулироваться на правовой почве, это не может стоять на рыночной почве хозяйственных отношений, Завтра вы увидите, что эти вещи в целом также стоят на действительно реальной основе.

Третий доклад Цюрих, 26 октября 1919 г.

Вопросы права - задачи и границы демократии, общественные правовые отношения и уголовное право

Достигают ли надлежащих взглядов в социальной жизни, это во многих отношениях зависит от того, понимают ли, какие существуют отношения между людьми, совместная жизнь которых и вызывает социальную жизнь, и институтами, внутри которых люди живут. Кто не предвзято смотрит на социальную жизнь, тот сможет открыть, что в конечном счете все институты, все учреждения, какие мы имеем, возникают благодаря мероприятиям, благодаря воле людей. Кто придет к этому взгляду, тот в конце концов скажет себе: в социальной жизни речь идет прежде всего о том, ведут ли себя люди из своих сил, из своих способностей, из своего настроения по отношению к другим людям и так далее как социальные или как несоциальные люди. Люди с социальным образом мыслей, с социальным жизневоззрением формируют учреждения, которые действуют социально. И в очень широком значении

можно сказать: в состоянии ли отдельный человек заработать соответствующее пропитание для своих занятий, это будет зависеть от того, как его ближние предоставляют ему средства для пропитания, работают ли они для него так, что он может покрывать свое пропитание своими средствами. Может ли отдельный человек покупать достаточно хлеба — если войти в самое конкретное — будет зависеть именно от того, достигли ли люди таких учреждений, благодаря которым каждый работающий, производящий нечто, может обменять за свой труд, за свое изделие соответствующий хлеб. А в состоянии ли отдельный человек действительно применять свой труд, действительно стоять на таком месте, на котором он может зарабатывать необходимые средства для своего пропитания, это, опять-таки, зависит от того, достигли ли люди, среди которых он живет, социальных институтов, благодаря которым он может занять соответствующее ему место.

Теперь, собственно, от непредвзятого взгляда на общественную жизнь требуется немного, чтобы то, что высказано как аксиома, признать в качестве основы познания социального вопроса. А кто не признает этого, тому этот принцип трудно доказать, потому что он не имеет склонности непредвзято смотреть на жизнь, дабы убедиться — а это возможно на любом отрезке жизни — что это действительно так.

Конечно, для современных людей это воззрение имеет нечто крайне неприятное. Ибо для современного человека очень важно, чтобы только не на самого себя делать ставку. Ему понравится, если сказать, что законы должны быть улучшены, изменены, но он ощутит как затрагивающее его человеческое достоинство, если вынуждены говорить о том, что он сам в своем душевном настроении, в своем жизненном поведении должен подвергнуться изменению. Ему легко может понравиться, когда говорят, что законы должны быть социально сформированы, но ему не нравится, когда выдвигают требование, что он должен социально формировать сам себя.

И это так потому, что в новом историческом развитии человечества наступило нечто чрезвычайно примечательное. В течение последнего столетия, как я уже указал в первом докладе, хозяйственная жизнь переросла то, что люди сформировали в воззрениях, именно в правовых и духовных воззрениях об этой хозяйственной жизни. В первом докладе я указал на то, что как раз критика общества Вудро Вильсоном доходит до того, что он говорит: хозяйственная жизнь установила свои собственные требования, приняла определенные формы; правовая, духовная жизнь, посредством которых мы стараемся овладеть этой хозяйственной жизнью, остались на старых позициях, они не последовали за хозяйственной жизнью. Но тем самым высказывается вообще глубоко значительный факт нового развития человечества.

С наступлением сложных технических условий и ставших из-за этого необходимыми капиталистических отношений, отношений предпринимательства, хозяйственная жизнь выставила свои требования. Факты хозяйственной жизни, хотелось бы сказать, постепенно ускользают от людей; они, больше или меньше, принимают свой собственный оборот.

Человек не нашел сил для того, чтобы из самого себя, посредством своих представлений, своих идей овладеть хозяйственной жизнью. Из мышления об экономических требованиях, из мышления о хозяйственном, как это непосредственно наблюдают, новый человек все больше и больше соглашался формировать свои правовые понятия, а также духовные понятия. Таким образом, можно сказать: характерным в развитии человечества в последние столетия является то, что как правовые понятия, посредством которых люди хотят жить в мире друг с другом, так и понятия о духовной жизни, посредством которых они хотят развивать и формировать свои способности, стали в высокой степени зависимыми от хозяйственной жизни.

Люди совсем не замечают, насколько сильно в это новое время человеческие представления и поведение людей по отношению друг к другу стали зависимыми от хозяйственной жизни. Конечно, люди сами создали также учреждения последних столетий, но они создали их большей частью не из заново обоснованных представлений и идей, а больше из бессознательных импульсов, бессознательных побуждений. И из-за этого возникло нечто такое, что в действительности можно назвать известным анархизмом в структуре социального организма. В двух первых докладах я уже очертил это анархическое с разных точек зрения.

Но в этой анархической социальной структуре нового времени развились именно такие отношения, которые привели пролетарский вопрос к современной форме. Пролетарий, который оторван от своего ремесла, приставлен к машине, загнан на фабрику — что главным образом видел он, взирая на окружающую жизнь? На своей собственной жизни он видел, преимущественно, как зависимо все то, что он может думать, что он имеет как право относительно других людей, как все это определяется отношениями хозяйственной мощи; отношениями хозяйственной мощи, которые для него прежде всего обусловлены тем, что он хозяйственно слаб против хозяйственно сильного.

Таким образом, можно сказать; у руководящих кругов установилось известное отрицание основной истины, что человеческие установления должны исходить от самих людей и их сознательной жизни. Люди забывали применять эту основную истину в социальной жизни. Руководящие круги постепенно инстинктивно предали жизни — если не вере — которая делала дух и право зависимыми от хозяйственной мощи. Но из этого возникла догма, понимание жизни социалистически мыслящими личностями и их сторонниками. Это понимание жизни исходит из того, что в развитии человечества должно быть так, что человеку нет никакой возможности самому организовывать правовые отношения, духовную жизнь, но духовная и правовая жизнь должны получаться как придатки хозяйственных реальностей, хозяйственных отраслей и так далее.

Так у широких кругов возник социальный вопрос с точки зрения определенного требования. В основе его лежала вера, что хозяйственная жизнь создает правовую жизнь, создает духовную жизнь — следовательно, сама хозяйственная жизнь

должна быть преобразована так, чтобы она производила правовую и духовную жизнь соответственно требованиям этих кругов. То, что стало жизненными привычками руководящих кругов, пролетариат сумел поднять в сознание; то, что другие переживали инстинктивно, он сделал догмой, и мы стоим сегодня перед социальным вопросом так, что в широчайших кругах распространился взгляд: нам нужно только преобразовать все остальное — и правовая жизнь, духовная жизнь придут сами собой, так как из хозяйственно правильных, хороших, социально сформированных установлений получится эта духовная и правовая жизнь.

Под влиянием этой точки зрения не было осознано, в чем, собственно, дело в новом социальном вопросе. Он, собственно, закрыт, завуалирован грандиозным обманом, могучей иллюзией этой догмы. В сущности, дело именно в этом: результатом новой истории человечества является как раз то, что зависимость правовой и духовной жизни от хозяйственной жизни должна быть преодолена. И в то время, как широкие социальные круги сегодня думают, что сначала хозяйственная жизнь должна быть сформирована иначе, тогда все остальное получится само собой, нужно поставить вопрос: какие отношения должны быть созданы в самих сферах права и духовной жизни, чтобы из обновленной духовной и правовой жизни возникли хозяйственные отношения, соответствующие требованиям достойного человека существования? Не "как мы делаем правовую и духовную жизнь все больше к больше зависимой от хозяйственной жизни?" — но "как мы выходим из зависимости?" — вот прежде всего то, о чем нужно спрашивать.

Это рассмотрение очень важно, ибо оно показывает нам, какие существуют препятствия для непредвзятого понимания социального вопроса современности, и как одним из важнейших препятствий является догма, и что многочисленные образованные и необразованные люди современности, пролетарии и непролетарии, просто высмеют того, кто думает, что оздоровление правовой и духовной жизни могло бы прийти как-нибудь с иной стороны, а не путем преобразования хозяйственной жизни.

И моей задачей сегодня будет говорить о правовой жизни, а послезавтра о духовной жизни. Правовая жизнь в своей собственной сущности и значении также многократно ставила людей перед вопросом: каково, собственно, происхождение права? Каково происхождение того, о чем люди в своем взаимном поведении говорят: это справедливо? — Этот вопрос всегда был для людей очень, очень важным. Но очень странно, что у широкого круга рассматривающих социальный вопрос лиц собственно правовой вопрос, хотелось бы сказать, провалился в дыру, его больше совсем не существует. Конечно, академически теоретические разборы сущности, значения права и так далее и сегодня имеются в изобилии, но в социальном рассмотрении широких кругов характерно именно то, что правовой вопрос более или менее исчез.

Чтобы объяснить это, я должен обратить ваше внимание на то, что в настоящее время выступает все чаще и чаще, тогда как еще недавно совсем упускалось из виду. Людям приходится видеть появление нетерпимых социальных явлений. Даже те,

кто в своей собственной жизни остаются более или менее незатронутыми этими антисоциальными явлениями, пытаются размышлять о них. И если сравнительно недавно было действительно решительно так, как я сказал, так что, собственно, вызвало бы только смех, если бы от правовых и духовных вопросов ожидали чего-нибудь для хозяйственных отношений, то сегодня уже все больше и больше выступает — но, можно сказать, из темных глубин — утверждение: да, во взаимное социальное поведение людей входит все же что-то наподобие душевных и правовых вопросов; и многое в путанице социальных условий происходит сегодня оттого, что слишком мало принимались во внимание душевные отношения людей, психические и правовые отношения в их самостоятельности. — То есть, поскольку это очевидно, уже отчасти указывается на то, что исцеление должно было бы прийти с другой, не чисто деловой, хозяйственной стороны. Но в практическом обсуждении вопроса это сказывается еще мало.

Красной нитью, пронизывающей все, производимое новым социалистическим мышлением, стало утверждение, что должна быть введена такая общественная структура, в которой люди смогут жить по своим способностям и по своим потребностям. Оформляется ли это более или менее гротескно радикально или больше согласно консервативному образу мыслей, не в этом дело; мы всюду слышим: недостатки современного социального порядка основаны большей частью на том, что человек в нем не в состоянии действительно применять свои способности; с другой стороны, этот общественный порядок таков, что он не может удовлетворять его потребности, именно, что в удовлетворении потребностей господствует определенная неравномерность.

Высказывая это, исходят из двух основных элементов человеческой жизни. Способности это нечто такое, что больше относится к человеческому представлению. Ибо все способности в конечном счете возникают у человека, когда он должен действовать сознательно, из своего представления, из своей мыслительной воли. Конечно, чувство должно постоянно воспалять способности представления, воодушевлять их; но чувство как таковое ничего не может сделать, если нет основополагающего представления. Следовательно, говоря о способностях, говоря также о практической сноровке, приходят в конце концов к жизни представлений. Это открывается множеству людей, что нужно заботиться о том, чтобы человек в социальной структуре мог проявлять свою жизнь представлений. Другое, что затем проявляется, восходит больше к жизненному элементу воли в человеке. Воля, связанная с желанием, с потребностью в том или ином продукте, есть основная сила человеческого существа. И когда говорят, что человек должен мочь жить в социальной структуре по своим потребностям, то взирают на волю.

Следовательно, не зная этого, сами марксисты, очерчивая социальный вопрос и, в сущности, желая верить, что они говорят лишь об установлениях, говорят о человеке. Они действительно говорят об установлениях, об институтах, но они хотят их формировать так, чтобы могла появляться жизнь представлений, человеческие способности, и чтобы

человеческие потребности могли удовлетворяться в той мере, как они существуют.

Так вот, в этом воззрении есть нечто очень своеобразное. А именно, в нем совсем не проявляется один жизненный элемент человека, и это жизнь чувств. Видите ли, если бы сказали: имеют целью, хотят достигнуть такой социальной структуры, в которой люди смогут жить согласно своим способностям, своим чувствам и своим потребностям — то охватили бы всего человека. Но странным образом, желая всеобъемлюще охарактеризовать, какова социальная цель людей, опускают жизнь чувств человека. А кто пропускает жизнь чувств в своем рассмотрении человека, тот, собственно, опускает всякое рассмотрение действительных правовых отношений в социальном организме. Ибо правовые отношения могут развиваться в совместной жизни людей только так, как в этой совместной жизни чувства встречаются одно с другим, шлифуются друг о друга. Какие чувства люди взаимно испытывают друг относительно друга, таким получается общественное право. И поскольку в основном вопросе социального движения опущен жизненный элемент чувства, правовой вопрос должен был, как я сказал, провалиться в дыру, исчезнуть. И дело в том, чтобы именно этот правовой вопрос представить в правильном свете. Конечно, известно, что существует право, но его хотели бы представить просто как придаток хозяйственных отношений.

Как же развивается право в совместной жизни людей? Видите ли, определение права часто пытались дать, но оно, собственно, никогда не выходило удовлетворительным. Столь же мало проку получалось, когда исследовали происхождение права, откуда право происходит. Как ни хотели найти ответ на этот вопрос, никогда не выходило чего-нибудь правильного. Почему? Это в точности так же, как если бы из человеческой природы хотели развить речь. Часто говорились, и это правильно: человек, выросший на необитаемом острове, никогда не пришел бы к речи, ибо речь зажигается другим человеком, человеческим обществом в целом.

Так же из чувства в совместном действии с чувством другого в общественной жизни возгорается право. Нельзя сказать, что право происходит из того или иного угла человека или человечества; а можно только сказать: через свои чувства, которые они взаимно испытывают друг к другу, люди входят в такие отношения, что они закрепляют эти отношения в праве. Следовательно, право есть нечто такое, о чем нужно спрашивать так, чтобы прежде всего взирать на его развитие в человеческом обществе. Но из-за этого рассмотрение права для современного человека приходит как раз в непосредственную близость к тому, что развилось в истории нового человечества как демократическое требование.

К сущности таких требований, какими являются демократические требования, нельзя приблизиться, если не рассматривать само человеческое развитие как род организма. Но современный способ рассмотрения очень, очень далек от этого. Каждый человек, конечно, чувствовал бы смешным и парадоксальным, если бы захотели объяснить развитие человека от рождения до смерти влиянием средств питания,

если бы хотели объяснить: потому, что капуста, мол, такая, пшеница такая, говядина такая, человек развивается от рождения до смерти так-то и так-то. Нет, никто не согласится, что это разумный способ объяснения, но каждый признает, что нужно спрашивать: как обосновано в самой человеческой природе, что, например, около седьмого года из этой человеческой природы исходят силы, которые производят смену зубов? Из капусты, из говядины нельзя извлечь следствий о смене зубов. Точно также нужно спрашивать: как из человеческого организма развивается то, что, например, представляет собой половая зрелость? — и так далее. Нужно вникать в то, что развивается, в его внутреннюю природу.

Но поищите среди сегодняшних способов представления такой, который можно было бы применить к истории развития человечества, которому было бы ясно, что в то время, как человечество развивается на Земле, оно из себя, из своего существа в разные периоды развивает определенные силы и способности, определенные особенности!

Кто научился надлежащим образом рассматривать природу, тот может перенести этот целесообразный способ рассмотрения на историю. И тогда находят, что, исходя из глубин человеческой природы, с середины XV-го столетия развилось именно это требование демократии, и оно более или менее удовлетворяется в разных местностях Земли: чтобы человек в своем поведении по отношению к другим людям мог осуществлять только то, что он сам ощущает как правильное, как соответствующее себе. В новое время демократический принцип из глубины человеческой природы стал сигнатурой человеческого стремления. Этот демократический принцип — элементарное требование нового человечества.

Кто понимает эти вещи, тот, однако, должен принимать их вполне серьезно, должен затем ставить вопрос: каково значение и каковы границы демократического принципа? — Демократический принцип - я его только что охарактеризовал — состоит в том, что живущие совместно в социальном организме люди должны принимать решения, которые исходят от каждого в отдельности. Тогда, конечно, решения могут становиться обязательными для общества только посредством того, что образуется большинство. То, что входит в такие решения большинства, будет демократическим только тогда, когда каждый отдельный человек противостоит другим как равный. Тогда, однако, решения могут приниматься только о том, в чем отдельный человек действительно равен всякому другому человеку. Это значит: на демократической почве могут приниматься только те решения, о которых способен судить каждый взрослый человек благодаря тому, что он стал взрослым. Этим, однако, проводятся — я полагаю, предельно ясно — границы демократии. На почве демократии может быть решено только то, о чем можно судить просто благодаря тому, что стал взрослым человеком.

Этим из демократических мероприятий исключается все то, что относится к развитию человеческих способностей в общественной жизни. Все то, чем является воспитание и обучение, вообще духовная жизнь, требует участия индивидуальности человека — послезавтра мы будем говорить

об этом более точно, — требует прежде всего действительного индивидуального человеческого познания, требует от обучающего, от воспитывающего особых индивидуальных способностей, которые вовсе не могут быть присущи человеку просто благодаря тому, что он стал взрослым. Либо демократию не принимают всерьез, и тогда ей дают решать также обо всем, что зависит от индивидуальных способностей; либо ее принимают всерьез и тогда из демократии должны исключать, с одной стороны, управление духовной жизнью. Нужно, однако, исключать из демократии и то, чем является хозяйственная жизнь. Все, что я развивал вчера, основано на знании дела и профессиональной сноровке, которые отдельный человек приобретает в хозяйственном кругу, в котором он находится. Никогда просто возраст, способность суждения каждого ставшего взрослым человека не могут решать о том, являются ли хорошим земледельцем, хорошим промышленником и тому подобным. Потому также нельзя большинством голосов всех ставших взрослыми принимать решения о том, что должно происходить в области хозяйственной жизни.

Это значит, что демократическое не должно быть ни в основе духовной жизни, ни в основе хозяйственной жизни. Тогда между обеими остается собственно демократическая государственная жизнь, в которой каждый человек противостоит другому как компетентный, взрослый, равный, но в которой решения большинством голосов также могут приниматься только о том, что зависит от равной способности суждения всех взрослых людей.

Кто высказывает вещи, о которых я только что говорил, не просто мысля абстрактно, но меряет их жизнью, тот видит, что люди заблуждаются в них именно потому, что их неудобно представлять, потому, что не хотят развивать мужество добираться до заключительных выводов из этого человеческого представления.

Однако то, что этого не хотят, что всеобщему требованию демократии не противопоставляют совершенно другого, имеет в новом развитии человечества очень, очень практическое значение. Я хотел бы обрисовать эти вещи гораздо меньше из абстрактных принципов, чем из самого исторического развития человечества.

В эти годы мы видели гибель одного государства, хотелось бы сказать: видели гибель его из своих собственных условий, и это государство можно рассматривать именно как экспериментальный объект также для правовых вопросов. Это старая, больше не существующая Австро-Венгрия. Кто проследивал военные годы, тот знает, что хотя в конечном счете Австрия пала из-за чисто военных событий, но распад этого австрийского государства последовал как вторичное явление, как нечто, произошедшее из его внутренних состояний. Это государство распалось, и оно, вероятно, распалось бы и в том случае, если бы на долю Австрии выпали более снисходительные военные события. Это можно утверждать десятилетиями, наблюдая эти отношения в Австрии, как это было возможно тому, кто здесь выступает перед вами; я провел в Австрии тридцать лет своей жизни.

В шестидесятых годах прошлого столетия в Австрии

выступило требование демократии, то есть народного представительства. Как же было сформировано это народное представительство? Оно было сформировано так, что представители народа набирались в австрийский Государственный Совет из четырех курий чисто хозяйственного рода: во-первых, курии крупных землевладельцев; во-вторых, города, рынки и индустриальные центры, вторая курия; в-третьих, торговые палаты, третья курия; четвертой курией были земельные общины, но и там принимались в соображение в сущности только хозяйственные интересы. Следовательно, своих представителей в австрийский Государственный Совет выбирали по тому, принадлежат ли они земельной общине, торговой палате и так далее. И там сидели вместе представители чисто хозяйственных интересов. Решения, которые принимались большинством голосов, исходили, разумеется, от отдельных людей, но отдельные люди представляли такие интересы, какие возникали у них из хозяйственной принадлежности. И что за права, принимавшиеся большинством голосов, возникали посредством этого? Права, которые были лишь преобразованными хозяйственными интересами. Ибо, разумеется, если, например, торговые палаты были заодно с крупными землевладельцами по какому-нибудь вопросу, то большинством голосов могло быть принято решение вопреки интересу меньшинства, которого, может быть, дело как раз касалось. Когда в парламентах заседают представители хозяйственных интересов, то всегда можно составить большинство, которое примет решение установить права, которые, однако, не будут иметь ничего общего с тем, что как правовое сознание возникает из человеческих чувств.

Или возьмите тот факт, что, например, в старом германском парламенте заседала большая партия, называвшая себя центром, которая представляла чисто духовные интересы, а именно католически-духовные. Эта партия могла объединяться с любой другой, чтобы получить большинство, и так чисто духовные потребности превращались в публичные права. Это происходило бесчисленное количество раз.

Что живет в этих стремящихся к демократии современных парламентах, замечали не раз. Но не понимают, что должно произойти: подлинное выделение правовой жизни из того, что является представительством, управлением хозяйственных интересов. Импульс к трехчленности социального организма должен поэтому самым решительным образом требовать отделения правовой жизни, правовой почвы от органов управления хозяйственными отношениями, от управления хозяйственным кругооборотом.

В хозяйственном кругообороте должны образовываться ассоциации, как я говорил вчера. Друг другу будут противостоять профессии, производители и потребители. То, что будет происходить в чисто хозяйственных явлениях и мероприятиях, будет основано на соглашениях, которые ассоциации будут заключать между собой. В хозяйственной жизни все будет основано на соглашениях, на взаимных работах. Корпорации там будут противостоять корпорациям. Решающее значение там будет иметь знание дела и

профессиональное умение. Дело будет не в том, каково мое мнение, скажем, если я промышленник, какое значение должна иметь именно моя отрасль индустрии в общественной жизни; нет, об этом я не могу принимать никаких решений, если хозяйственная жизнь самостоятельна, но я должен буду работать в своей отрасли индустрии, должен буду заключать соглашения с ассоциациями другой отрасли индустрии, а они должны будут оказывать мне взаимные услуги. Буду ли я в состоянии побудить их к сотрудничеству, от этого будет зависеть, смогу ли я сбывать свои изделия. Ассоциация способностей будет заключаться как соглашение. Вот каковы факты.

Иначе должна разыгрываться жизнь на правовой почве. На правовой почве человек может противостоять человеку. Там речь может идти только об установлении законов, которые регулируют общественные права путем решений большинства. Конечно, очень многие люди говорят: что же такое, в конце концов, общественное право? Сформулированное в словах, введенное в закон, это ни что иное, как то, что живет в хозяйственных отношениях! — Во многих отношениях это так. Но идея трехчленности социального организма не оставляет это без внимания, как она вообще не оставляет без внимания действительность; какое решение оказывается справедливым на демократической почве, то ведущие хозяйство люди, разумеется, вносят в хозяйственную жизнь. Только не следует это сначала извлекать и делать правом. Вы вносите это в хозяйственную жизнь.

Абстрактно мыслящие говорят: да, но то, что один ведет хозяйство с другим, если он выдает вексель или тому подобное, и что там получается по вексельному праву, разве это не полностью содержится в хозяйственной жизни? Разве это не представляет полного единства? И вот приходишь ты со своей трехчленностью и хочешь теперь разъединить то, что в жизни является полным единством!

Как будто в жизни — именно в жизни, в которую человек со своими мнениями не имеет доступа и которую поэтому он не может испортить — нет множества областей, где силовые потоки с разных сторон связываются в единство! Представьте себе только подрастающего человека: он имеет разные свойства с двух сторон, через наследование и через воспитание. Но если вы в пятнадцать лет что-нибудь делаете, то вы не можете сказать, что то, что вы делаете, не является единством! Результат наследственности и результат вашего воспитания сливаются в единство! Благодаря этому внутри живет единство, но лишь потому поистине как единство, что оно сливается с двух сторон.

Так из действительности жизни для идеи социального трехчленного организма получается, что здоровое единство для деятельности в хозяйственном возникает только постольку, поскольку правовые понятия включаются в нее так, что хозяйственные мероприятия самостоятельно управляются с хозяйственных точек зрения, и что права создаются на демократической почве. Тогда люди приводят это в единство. Это работает совместно, тогда как, если вы дадите правам возникнуть из интересов самого хозяйствования, то сделаете

права карикатурами. Тогда право является только фотографией, отпечатком хозяйственного интереса. Права совсем нет. Только посредством того, что вы даете праву возникать первоначально и изначально на своей самостоятельной демократической почве, можете вы его вносить в хозяйственную жизнь.

Следовало бы полагать, что это настолько ясно, что не нуждается в дальнейших объяснениях. Но наше время имеет как раз ту особенность, что яснейшие истины затемняются и искажаются. На том же основании, на котором развивается множество социалистических воззрений, сегодня думают, что зависимость правовой жизни от хозяйственной как раз должна продолжаться. Вчера я показал вам, как по политическому образцу хотят основать своего рода иерархию, и как с ее помощью стремятся регулировать и управлять хозяйственной жизнью. Тогда, полагают те, кто управляет хозяйственной жизнью, между прочим будут развивать уже и права. Утверждая это, не понимают конкретной, действительное жизни. Не хозяйственная жизнь, в которой прежде всего нужно быть способным к формированию условий производства, может породить правовые отношения, но они должны возникать рядом с хозяйственной жизнью из своего собственного источника. Они никогда не будут создаваться просто путем размышления, но благодаря тому, что конкретно рядом с хозяйственным кругооборотом развивается государственный элемент, в котором отдельный индивидуальный человек противостоит другому индивидуальному человеку.

Дело не в том, чтобы люди из какого-нибудь первоначального сознания хозяйственников производили также и правовые законы, а в том, чтобы сначала создать конкретную почву, на которой люди благодаря своим чувствам войдут в такие отношения, что смогут преобразовать их в правовые отношения. Дело в том, чтобы создать некую реальность наряду с хозяйственной жизнью. Тогда право будет не просто надстройкой над хозяйственной жизнью, а самостоятельно формирующейся сущностью. Тогда основная ошибка, суеверие социального вопроса, будто для того, чтобы прийти к другим правовым понятиям, нужно только преобразовать хозяйственную жизнь, это суеверие будет преодолено не теоретическим ответом, тогда реальность тройко расчлененного социального организма будет создаваться просто тем, что будут создавать самостоятельную правовую почву; реальность, из которой посредством человеческого общения и человеческих связей возникнет та мощная движущая сила правовой жизни, которая сможет освоить хозяйственную жизнь.

И, наконец, историческое рассмотрение нового времени, с другой стороны, также указывает на то, что я сейчас разъяснял. Взгляните на побуждения, которые люди имели для своих ремесленных и прочих работ вплоть до XIII-го, XIV-го столетий. Современные социалистические мыслители часто подчеркивают, что человек отделен от средств производства. В такой высокой степени, как сейчас, он стал отделенным только современными хозяйственными отношениями. Особенно он отделен от продуктов своего труда. Фабричный рабочий, какую

долю имеет он в том, что предприниматель потом продает? Что он знает об этом? Что он знает о пути, который продукты его труда проделывают в мире? Маленький кусочек большой связи! Он, пожалуй, никогда не встречает большую связь лицом к лицу. Подумайте, какое огромное отличие от старого ремесла, где отдельный работник имел удовлетворение в том, что он производил — кто знает историю, тот знает, что это было так; подумайте о личном отношении человека к изготовлению ключей от двери, замка и тому подобного. Если приехать в местности, где сохранился старый уклад, то это еще можно наблюдать, но если он не сохранился, то такого опыта больше не получишь. Однажды — извините, что я рассказываю нечто личное, но, может быть, оно послужит для характеристики — я приехал в такую местность и был чрезвычайно восхищен, когда зашел в парикмахерскую и подмастерье был очень рад, что он может красиво подстричь человека! Он был рад тому, что он делал. Теперь все меньше и меньше такой личной связи между человеком и его производением. Что такой связи нет, это просто требование современной хозяйственной жизни. Это не может быть иначе в сложных условиях, когда мы должны работать при разделении труда. А если бы у нас не было разделения труда, то не было бы современной жизни со всем тем, что нам необходимо, не было бы никакого прогресса. Существование старого отношения между человеком и продуктом его труда невозможно.

Но человек нуждается в отношении к своему труду. Человеку нужно, чтобы могла существовать радость в его отношении к своей работе, известная преданность своей работе. Преподанности, непосредственного совместного бытия с произведенным объектом, больше нет, но они должны быть заменены чем-то другим. Ибо для человеческой природы невыносимо, чтобы не было побуждения к работе, подобного радости непосредственного создания объекта. Она должна быть заменена чем-то другим. Чем же она может быть заменена? Только тем, что горизонт человека будет расширен, что люди будут вызваны на тот план, где они встретятся со своими современниками в широком кругу — в конечном счете со всеми современниками, обитающими в том же социальном организме — чтобы развивать интерес к людям. Должно быть так, чтобы даже тому, кто работает для большого целого в самом потаенном углу над одним-единственным винтом, не нужно было бы раскрывать свое личное отношение в созерцании этого винта, но чтобы он мог вносить в свой цех то, что он воспринял как чувства к другим людям, чтобы он снова находил это, выйдя из своего цеха, чтобы он имел живое воззрение на свою связь с человеческим обществом, чтобы даже тогда, когда у него нет радости непосредственного создания продукта, он мог бы работать потому, что чувствует себя достойным членом в кругу своих сограждан.

Из этого стремления произошло современное требование демократии и современный способ демократическим образом устанавливать право, общественное право. Эти вещи внутренне связаны с сущностью развития человечества. И это может ясно понимать лишь тот, кто имеет склонность действительно заглядывать в сущность развития человечества, как оно

разыгрывается на социальной почве. Нужно чувствовать, как должен быть расширен горизонт человека, чтобы вы ощутили: конечно, я не знаю, что я делаю для своих сограждан, изготавливая здесь этот винт, но я знаю, что благодаря жизненным связям, в которые я вступаю с ними посредством официального права, я являюсь достойным членом общественной порядка, равным всем другим.

Вот что должно лежать в основе современной демократии и что, действуя в чувстве между людьми, должно лежать в основе современных общественных правовых положений. И только благодаря тому, что так заглядывают во внутреннюю структуру человека, приходят к действительно современным понятиям о том, что должно развиваться во всех областях как общественное право. Более точно нам предстоит говорить об этом еще в пятом докладе. Сейчас в заключение, однако, я хочу показать вам, как область права затрагивает из собственно правовой и духовную основу.

Просто просматривая условия, которые я вам сейчас охарактеризовал, можно видеть, что путем шлифования чувства о чувство равноправных людей на демократической почве возникают законы, тогда как на хозяйственной почве возникают соглашения между коалициями или также между отдельными людьми. С момента, когда речь заходит о том, что человек должен искать решения в своем праве, гражданском, частном или еще каком-либо, а также уголовном, с этого момента право переходит с собственно правовой почвы на почву духовной жизни. Здесь снова есть одна точка — равно как и при налоговом законодательстве — где современное человеческое представление еще долго не привыкнет к тому, что, собственно, если вдаваться в основные условия, получается как само собой разумеющееся.

Видите ли, когда речь идет о том, чтобы судить, как существующий закон применить к отдельному человеку, тогда принимают во внимание индивидуальное оценивание этого человека; тут принимают во внимание, чтобы действительно благодаря своим духовным способностям можно было стать на место этого отдельного человека. Развитие уголовного права, гражданского права не может стоять на общей правовой почве, оно должно быть передвинуто на почву, более глубокая особенность которой будет разъяснена послезавтра при обсуждении духовной жизни. Оно может стать правовым действием лишь благодаря тому, что каждый, становящийся судьей, действительно ставился бы в положение судить из индивидуальных способностей, индивидуального отношения к человеку, о котором надлежит судить. Можно, пожалуй, предположить, что нечто подобное может быть достигнуто самыми разными способами. В своих "Основных пунктах социального вопроса" я обратил внимание на один способ, как это может быть достигнуто.

В трехчленном социальном организме существует самостоятельное, охарактеризованное вчера хозяйственное управление, существует демократическая, правовая почва, которую я сегодня набросал и должен буду обрисовать дальше в пятом докладе, в ее взаимодействии с другими областями. Существует, однако, также самостоятельная духовная жизнь,

где прежде всего дело обучения и воспитания управляется таким образом, как я указывал вчера, а послезавтра буду излагать дальше. Тогда те, кто управляет духовной жизнью, должны будут в то же время назначать судей, и каждый человек будет иметь право и возможность - скажем, даже просто на продолжительное время - определять, каким судьей он хочет быть судим, если он будет подлежать суду за какое-нибудь гражданское или уголовное правонарушение. Тогда человек определит себе судью из действительных индивидуальных отношений. Тогда судья, который будет не юридическим бюрократам, а будет приглашен из духовного организма, сможет также из связей, в которые он в социальном отношении поставлен в своей среде, установить, как надлежит из социальной среды судить о том, кто попал под суд. Дело будет в том, чтобы судья приглашался не из государственных потребностей, а чтобы основания, по которым приглашается судья, были подобны тем, которые действуют в свободной духовной жизни для того, чтобы поставить на какое-нибудь место наилучшего воспитателя. Становление судьей будет чем-то подобным становлению учителем или воспитателем.

Конечно, тем самым судебное определение права будет отклоняться от учреждения права демократическим путем. Именно на этом примере развития уголовного права мы видим, как перерастает демократию то, что является личным делом человека, что должно и обсуждаться индивидуальным образом. Судебное определение права - это в высшем смысле социальное дело. В тот момент, когда бывают вынуждены обратиться к судье, как правило, речь идет о над- или анти-социальном деле, о чем-то выпадающем из общественной жизни. Такими делами, в сущности, являются все индивидуальные дела людей. Такие дела относятся к одной из ветвей управления духовной жизнью, к управлению определением прав. Определение прав перерастает границы демократии.

Дело, таким образом, в том, чтобы в реальности установить то, что как реальность вызывает среди людей правовая жизнь. Тогда эта правовая жизнь будет не надстройкой хозяйственной жизни, а будет вращиваться в хозяйственную жизнь. К тому, что должно происходить в этой области, никогда не придут просто путем теоретического рассмотрения, а только посредством того, что вглядываются в практическую жизнь и говорят себе: действительная правовая жизнь, обладающая соответствующей движущей силой, может возникать, только если создана самостоятельная правовая почва. Эта правовая почва исчезла под затопившей все хозяйственной жизнью. Правовая жизнь стала придатком хозяйственной жизни. Она снова должна стать самостоятельной, так же как и духовная жизнь должна эмансипироваться от хозяйственной жизни. Для ясного видения в социальном вопросе должно быть преодолено серьезное заблуждение - о том, что достаточно преобразовать хозяйственную организацию, тогда все остальное получится само собой. Это заблуждение возникло только из-за того, что в новое время могущественной стала лишь хозяйственная жизнь. Люди поддались внушению исключительной мощи хозяйственной жизни. Посредством этого нельзя никогда прийти к решению социального вопроса. Люди предадутся

иллюзиям, именно иллюзиям пролетариата. Они захотят высосать из хозяйственной жизни то, что они называют "справедливым распределением благ". Но справедливое распределение благ будет достигнуто, только если в общественном организме найдутся люди, способные создать соответствующие установления, удовлетворяющие хозяйственным требованиям. Это может произойти, только если поймут, что для удовлетворения социального требования дело не в одних лишь преобразованиях хозяйственной жизни, а в том, чтобы ответить на вопрос: что должно быть установлено наряду с хозяйственной жизнью, чтобы эта хозяйственная жизнь постоянно социально формировалась социальными людьми, которые будут социальными людьми в правовой и духовной жизни.

Вот что как истина должно противопоставить себя суеверию, догме. И тем, кто ищет единственное целебное средство для оздоровления социальной жизни в хозяйственной жизни, должно быть указано на дух и на право. Они должны не грезить о том, что право есть лишь дым, поднимающийся над хозяйственной жизнью, но мыслить в соответствии с действительностью: именно потому, что в новое время право и правовое сознание отступили, будучи затоплены хозяйственной жизнью, для социального формирования нашего общественного организма нам необходимо реальное создание правового организма с соответствующей движущей силой.

Ответы на вопросы третьего

доклада

Как посредством самостоятельного права может регулироваться хозяйство?

Тут нужно принять во внимание, насколько отличен трехчленный организм, о котором здесь идет речь, от того, что находят в платоновом государстве как разделение людей социального организма на три сословия: питающее, защищающее и обучающее. Среди всевозможных недоразумений должно встретиться также и такое: мол, эта трехчленность из духовного, правового или государственного и из хозяйственного организмов, это, так сказать, подогретый платонов принцип об обучающем сословии, совпадающем с духовным организмом — как полагают, защищающем сословии, иными словами государственном правовом организме, и питающем сословии, равном хозяйственному организму. Но это совсем не так. Это полная противоположность. При трехчленности социального организма дело именно в том, чтобы управления соответствующих областей человеческой жизни были отделены друг от друга, чтобы, следовательно, не люди были разделены на сословия, но чтобы то, что отделено от людей, управление организациями распадалось бы на три члена, которые должны сотрудничать именно посредством живых людей. Живой человек участвует во всех трех областях. Постепенно в человечестве возникло сознание того, что, собственно, недостойно человека развивать классовые

различия, сословные различия и так далее. Реально они будут преодолены, только если социальный организм делится согласно объективному, согласно тому, что отделено от человека.

Таким образом, нужно представлять, например, следующее. В пятом докладе я еще буду говорить о подобном. Кто достигнет воззрения действительно свободной духовной жизни, тот сможет увидеть, что эта действительно свободная духовная жизнь совсем не абстрактна, как сегодняшняя духовная жизнь. Сегодня она знает, или, по крайней мере, могла бы знать всевозможные философские, религиозные мировоззрения и тому подобное. Подумайте только, насколько абстрактными, чуждыми жизни стали эти мировоззрения. Нужно только вспомнить о том, что сегодня купец, государственный деятель, промышленник, сельский хозяин может иметь свои этические, эстетические, научные, религиозные воззрения и наряду с этим он имеет управление своей службой, своим хозяйством и так далее. И то, и другое протекает как бы само по себе. Это происходит оттого, что в области духовной жизни мы, в сущности, сегодня все еще имеем продолжение старой греческой духовной жизни, произошедшей из совершенно иных социальных отношений. Этого люди большей частью не знают, но, фактически, в нашем социальном образе мыслей мы имеем продолжение греческой духовной жизни, основанной на том, что вполне достойное человека существование ведет лишь тот, кто, собственно, не работает, кто заботится о политике и самое большое присматривает за сельским хозяйством и тому подобным. Тот, кто работает, тот, в действительности, не принадлежит к людям, в высшем смысле принимаемым во внимание. У греков это было в крови, так относиться к людям, и на это равнялась вся духовная жизнь. Греческая духовная жизнь не мыслима иначе, как надстройка над широким нижним слоем людей, которые не могли участвовать в греческой духовной жизни как таковой.

Но это воззрение на духовную жизнь осталось в нашем чувстве. Поистине не следует судить о таких вещах пристрастно, их нужно принимать во внимание: руководящие круги часто очень абстрактным образом смотрят на то, чем является человеческое братство, любовь к ближнему, и так далее. Возьмем яркий пример. В середине 19-го столетия, когда люди размышляли о любви к ближнему, братстве с точки зрения их религиозного, их этического мировоззрения, было проведено статистическое обследование о вреде горных работ в Англии. Оказалось, что на самом деле девяти-, одиннадцати-, тринадцатилетние дети спускались в шахты до восхода Солнца и выходили из них только после захода Солнца, так что бедные дети целыми днями не видели солнечного света, и так всю неделю, за исключением воскресенья. Да, и с углем, добытым таким образом, в хорошо натопленных комнатах образованные классы беседовали затем в своем чуждом жизни мировоззрении о братстве, о любви к ближнему, развивали свои этические взгляды, развивали даже мнение, что этическим человеком является лишь тот, кто любит всех своих сограждан без различия сословий и так далее.

Но такая духовная жизнь — и эта черта, в сущности,

проходит через всю нашу духовную жизнь — чужда реальной жизни. Это духовная жизнь, которую имеют внутри и которой недостает сил проникать вплоть до реальной жизни. Подумайте, какая пропасть существует между тем, что купец переживает в своем эстетическом, в своем религиозном образовании, и тем, что он записывает в своей кассовой книге. Правда, на первой странице там стоит "с Богом", но все это мало имеет отношения к Богу, которого он почитает в своем сердце.

Так вот, видите ли, здесь вы имеете глубокую пропасть между абстрактной духовной жизнью и внешней конкретной действительностью. К этой пропасти сегодня привыкли как к чему-то само собой разумеющемуся. Есть философы, которые занимаются доброжелательностью, добротой, любовью к ближнему и всем возможным. Но если вы возьмете такую философскую книгу, то не сможете из нее почерпнуть какого-нибудь руководства, как нужно сформировать банк. Духовная жизнь, которая действительно эмансипирована, поставлена на собственные ноги, снова свяжет жизненную практику с духовной деятельностью, с тем, чем является духовная жизнь.

Кто выслушает мой послезавтрашний доклад [#4], тот больше не будет полагать, будто я хочу в каких-то деталях придать чисто духовной жизни материалистические черты. Вы увидите, что имеет место прямо противоположное. Но как раз не желая этого, а желая поставить духовную жизнь на ее духовные основы, и нельзя склоняться к тому, чтобы обращаться с материальной жизнью как с чем-либо чуждым духовной жизни, а, наоборот, следует обращаться с духом так, чтобы он мог погружаться в непосредственную действительность. Сегодня люди уже удивляются, когда им говорят это так конкретно.

Например, один промышленник спросил меня: "Таким образом, вы хотите, чтобы, например, практика, имеющего какую-то практическую профессию, хорошо в ней разбирающегося, если у него есть способность — если духовное управление находит, что у него есть способность — будь ему 35, 40 лет от роду, приглашали, совершенно безразлично в какой области знания это происходит, учить теперь а какой-нибудь высшей или низшей школе известное число лет?". Тогда он всегда приходит из практики! Духовная жизнь отделена от хозяйственной жизни. Но тот, кто ведет хозяйство, как раз применяет то, что он усваивает в отделенной духовной жизни: происходит постоянный переход туда и обратно. "Но человек, согласно своим способностям, должен быть поставлен на какой-то конкретный пост. Знаете, на моем предприятии, на моей фабрике есть человек, который устроен так, что все время требует, чтобы я организовал для него химическую лабораторию, в которой только он и может производить эксперименты. Люди поистине разнообразны!" Да, они таковы, они различны, ибо они так воспитаны условиями нового времени. На самом же деле никто не может действительно участвовать в духовной жизни, если он не может поставить себя в практической жизни. Только тогда, когда человек может везде вносить дух в практическую жизнь, он может поставить себя и в духовной жизни.

Так, именно благодаря тому, что то, что отделено от

человека, стало трехчленным, разделенное сводится вместе людьми. Следовательно, когда в демократическом государстве возникает право, то люди деятельные в хозяйственной жизни, будут вносить право в хозяйственную жизнь, будут принимать такие установления, которые соответствуют праву. Оно вносится не посредством абстрактных мер и тому подобного, а живыми людьми. Вот в чем здесь дело: в основе социальных установлений снова поставить живого человека. Вот что я хотел бы ответить на этот вопрос.

Видите ли, так же и в отдельных областях получится, что знание сможет стать плодотворным для жизни. Посмотрите сегодня на большое число университетов. Там учат также педагогике. Да, философы учат педагогике как второстепенному предмету, в котором они, как правило, мало понимают. В здоровом социальном организме какой-нибудь пригодный школьный учитель, который умеет практически вести обучение, должен будет два или три года учить педагогике; затем он снова возвратится к своей практической профессии. Так будет во всей жизни. Благодаря тому, что то, что отделено от человека, тройственно разделено, человек будет в состоянии вносить в каждую из этих областей то, что в своей самостоятельности проявляется в другой области.

Кто будет судить в торговых делах — не одни только советники из культурной области, у которых нет профессиональных знаний, и не одни только профессиональные эксперты?

В основном, на многое из этого вопроса уже отвечено тем, что я только что сказал. Посредством формирования нашей духовной жизни человек будет подготовлен так, чтобы быть настоящим советником, настоящим купцом и тому подобным. Дело не в том, что именно в трехчленном социальном организме с самостоятельной духовной жизнью так будут учить, а в том, что благодаря тому, как, каким образом духовная жизнь ставит свои собственные условия, человек придет к известной жизненной практике и сможет формировать ее. Совсем не нужно иметь надлежащее суждение в каждой области. Это именно то, чего не может быть и на что не следует рассчитывать. О том, чтобы в торговом суде сидел подходящий человек, должно, конечно, заботиться духовное управление, потому что в духовном управлении будут сидеть и те люди, которые понимают кое-что в торговых законах. Знание не будет, как сегодня, централизовано по профессиям, но благодаря тому, кем являются друг для друга люди в корпорациях духовной организации, и будет возможно соответствующим образом составить такой суд, составить его надлежащим образом, а не из какой-нибудь хозяйственной потребности и тому подобного. [Б.В. - слово "духовный" здесь и в других местах этого цикла употребляется как взаимозаменяемое со словом "культурный".]

Как можно правильно установить потребности человека или правильную оценку произведенного им изделия, если потребности человека в товарах столь различны?

Как раз потому, что они различны, должны быть созданы реальные установления, реальные институты, направленные на то, чтобы существовали люди, изучающие эти потребности,

познающие эти потребности. Такие вещи не висят в воздухе, они могут быть поставлены на совершенно реальную почву. Я мог бы привести вам маленький пример. Существует одно общество, есть даже его подписи под плакатами: Антропософское Общество. Наряду с тем, что ему приписывают многие люди, оно занимается вполне практическими делами, которые, хотя и в малом, лежат совершенно в русле того, что я здесь разъяснял о социальном вопросе. Так, в Антропософском Обществе был человек, который мог производить хлеб. Поскольку как раз существовала корпорация людей, которые, естественно, являются также потребителями хлеба, корпорация атропософов, можно было создать ассоциацию между этим человеком как производителем хлеба и этими потребителями; это значит, что он мог в своем производстве соразмеряться с потребностями потребления, так что потребности известны, и производство может быть организовано соответственно наличным потребностям. Это будет делать не рынок, который формирует целое случайно, анархически, но это может происходить, только если есть механизмы, посредством которых люди, действительно изучающие потребности, направляют производство по потребностям, регулируя его с ассоциациями. [Б.В. - Одна из практических реализаций этого принципа, которая мне встречалась, была связана с биодинамической фермой, где фермер заключал договор с потребителями на год о примерном объеме и ассортименте продукции. Недавно - 2004 - было объявлено, что антропософски ориентированная фирма Weleda также будет использовать этот принцип.]

Это установление потребностей социалистические мыслители хотели бы сегодня делать по статистике Это невозможно. Живая жизнь никогда не может формироваться по статистике, а только по непосредственному человеческому наблюдению. Следовательно, в хозяйственном организме для социальных условий на определенные должности должны быть поставлены люди, предназначенные для познания потребностей в распределении продукции. Как раз потому, что потребности различны, дело заключается в том, чтобы не вызывать тиранию потребностей, которая наверняка возникла бы на основе сегодняшней социал-демократической программы, а чтобы из живых потребностей узнать, как следует их удовлетворять. Само собой разумеется, что известные потребности не смогут тогда быть удовлетворены, это покажет и практика как таковая. Решение не должно приниматься из какой-нибудь догмы, оттого, что кто-нибудь думает, что то или иное не является настоящей человеческой потребностью. Но если некоторое число людей имеет потребности, взывающие о товарах, для изготовления которых должны быть использованы люди — это получится в живой хозяйственной жизни, поставленной на собственные ноги — некоторые товары, в которых отдельные люди имеют потребность, все же не смогут изготавливаться. Дело как раз в том, чтобы постигать, смогут ли действительно потребности быть приняты во внимание без пренебрежения и без вреда для человеческих сил.

Как д-р Штайнер мыслит себе практическое осуществление трехчленности? Возможно ли воздействовать через Бундесрат? Или же после

достаточного распространения этих мыслей должен состояться референдум? Или же придется выжидать, пока революция и гражданская война низвергнут современный порядок?

Прежде всего дело все же в том, чтобы всерьез признать, что здесь должен быть приложен новый метод, по крайней мере по сравнению с методами, которых обычно придерживались. Дело в том, чтобы к целям стремились не так, как при старых парламентах, но чтобы из самого дела, из тенденций современной жизни схватывали, чего собственно, требуют люди в своем подсознании, если даже им это не ясно. И если можно будет понять, в чем здесь дело, тогда будет некоторое количество людей, имеющих понимание того, что должно происходить. А если будет некоторое число людей, имеющих понимание, что должно происходить, тогда, я полагаю, пути найдутся. В своих "Основных пунктах социального вопроса" я как раз объяснял, что в любой жизненной точке этой трехчленности можно начинать, если только действительно понимают ее смысл.

Что не имеется в виду вводить трехчленность путем какой-нибудь революции, это основано также на историческом рассмотрении. При этом я должен сказать, на Западе имели место изменения в духовной области — взять хотя бы христианство — имели место изменения в политической области. Но уже в политической области изменения сопровождались определенными явлениями. Сегодня люди думают о хозяйственных революциях — обо всем этом мы еще должны будем говорить в пятом докладе, вообще в следующих докладах — но судьба всех таких революций будет такой же, какова, совершенно определено, будет судьба революции европейского Востока: приносить лишь разрушение, не созидание. Это принесла венгерская революция, а особенно немецкая революция 9-го ноября 1918 года, полностью мелеющая, потому что сегодня ясно обнаруживается, что сегодня дело не в том, чтобы вносить какие-нибудь мощные перевороты, но чтобы иметь идеи, посредством которых будут вводиться нормальные, сносные условия.

Когда достаточно большое число людей признает подобное, тогда возникают пути. Ибо идея о трехчленности социального организма не есть только цель, но она сама именно есть средство. И дело в том, чтобы не становиться на ту почву, на которой стоят столь многие люди. Я, например, испытывал в некоторых областях, что люди читали и мою книгу "Основные пункты социального вопроса". Они находили допустимым изложенное там. Но радикально левые находили: "Да, эта трехчленность очень хороша, но ей должна предшествовать революция, диктатура пролетариата, тогда мы ухватимся за трехчленность", — и это говорится поистине благожелательно, — "теперь же мы будем сражаться с ней как на ножах!" Это выступает передо мной часто. Эти вещи основаны, собственно, целиком на ложном мышлении: что можно что-нибудь сделать прежде, чем создано понимание.

Особенно характерен один маленький эпизод: я говорил об этих вещах в одном городке в Южной Германии. Там выступил один коммунист. Он, собственно, был очень милым человеком.

Но в ходе своего доклада он сказал своим слушателям приблизительно следующее — в своем высшем сознании он был совсем скромным человеком, а в подсознании гораздо менее скромным: видите ли, я сапожник, я очень хорошо знаю, что раз я сапожник, то в будущем социальном обществе я не в состоянии стать чиновником, для этого нужно быть образованным. — Но прежде этот человек развил во всех подробностях свой план о социальном порядке, из которого вытекало, что он чувствовал себя призванным стать министром будущего государства — чиновником нет, но министром вполне!

Я мог бы доказать вам и многими другими примерами, что господствует такой образ мыслей. Но дело именно в том, чтобы сначала действительно было понимание того, в чем суть трехчленности. Тогда найдутся пути. И надо надеяться, что это понимание сможет произойти, пока не будет слишком поздно. Если бы только сегодняшних людей можно было немного встряхнуть к пониманию того, что необходимо. Тогда бы, собственно, и не спрашивали, возможно ли это через государственный совет, референдум и тому подобное, но знали бы: если только будет достаточно много людей, будет и дело — если достаточно много людей его понимает. Это, в сущности, то, что как раз является тайной общества, стремящегося к демократии: что дело осуществляется, если оно действительно находит внутреннее понимание.

Далее был вопрос:

Не является ли принцип уголовного права пережитком?

И:

Оправдана ли идея наказания в сравнении с идеей педагогического улучшения?

Действительно, идея наказания является одной из самых трудных и на этот вопрос в ходе истории давались всевозможные ответы. На почве, на которой стоит идея трехчленности социального организма, также возникают определенные следствия, которые на другой почве не возникают. Все единичное, происходящее внутри социального организма, является, в основном, все же следствием социального порядка в целом: как каждый кусок хлеба, который я могу заработать, со своей ценой есть следствие социального порядка, так и побуждения при наказании обоснованы всей структурой социального организма. И в том обстоятельстве, что наказания необходимы, как раз обнаруживается, что во всем социальном организме есть нечто такое, чего, собственно, в нем не должно быть. Если не то что стоят на точке зрения трехчленного социального организма как такового, а вообще развивают практическое мировоззрение из таких импульсов, из которых возникает идея о трехчленном социальном организме, тогда получается, собственно, воззрение, относительно наказания и его приведения в исполнение приходящее к иному пониманию, необходимость наказания будет возникать значительно реже, если такие вещи, какие требовались в сегодняшнем докладе, социально действительны. Уголовное право, которое, собственно, как тень, сопровождает антисоциальные состояния, сможет быть редуцировано к минимуму. Поэтому, когда такой переворот действительно произойдет, вопросы, которые сегодня всплывают относительно

уголовного права, является ли оно пережитком, и тому подобное, будут поставлены на совершенно новую почву. Я хотел бы сказать: если человек нездоров, то он делает одно, если здоров, то другое. Так же и здесь. Необходимость наказывать свидетельствует об известных болезненных симптомах во всем социальном организме. Если стремятся сделать социальный организм здоровым, то понятия о наказании, уголовном праве, приведении наказания в исполнение смогут быть поставлены на совершенно иную почву. Следовательно, ответ на то, каковы будут тогда частности, как, например, уголовное право, или осуществление наказания, нужно искать в социальном преобразовании в целом. [Б.В. - вышесказанное не следует понимать в смысле попыток снять с человека индивидуальную ответственность за преступление, представляя это преступление результатом временного помешательства или негативного внешнего окружения; в другом месте Р. Штайнер высказывался против этого совершенно отчетливо. Поскольку речь идет о наказании, возможно уместным будет также привести слова Л. Толстого: "Когда наступит новый, разумный, более разумный склад общественной жизни, люди будут удивляться тому, что принуждение работать считалось злом, а праздность - благом. Тогда, если бы тогда было наказание, лишение работы было бы наказанием."]

Способен ли каждый человек, определять продолжительность рабочего дня для определенной отрасли производства?

Да, быть способным решать такие вопросы вместе с другими людьми, это нечто иное, нежели следовать произволу отдельного человека. Если вы прочтете мои "Основные пункты социального вопроса" — а к трудовому праву я еще вернусь в этих докладах, — то вы увидите, что в трехчленном социальном организме регулирование рода работы, времени работы должно стать делом общественного права, что, следовательно, то, о чем здесь спрашивается, должно регулироваться как раз на демократической почве. Следовательно, здесь речь идет о том, чтобы такой вопрос был урегулирован каждым человеком вместе со всеми другими людьми социального организма. Человек способен к тому, чтобы вместе с другими взяться за урегулирование такого вопроса. Следовательно, неправомерно спрашивать, способен ли каждый человек определять продолжительность рабочего дня для определенной отрасли производства? — Это совершенно определено не принадлежит каждому человеку, его произволу; но это находится в пределах возможностей общественного суждения путем демократического регулирования и демократического большинства на такой правовой почве, как я сегодня описал. [Б.В. - насколько я понимаю, здесь речь идет именно о праве, а не об обязанности работника; т.е., если взять другой пример, работник имеет право на ежегодный отпуск, но он не обязан его брать каждый год.]

Не должны ли мы сначала очистить душевное в человеке, прежде чем идти на серьезное выступление в этом государстве?

Что же, многое из того, что здесь имеют в виду, будет как раз

предметом следующего доклада. Но, видите ли, идея трехчленности социального организма - это практическая идея. Поэтому она рассматривает все вещи с соответствующей действительности точки зрения. Сегодня многие говорят просто: вот у нас есть социальный вопрос, следовательно, он должен быть решен, следовательно, нужно поразмыслить о программе, посредством которой будет решен социальный вопрос; сегодня у нас есть нежелательные социальные условия; мы найдем решение социального вопроса, тогда завтра возникнут социальные условия, которые желательны. — Но дело обстоит не так. В том развитии человечества, которое я сегодня описал, социальный вопрос возникает из известных душевных настроений, телесных условий и их следствий для социальной жизни. Социальный вопрос существует, и его нельзя решить теоретически, нельзя дать законы, посредством которых он будет решен. Он есть и останется. Он будет всегда. Каждый день он будет возникать заново. Поэтому также всегда должны быть механизмы, посредством которых он каждый день будет решаться заново. Следовательно, дело не в том, чтобы так аккуратно разделить предмет: сначала сделаем человеческие души пригодными, затем введем социально желательные условия. - Нет, дело в том, чтобы признать социальный вопрос, чтобы попытаться в реальности осуществить нечто такое, как, например, самостоятельную правовую основу или самостоятельную духовную основу, посредством которых социальный вопрос постоянно может решаться.

В своей книге "Основные пункты социального вопроса" я предупреждал против того, чтобы рассматривать сходство между отдельным человеческим организмом и социальным организмом в отношении трехчленности как праздную игру в аналогии, наподобие Мерея или более старого Шэффле. Но, как я объяснил в своей книге "О загадках души", истинное рассмотрение природы приходит к тому, чтобы рассматривать человеческий организм как совместное действие трех самостоятельных членов. Этого требует мышление, и такой способ рассмотрения может быть благотворно применен также к социальному организму, но не путем переноса, а как раз путем непредвзятого рассмотрения как социального, так и природного организма. Есть многое, чему можно научиться на одном и на другом.

Не правда ли, люди хотели бы, чтобы в социальном организме содержались механизмы, которые поддерживали бы все в идеальном состоянии. Никогда не спрашивают, возможно ли это. Люди хотели бы основать хозяйственную жизнь, в которой были бы установления, благодаря которым никогда не могли бы возникнуть повреждения. Не думают о том, что так может быть только в абстракциях, а не в жизни! В человеке, в природном организме существует, например, такая организация, что мы вдыхаем кислород; он преобразуется в углекислый газ. Известные органы приводят кислород в связь с другими веществами, так что осуществляются определенные функции человеческого организма. В организме возникают нарушения. Им нужно позволить возникать, но их последствия нужно обезвредить. В этом сущность живого. Те, кто говорят: у нас есть хозяйственный организм, сформируем его так, чтобы

он функционировал сам собой; затем наряду с ним нам нужен правовой или духовный организм — они говорят точно также, как те, кто заявляют: было бы все же гораздо лучше со стороны творца или природных сил, если бы в жизни нужно было бы есть только один раз, а затем человеческий организм не нуждался бы в новой пище. — Когда речь идет о живом, то все дело в нисхождении и восхождении процессов. Хозяйственная жизнь, которая устроена хозяйственно правильно, дает нарушениям возникать именно благодаря своей силе; и в возникновении, в стадии рождения, нужно одновременно снимать эти нарушения. Это можно сделать не посредством самого хозяйственного организма, а лишь посредством рядом стоящего духовного или правового организма. Они должны существовать, чтобы снимать нарушения хозяйственного организма в процессе возникновения. В том и состоит особенность живого, что в нем вещи находятся в подвижной взаимосвязи.

Такое рассмотрение, правда, гораздо менее удобно, но оно таково, что считается с действительностью, что не хочет реформировать хозяйственный организм так, чтобы он упразднял сам себя, сам себя разрушал. Легко говорить: вот эти и те нарушения возникают из-за современного способа производства, значит, ликвидируйте его, установите другой. — Дело не в том, чтобы просто требовать чего-нибудь, а чтобы изучить возможности жизненно сохраняющегося. И одна из возможностей заключается в том, чтобы в одном этом члене, с одной стороны, вызывать определенные вещи, которые, будучи односторонним процессом в этой системе органов, вели бы к смерти соответствующего организма. Другие члены организма противодействуют, и уже в стадии возникновения осуществляется корректировка. Так три члена должны взаимно исправлять друг друга. Так это мыслится в соответствии с действительностью. И кто сегодня хочет заниматься социальным вопросом, тот должен привыкнуть к соответствующему действительности мышлению. Мы попадаем в ужаснейшие условия, когда везде появляется вывихнутое, искаженное мышление, не имеющее ничего общего с действительностью, делающее программы из человеческих страстей и эмоций. Соответствующее действительности мышление, однако, будет создавать действительность. Поэтому дело прежде всего в том, чтобы достигнуть соответствующего действительности мышления.

**Четвертый доклад
Цюрих. 28 октября 1919 г.**

Духовные вопросы. Духовная наука (Искусство. Наука, религия). Воспитание- социальное искусство.

Если обозреть историю последних лет и спросить себя, как в этой истории выглядят вопросы и требования социальной природы, которые были поставлены более полувека назад, то придется дать следующий ответ: в обширных областях цивилизованного мира личностям, которые десятилетиями были по-своему преданы рассмотрению социальных вопросов, была предоставлена возможность в их духе позитивно работать над новым формированием социальных отношений, и одно из чрезвычайно характерных явлений заключается в том, что все теории, все воззрения, которые более чем полувека с разных сторон представлялись социалистическими, показывали себя бессильными относительно действительного построения нового формирования современных отношений. В последние годы многое терпело провал, мало что создавалось для проницательных, вероятно, должно даже быть сказано, что совсем ничего. Не должен ли тогда в человеческой душе подняться вопрос: в чем, собственно, основа этого бессилия развитых воззрений относительно позитивной работы?

Я позволил себе дать кратким ответ на этот вопрос — и могу сегодня сослаться на это — в момент, предшествующий великой катастрофе мировой войны: весной 1914 года, в небольшом цикле докладов, который я тогда прочел в Вене перед маленькой общиной — большая, вероятно, высмеяла бы сказанное мною тогда. Вопреки всему тому, что принимают так называемые практики жизни, я позволил себе тогда сказать, что в наших социальных отношениях во всем цивилизованном мире живет нечто такое, что показывается точному наблюдателю внутренней жизни человечества как социальная язва, как социальная болезнь, как род ракового образования, извержение которого в ближайшее время должно будет ужасным образом произойти в цивилизованном мире. Те, кто тогда говорили об ослаблении политической напряженности по тому подобном — они были практическими государственными деятелями — могли рассматривать это как пессимизм идеалиста. Но это было высказано из тех убеждений, которых можно достигнуть при духовнонаучном рассмотрении человеческого развития, при таком духовнонаучном рассмотрении, какое я хочу охарактеризовать сегодня вечером.

Этому духовному рассмотрению посвящено в северо-западном углу Швейцарии дорнахское здание, Гетеанум. Это здание должно быть внешним представителем того духовнонаучного движения, о котором здесь идет речь. Сегодня вы можете слышать и читать разное о том, чего стремятся достигнуть дорнахским зданием, что подразумевают под движением, представителем которого должно быть это здание. И в большинстве случаев можно сказать: верно противоположное тому, что большей частью сегодня болтают об этих вещах. Всевозможное таинственное, всевозможную фальшивую, бессмысленную мистику, всевозможную чепуху ищут в том, к чему стремятся в этом движении и его представительстве дорнахским зданием. Относительно этого течения духовной жизни сегодня еще господствует недоразумение за недоразумением. В действительности это духовное течение стремится сознательным образом обновить

всю нашу цивилизованную жизнь, как она сформирована человечеством в искусстве, религии, науке и так далее, и как она для проницательных поистине нуждается в обновлении в самых своих основах.

И это духовное течение ведет к убеждению, на которое я уже указал в предыдущих докладах данного цикла: что по отношению к социальному движению пока еще ничего не сделано размышлением о том или ином обновлении, но что из глубочайших основ человеческого развития требуется преобразование самого представления, мышления, наивнутреннейшего душевного состояния человечества. И к такому преобразованию стремится подразумеваемая здесь духовная наука. И она должна иметь в виду, что так как социальные воззрения, о которых я говорил, больше не вырастают из современного развития человечества и происходящих из сегодняшней жизни способов представления, они, будучи поставлены перед новым построением, новым формированием, так явно терпят крушение.

В чем мы нуждаемся, так это в понимании. Чего, собственно, хотят подсознательные, еще не проникшие в сознательное мышление стремления и требования сегодняшнего человечества? Чего хотят они прежде всего от искусства, от науки, от религии, от воспитания?

Посмотрим, например, на то, что в новое время сформировалось как искусство. Давая небольшую характеристику того, что сформировалось как искусство, я очень хорошо знаю, что у многих я должен буду возбудить недовольство, что многими это будет воспринято как полное непонимание течений всего искусства.

Если отвлечься от немногих очень достойных признаков попыток последних лет, то главная характеристика нового развития искусства такова, что оно потеряло собственный внутренний импульс к тому, чтобы создать что-нибудь, что человечество ощущало бы как непосредственную потребность. Все больше и больше всплывает мнение, что, мол, по отношению к произведению искусства следует спрашивать лишь, насколько в нем живет дух, чувство внешней действительности, насколько им воспроизводится внешняя природа или внешняя человеческая жизнь. Но нужно просто спросить себя: какое значение имеет подобное мнение по сравнению, скажем, с картиной Рафаэля или работой Леонардо? — Не видим ли мы там, что отношение к непосредственной внешней действительности вовсе не является определяющим, что определяющим является творчество из чего-то, стоящего далеко от внешней непосредственной действительности?

Какие миры просвечивают нам, когда мы видим теперь уже едва различимую картину в Милане, «Тайную вечерю» Леонардо да Винчи, или когда мы стоим перед образом Рафаэля! Не является ли в конце концов совершенно второстепенным, насколько эти художники затрагивали тот или иной из законов природного бытия? Не является ли у них главным то, что они говорят нам нечто о мире, который мы не видим, если просто смотрим глазами, если просто воспринимаем внешними чувствами? И не всплывает ли все

больше и больше, что единственным критерием для произведения искусства или для художественного вообще, какой ощущает современный человек, становится: правильна ли, собственно, вещь — и правильность подразумевается в обыденном натуралистическом смысле. Спросим себя, насколько по-ботокудски это ни звучало бы сегодня для известных художественных воззрений; что такое искусство в жизни, то есть и в социальной жизни, что такое искусство, которое не хочет ничего иного, как только воспроизводить кусок действительности?

В то же самое время, когда возник современный капитализм, возникла современная техника, в художественной области развилось прежде всего изображение ландшафта. Я, разумеется, знаю и художественное оправдание ландшафта. Но вполне закономерен и другой вопрос: я стою перед столь художественно законченным ландшафтом; может ли он каким-нибудь образом достигнуть того, что я имею перед собой, когда стою на горном склоне и вижу ландшафт как саму природу? — Именно появление ландшафта показывает, насколько искусство, которое не может творить из чего-нибудь духовного, сверхчувственного, находит себе прибежище в простом подражании природному, которого оно, однако, не может достигнуть.

Чем становится искусство, живущее только такими импульсами?

Такое искусство не становится чем-то произрастающим из жизни как цветок; оно становится рядом с жизнью как роскошь, как что-то такое, чего может желать только тот, кто со своими заботами не стоит полностью в жизни. И не понятно ли, что те люди, которые с утра до вечера всецело заняты непосредственными жизненными заботами, которые не могут получить специального художественного образования, чувствуют себя отделенными от этого искусства пропастью? И хотя сегодня это не отваживаются высказывать, потому что ощущают это обывательским, но это выражается в социальной жизни; широкие круги взирают на это искусство и бессознательно ощущают его как жизненную роскошь, как нечто, не относящееся ко всякой человеческой жизни, но в действительности оно необходимо для каждого достойного человека существования, потому что только оно придает полноту содержания человеческому бытию.

Натуралистическое искусство всегда будет в известном смысле искусством роскоши для тех людей, которые имеют возможность стоять вне жизненных забот и сначала получать особенное образование для этого искусства. Я ощутил это, когда был несколько лет учителем в рабочей образовательной школе и нашел возможность говорить непосредственно душам из народа так, чтобы быть понятым, понятым относительно всего того, что называющие себя «вождями народа» вливают к гибели этого народа как социалистическую теорию. Я узнал — прости же это личное замечание — что значит непосредственно из общечеловеческого преподнести простым душам ту или иную науку. Но из какого-то неопределенного стремления познавать также и то, что производит новое искусство, у моих слушателей затем возникло требование,

чтобы по воскресеньям я их водил по музеям и тому подобному. И, посмотрите: можно было, конечно, объяснить людям то, что им нужно было понять, ибо они также стремились стать образованными; но было совершенно явно: оно не так действовало на эти души, как то, что говорилось этим простым людям из общечеловеческого. Образовательной ложью мог восприниматься рассказ этим людям о том, что сложилось в новом натурализме как искусство роскоши, далекое от действительной жизни. Это с одной стороны.

И разве мы не видим, как с другой стороны искусство потеряло связь с жизнью? И здесь опять-таки не в последние десятилетия всплыло очень похвальное стремление, но недостаточно решительно. Здесь всплыли устремления в области художественного ремесла. Увидели, что наше повседневное окружение стало лишенным искусства. Искусство кажущегося прогресса. Все, что окружает нас в домах, с чем мы ежедневно сталкиваемся в своих предметах обихода, это стало настолько нехудожественным, насколько вообще возможно. Практическая жизнь не могла быть поднята до художественной формы, потому что искусство само отделило себя от жизни. Искусство, которое лишь подражает природе, не сумеет найти возможность сформировать столы, стулья и другие предметы обихода так, чтобы, соприкасаясь с ними, можно было иметь впечатление художественного, потому что эти предметы должны подниматься над природой, как сама человеческая жизнь поднимается над природной жизнью. Если искусство хочет просто подражать, то оно спотыкается перед формированием практической жизни, которая как раз потому становится настолько прозаически трезвой и сухой, что мы не в состоянии формировать ее так, чтобы в повседневной жизни быть непосредственно окруженными художественным. Подобное можно характеризовать еще дальше. Я хочу лишь указать направление, которое теперь совершенно отчетливо приняло наше художественное развитие.

И подобным же образом мы двигались в других сферах современной цивилизации. Разве мы не видели, что наука все больше и больше отходит от того, чтобы быть провозвестницей чего-то, лежащего в основе чувственной жизни? Нет ничего необычного в том, что искусство не нашло выхода из чувственного бытия, если сама наука потеряла этот путь! Наука все больше и больше приходила к тому, чтобы просто регистрировать внешние чувственные факты или самое большее сопоставлять их в законах природы. На всю научную деятельность нового времени все больше распространяется отчетливо выраженный интеллектуализм, и среди ученых господствует ужасный страх перед тем, чтобы в своих исследованиях не просто предаваться этому интеллектуализму, а внести нечто от фантазии, от художественной интуиции. Почитайте или послушайте тех, кто высказывается в этом направлении как ученый, какой ужасный страх они имеют перед тем, чтобы в науку не вошло что-либо, кроме трезвого сухого рассудка и чувственного исследования. Во всей, говорят эти люди, деятельности, которая не держится за чистые понятия, человек не имеет достаточной дистанции от действительности, чтобы правильно судить о ней. И

сегодняшний ученый старается целиком и полностью регулировать свою деятельность лишь ин⁰⁰_{1F}теллектом, потому что он надеется таким образом быть достаточно удаленным от действительности, чтобы объективно, как он говорит, судить о ней. Здесь, пожалуй, можно было бы поставить вопрос: не стараются ли посредством интеллектуализма уйти от действительности так далеко, чтобы вообще ее больше не переживать? И этот интеллектуализм есть прежде всего то, что делает для нас возможным овладеть действительностью с помощью нашей науки.

И относительно религиозной жизни: с каким недоверием, с какой отрицательной критикой со стороны религиозных общин принимается всякая попытка проникнуть к духу, которая предпринимается в духовнонаучной области! И на каком основании? Правда, люди сегодня совсем не заглядывают в основания. Из наших официальных центров мы получаем науку, которая хочет держаться просто внешнего чувственного мира, и мы слышим, что этими центрами, якобы объективно, оправдывается, что только благодаря этому может возникать строгая, истинная наука. Для знающего историческое развитие человечества дело обстоит не так. Для него дело скорее выглядит так, что в ходе нового времени, собственно, на⁰⁰_{1F}чиная уже с последних столетий, религиозные общины все больше захватывали монополию развигать воззрения о духе и душе и допускать лишь те воззрения, которые признаны ими. И под влиянием этих притязаний на моно⁰⁰_{1F}полию науки прекратили заниматься чем-нибудь, кроме внешне чувственного. Они пытались проникнуть в духов⁰⁰_{1F}ную область самое большее с некоторыми абстрактными понятиями. Они считали, что делают это ради объектив⁰⁰_{1F}ности науки и не догадывались, что делают это под влия⁰⁰_{1F}нием монополии на знания, на познания о духе и душе со стороны религиозного исповедания. Что столетиями наукам запрещалось, то сегодня науки объявляют необ⁰⁰_{1F}ходимостью для своей точности, для своей объективнос⁰⁰_{1F}ти. И поскольку религиозные общины не двигали вперед понимание духовного, понимание душевного мира, а со⁰⁰_{1F}храняли старые традиции, стало так, что в исследовании новых представлений, новых путей к душе и духу видят врага религиозного, тогда как в нем нужно видеть как раз лучшего друга религиозного.

<p>Мы должны будем прежде всего говорить об этих Трех областях. Ибо задачей антропософски ориентиро⁰⁰_{1F}ванной духовной науки является работать в этих трех областях над новым созиданием. Для того, чтобы это объяснить, я должен в нескольких словах указать на собственный нерв этой духовной науки. Эта духовная наука исходит из совсем других предпосылок, чем сегодняшняя общепринятая наука. Она полностью признает естественно научные методы. Она также полностью признает триумфы новой естественной науки. Но как раз потому, что она думает, что лучше понимает естественнонаучное исследование, чем сам естествоиспытатель, она должна прокладывать иные пути для познания духа и души, чем те, которые сегодня еще рассматриваются широкими кругами как единственно</p>

правильные. И поскольку любое исследование о духе и душе встречается со столь большими предрассудками, большие заблуждения и недоразумения распространяются о том, что, собственно, имеет в виду дорнахское движение.

Что оно поистине не имеет в виду ничего ложно мистического, ничего темного, это можно видеть из того, что я еще в начале девяностых годов пытался сделать исходным пунктом духовнонаучного движения, о котором здесь идет речь и которое как раз представляет дорнахское здание. Тогда, в начале девяностых годов, я подытожил то, что считал наиболее необходимым для социального движения современности, в своей Философии свободы. Кто читал эту «Философию свободы», тот вряд ли обвинит подразумеваемую здесь духовную науку в какой-нибудь ложной мистике. Однако он узнает также, какая дистанция существует между данным там пониманием человеческой свободы и тем, что в остальном выступает сегодня из нашей новой цивилизации как импульс, как идея свободы навстречу человеку.

Как пример этого последнего, я хотел бы привести идею Вудро Вильсона, примечательную идею, но как раз характерную для цивилизации нашего времени. Вудро Вильсон из честной сердечной основы требует свободы для политической жизни современности. Но что он представляет себе как свободу? Можно узнать, что он подразумевает под свободой, читая у него такие слова: корабль, говорит он, движется свободно, когда он приспособлен ко всем силам, которые получаются из направления волн, ветра и так далее, когда он в своей конструкции точно приспособлен к своему окружению, так что из-за сил, идущих от ветра и волн, нигде не может возникнуть помеха поступательному движению корабля. Также должно и человеческое существо свободно идти через жизнь, быть приспособленным к тому, что как силы выступает из жизни, чтобы нигде не было помех. — Вудро Вильсон сравнивает также свободную жизнь человеческого существа с частью машины, говоря: о какой-нибудь детали, встроенной в машину, утверждают, что она может свободно двигаться, когда она ни на что не натывается, когда стальная машина сконструирована так, что эта деталь внутри движется свободно.

Я должен сказать только одно: что говорить о свободе человеческого существа можно, лишь когда под ней подразумевается полная противоположность такому приспособлению к окружению, что нельзя говорить о свободе человека, когда ее проявления лишь таковы, как в море у корабля, наилучшим образом приспособленного к ветрам и силам волн, и можно говорить лишь тогда, когда его можно сравнить с кораблем, который способен повернуться и стать против ветра и волн, не считаясь с силами, к которым он приспособлен. Это значит: в основу вильсоновского воззрения на свободу положено вполне механическое понимание мира, которое в настоящее время считают единственно возможным и которое возникло из взошедшего в новое время интеллектуализма.

Таким воззрениям я должен был противостоять в своей «Философии свободы». Я очень хорошо знаю — простите мне личное замечание — что эта книга имеет также известным

образом шелуху гнезда, из которого она произошла. Она, разумеется, произошла из европейского философского мировоззрения. Она должна была объясняться понятиями, которые употреблялись в этом мировоззрении. Поэтому эта книга некоторым может показаться школьной, однако она задумана поистине не как школьная. Она задумана так, чтобы то, что в ней указано как импульсы, могло стать составной частью непосредственной практической жизни, чтобы то, что может вливаться в человеческую волю посредством развитых там идей, могло войти в непосредственную социальную жизнь человека.

Для этого я должен был, конечно, поставить вопрос о человеческой свободе совершенно иначе, чем его принято ставить. Куда бы вы ни посмотрели, всюду на протяжении столетий развития человечества вопрос о свободе человеческой воли и человеческого существа ставился так, что спрашивали себя: свободно или несвободно человеческое существо? — Я должен был показать, что так поставленный вопрос поставлен неправильно, что он должен быть поставлен на совершенно иную основу.

Рассмотрите то, что из-за современного естественнонаучного мировоззрения, из-за современного человеческого сознания человек считает своим существом, что также человек должен считать своим природным существом — это никогда не может быть существом свободным. Оно должно действовать по внутренней необходимости. Если бы человек был лишь тем, чем его считает современное естествознание, то то, что он считает своей свободой, было бы тем, чем считает свободу Вудро Вильсон. Но эта свобода не была бы никакой свободой, а лишь, необходимым следствием естественных причин.

Но о другом, в связи с чем только и начинается вопрос о свободе в человеческом существе, современное человеческое сознание думает немного. Это современное человеческое сознание говорит лишь о том, что лежит в основе человека как природное, как существо, зависящее просто от природной причинности. И тот, кто проникает глубже, должен сказать: в ходе своей жизни человек может стать больше, чем то, чем он рожден благодаря природе. — Что такое человек, узнают только в тот момент, когда имеют эту последнюю цель, когда говорят себе: одно в человеческом существе это то, к чему человек рожден, что в нем унаследованное; другое же то, что не заложено в его телесном существе, что человек может из себя сделать, пробудив дремлющего в нем человека. Поскольку это так, я не ставил вопроса: свободен ли человек или несвободен? — а поставил вопрос: может ли человек посредством своего внутреннего развития стать свободным существом или нет? — И он может стать свободным существом, если разовьет в себе то, что в нем дремлет, что может быть пробуждено и стать свободным. Это значит, что свобода не принадлежит человеку от природы. Свобода принадлежит тому в человеке, что он может и должен сначала пробудить в себе.

Но чтобы то, что в моей «Философии свободы» было изложено больше в отношении социальной жизни, стало вполне ясным для широкого круга людей, для этого на основе такой

философии нужно построить то, что я называю антропософски ориентированной наукой. Тогда должно быть показано, как, беря в руки собственное развитие, человек действительно может пробудить в себе дремлющее существо. Именно это я пытался сделать в своей книге «Как достигнуть познаний высших миров?» и в других книгах, которые я дал духовнонаучной литературе. Там я пытался показать, что человек на самом деле может взять в руки свое собственное развитие и благодаря этому сделать себя чем-то другим, чем он был рожден, подняться до действительного познания душевного, духовного

Конечно, большей частью человечества это воззрение сегодня будет ощущаться как нечто поистине неудачное. Ибо оно предполагает, что человек пробивается к определенной интеллектуальной скромности. Этому сегодня хотят очень немногие. Интеллектуальную скромность, к которой человек должен сегодня пробиться, я хотел бы охарактеризовать следующим образом.

Мы можем дать в руки пятилетнему ребенку том лирических стихотворений Гете. Совершенно определенно он будет обращаться с этим томом стихотворений не так, как следует, он его разорвет или сделает еще что-нибудь. Во всяком случае, стоя или сидя перед этим томом гетевской лирики, он не знает, что это такое. Но, возможно, через десять, двенадцать лет, получив развитие и образование, он будет смотреть на этот том гетевской лирики иным образом. А при взгляде со стороны в конце концов большой разницы нет: в пять лет ребенок сидит перед томом лирических стихотворений Гете и в двенадцать или четырнадцать лет он сидит перед ним. Во внешнем разнице мало. Но во внутреннем ребенка есть разница. Примерно так, как ребенок перед томом гетевской лирики, должен был бы чувствовать себя человек, серьезно относящийся к душе и духу, по отношению к природе, к космосу, к миру вообще. Он должен был бы сказать себе: мне нужно сначала способствовать развитию своего внутреннего для того, чтобы научиться читать в природе и мире, как должен сначала развиваться ребенок, чтобы понять, что содержится в лирическом томе Гете.

В интеллектуальной скромности мы должны сначала сознаться себе, что не можем презирать мир тем, с чем мы рождены, а затем допустить, что могут существовать пути для саморазвития, для развития сил внутреннего человека, который тогда окажется в состоянии в том, что иначе дано лишь чувствам, увидеть духовное и душевное. И названные книги должны показать, что это на практике возможно. Это должно быть показано сегодня, потому что интеллектуализм, который в ходе последних столетий возник в развитии человечества, не в состоянии больше справляться с жизнью. Он в состоянии проникать в одну область, в область безжизненной природы, но должен спотыкаться о самую человеческую действительность, особенно о социальную действительность.

А то, что я только что обозначил как интеллектуальную скромность, это должно будет лежать в основе каждого действительно современного понимания импульса человеческой свободы. Но это должно будет лежать также и в

основе действительного понимания необходимого преобразования искусства, религии и науки. Чисто интеллектуальная жизнь ясно, слишком ясно показала, что она не может прийти ни к какому познанию, которое действительно видело бы духовное, действительно проникало бы в душевное. Как я уже указывал, она ограничивается внешним чувственным миром и его комбинациями, его систематизацией. Поэтому она и не может противиться монополии религиозных общин, которые, конечно, не поднимаются к новому познанию духовного и душевного, а вместо того несвоевременно вносят старое воззрение в новое время.

Но одно должно быть преодолено: это боязнь, которую я как раз перед этим охарактеризовал, боязнь слишком сильно вникать в вещи, если нужно познавать духовным образом. Исповедовать интеллектуализм потому находят столь удобным, что, занимаясь просто естественной наукой с абстрактными идеями, движутся столь далеко от действительности, удерживают такую дистанцию от нее, что не могут как-либо подвергнуться влиянию этой действительности. Но такое познание, как здесь имеется в виду, которым овладевают, только когда берут в свои руки свое собственное развитие, как раз погружается в действительность, и нужно также дойти до самых глубин существа человека, отходя от простого самовоспитания в рамках интеллектуализма. В рамках простого интеллектуализма приходят лишь к верхним пластам собственной жизни. Когда с таким сознанием, как здесь имеется в виду, спускаются в глубины внутреннего человеческого существа, то встречают не просто мысли, не просто ощущения, нечто, являющееся образом внешнего мира, но встречают события, факты человеческого внутреннего, от которых в ужасе отшатнется просто интеллектуально познающий, по которые однородны с теми, что происходит в природе, в мире. Тогда в своем собственном внутреннем узнают сущность самого мира.

Но его не узнать, если остаться при просто абстрактных понятиях или природных законах. Нужно проникнуть к сплавленности с действительностью. Не следует бояться приблизиться к действительности, но путем внутреннего развития нужно зайти как раз так далеко, чтобы можно было стоять в действительности и тем не менее не быть ею уничтоженным, сожженным, задушенным, чтобы стоя в ней, не иметь дистанцию интеллектуального, но уметь схватывать действительность вещей. В моей книге «Как достигнуть познаний высших миров» содержится описание внутреннего развития человека к духовному познанию, погружения в действительность, такого, что возникают познания, не имеющие дистанции интеллектуального, но зато насыщенные самой действительностью, которые поэтому могут погружаться в эту действительность. И это основная характеристика подразумеваемой здесь духовной науки: что она в состоянии погружаться в действительность, что она не просто говорит о некоем абстрактном духе, а говорит о конкретном духе, который живет в окружении человека так, как живут в его окружении вещи чувственного мира.

Абстрактные рассмотрения, вот результат новой духовной жизни. Возьмите что-нибудь, не являющееся в новой Духовной жизни чисто естественнонаучным, и вы увидите, насколько далеки эти жизненные воззрения от действительной жизни, от действительного познания вещей. Прочтите, например, в каком-нибудь сочинении по психологии что-нибудь о воле :вещи, фигурирующие в сегодняшних психологиях, едва выходят за пределы того, что можно назвать просто смыслом слова. Люди, предающиеся таким рассмотрениям, не имеют в своих идеях силы действительно проникнуть в существо самой природы. Они имеют около себя внешнюю материю потому что не могут проникнуть в нее духом. Позвольте объяснить это на одном примере.

В своей книге «О загадках души», одной из последних моих книг, я показал, как принесенное из старины естественнонаучное воззрение должно преодолеваться современной духовной наукой. Я знаю, насколько парадоксально для многих будет звучать то, что я сейчас скажу, но то, что вырастает из требований к человеческому способу представления, часто кажется чем-то очень парадоксальным по сравнению с тем, что сегодня считают единственно правильным. Каждый естествовик говорит сегодня, что в человеке и животном существует два рода нервов. Одни ведут от органов чувств к центральному органу, это чувствительные нервы, в них производится чувственное возбуждение, когда чувственно воспринимают. Это возбуждение распространяется до нервного центра человека. Затем существует второй сорт, так называемые двигательные нервы. Они идут от центра к человеческим членам. Посредством этих двигательных нервов человек в состоянии двигать своими членами. Они являются волевыми нервами, тогда как другие чувствительными нервами.

И вот в своей книге «О загадках души» я показал, хотя сначала и эскизно, что между чувствительными нервами и так называемыми двигательными нервами нет принципиальной разницы, что так называемые волевые нервы не являются слугами воли. Вещи, посредством которых хотят доказать, что они слуги воли, как, например, печальная болезнь сухотка (Tuberculosis), доказывают прямо противоположное, как легко можно показать: эти так называемые волевые нервы также являются чувствительными нервами, только они воспринимают все, что является в нас самих движением. Они служат для восприятия движений. Напротив, никаких волевых нервов не существует. Воля имеет чисто духовную природу, чисто духовно душевную природу, и нам нужны так называемые волевые нервы потому, что они являются чувствительными нервами для того члена, который должен двигаться, который должен восприниматься, когда его движет воля.

На каком основании я привожу этот пример? Потому что сегодня вы можете видеть, читать, слышать много численные объяснения, в которых говорится о воле. Но развивают идеи, которые не имеют движущей силы, чтобы проникнуть к реальному познанию, чтобы вы видели, где действует воля. Такие познания остаются абстрактными и чуждыми жизни. Рядом с ними естествознание может говорить о том, что

существуют двигательные волевые нервы. Духовная наука развивает идеи о воле, которые показывают также, какую природу имеет телесное человеческой волевой системы. Это значит, что духовная наука проникает в природное явление, в природный факт. Она не остается в чуждой жизни области, и погружается в действительность. Ей достанет мужества не оставлять материальное вне себя, но пронизать материальное духом. Для нее все станет духовным.

Поэтому духовная наука сможет также погрузиться и проникнуть в социальное формирование, и как таковая сможет сотрудничать с действительностью социальной жизни, о которую должно спотыкаться абстрактное интеллектуалистическое естествознание. Таким образом, эта духовная наука снова должна будет говорить о познании духа, о новом пути для проникновения в духовное и душевное мира. У нее достанет мужества сказать: те духовные миры, на которые взирали такие художники как Рафаэль, как Микеланджело, как Леонардо да Винчи, они еще давали образы духовного мира, которые сегодня не могут больше для нас служить мерилем. Мы должны в соответствии с дальнейшим развитием человечества искать новый путь в духовный мир. Но если снова узнают духовный мир не так, как туманный пантеизм, который говорит и говорит о духе, что он должен существовать, о каком-то абстрактном неясном духе, но проникают в действительные явления духовного мира — не через спиритизм, а через развитие человеческих духовных и душевных сил, как они здесь описываются — тогда наступит то, что Гете, который, правда, в этих вещах стоял в начале, но уже предчувствовал их, и новая духовная наука дальше развивает их в его духе — тогда наступит то, что Гете так прекрасно обозначил словами: «Кому природа начинает раскрывать свою тайну, тот ощущает непреодолимое стремление к ее достойнейшему толкователю, искусству».

Тогда художник снова воспримет откровение из духовного мира. Тогда он не будет обманчиво верить, представляя духовное в чувствительном образе, что это абстрактно безвкусная символическая или сухая аллегория, а будет знать о живом духе и сможет выражать этот живой дух чувственными средствами. И наилучшим в произведении искусства будут называть не то, в чем оно подражает природе, а то, в чем оно открывает полученное от духа. Снова возникнет одухотворенное искусство, искусство, которое совсем не является символизмом, аллегоризмом, но которое также не являет себя видом роскоши тем, что ставит себя рядом с природой, которой оно все же никогда не может достигнуть, которое доказывает свою необходимость, свою оправданность в человеческой жизни тем, что оно возвещает о чем-то таком, о чем современное непосредственное созерцание природы, не посредственный натурализм не может возвещать. И даже если бы то, что человек формирует из духа, было неумелым: он формирует нечто такое, что имеет значение наряду с жизнью природы, потому что оно выходит за жизнь природы, и оно не подражает халтурно тому, что природа все же может лучше, чем оно. Здесь открываётся путь к тому искусству, которое пытались воплотить также и во внешнем здании, во внешней форме

дорнахского Гетеанума.

Там для высшей школы духовной науки попытались в каждой стене, во всем том, что нарисовано на стенах, что вырезано в дереве и так далее, попытались сформировать то, что открывается духовной науке, которая там должна преподаваться. Для этого совершенно естественно служит то здание. Оно не могло быть построено в старом архитектурном стиле, потому что в нем должны говорить о новом роде духа. Как в самой природе — посмотрите лишь на ореховую скорлупу, она сформирована так, как это определяет орех внутри — каждая оболочка сформирована так, как этого требует внутреннее ядро, так и в дорнахском здании все сформировано так, как этого требует то, что должно в нем звучать как музыка, что должно использоваться в мистериях, что должно говориться в откровении духовной науки. Это должно как бы давать отзвук в том, что врезано в строении в колонны, в капители и так далее. Искусство — которое, конечно, всем этим стоит в самом начале, в этом те, кто над ним работает, сами являются строжайшими критиками — будет дано в том, что действительно рождено из нового духа и тем самым опять-таки вообще из духа. Когда предпринимают что-либо подобное, неизбежно должны возникать недоразумения, которые, в сущности, естественны в таком деле. Туда приходят люди — также и другие, они не находят этих недостатков, их с каждым днем становится все больше, они смотрят на дорнахское здание без предрассудков — они написали: «о, да, антропософы возвели здание, которое полно символов, полно аллегорий». — Характерным в этом здании является то, что в нем нет ни единого символа, ни единой аллегории, а что все, что духовно видят, растворено в непосредственно художественной форме. В нем не выражается ничего символического, ничего аллегорического. Все таково, что хочет быть чем-то благодаря самим своим формам.

Конечно, во время, когда банковские здания возводят в древнегреческом стиле, в котором строили банковские дома в Афинах, мы могли до сих пор создать лишь одеяние духовной мастерской. Ибо внешние социальные условия еще не позволяют построить также, например, вокзал или даже здание банка. По легко, вероятно понятным вам причинам мы еще не можем найти стиль современного банковского здания или стиль современного магазина. Но и эти вещи должны быть найдены! Прежде всего на этом пути должна быть найдена связь непосредственной практической жизни с художественным формированием.

Подумайте-ка, какое социальное значение это будет иметь также для хлеба людей! Ибо — как я уже сказал и буду объяснять дальше — его приготовление зависит от того, как люди мыслят и ощущают. Большое значение, будет иметь для людей, если то, что их непосредственно окружает в жизни, выступит перед человеческой душой в художественной форме, если каждая ложка, каждый стакан будет иметь не случайную форму, определяемую их назначением, а если наряду с этой хорошей приспособленностью к своему предназначению ее также будут ощущать как прекрасную. Только тогда широкие круги будут ощущать духовную жизнь как жизненно

необходимую, когда она будет так стоять в непосредственной связи с практикой. Также, как духовная наука в состоянии освещать материальное, как я показал на примере чувствительных и двигательных нервов, так то искусство, которое будет рождено из духовнонаучного образа мыслей, в состоянии продвинуться вплоть до непосредственного формирования каждого стула, каждого стола и так далее.

И если можно отчетливо видеть, что как раз со стороны религиозных исповеданий навстречу этому духовнонаучному направлению выносятся самые тяжкие предрассудки и недоразумения, то об этом следует сказать следующее. К чему в конечном счете приводятся в религиозных вероисповеданиях? Религиозные исповедания, чтобы иметь оправдание, по своей природе могут иметь дело только со сверхчувственным. Но в наше время удерживаются древние сверхчувственные воззрения, которые рождены из совершенно других предпосылок человеческой души. Духовная наука заботится о том, чтобы при новом качестве человеческого представления, внутренней душевной жизни проникнуть к духовному миру. Повредит ли она религиозному чувству человечества, если оно понимает себя? Никогда и нигде. Ибо с чем, собственно, имеет дело религиозное чувство, всякая религиозная работа? Она должна иметь дело не с тем, чтобы возвещать теории и догмы о сверхчувственном мире, но должна давать людям возможность почитать сверхчувственное. Человеческая природа нуждается в этом почитании. Она нуждается в том, чтобы в почитании взирать в сверхчувственном к возвышенному. Если ей запрещают современное проникновение в сверхчувственный мир, то, конечно, должны сохранять древнее проникновение в него. Но так как современному человеческому чувству это больше не может соответствовать, то нужно молиться, нужно повелевать, нужно признавать авторитет. Отсюда-то внешне, что имеют относительно человеческой природы религиозные исповедания. Религиозными вождями людям повелевается иметь старые прозрения в сверхчувственный мир.

Не должны ли общины, имеющие понимание истинной сущности религиозного, состоящей в почитании духовного, иметь высший интерес в том, чтобы ее члены развивали живое познание сверхчувственного? Не будут ли больше всего почитать сверхчувственное как раз те люди, которые видят сверхчувственное, которые близки к сверхчувственному в своем познании? И в новой фазе человеческого развития дело обстоит так, что с середины 15-го столетия развитие человеческого существа направлено к индивидуальному, к личному. Если сегодня от человека требуют, чтобы он пришел к видению, к пониманию сверхчувственного иначе, чем из сил своей индивидуальности, своей личности, свободно от авторитетов, то от него требуют чего-то противного его природе. Если ему предоставить свободу мыслей относительно сверхчувственного, то он присоединится к своим ближним, чтобы в общине могло быть воспитано почитание того сверхчувственного, которое каждый познает по-своему. И как раз общая служба сверхчувственному, истинная религиозность будет развиваться лучше всего, если люди

имеют свободу мысли, чтобы приблизиться к познанию сверхчувственного мира через свою собственную индивидуальность.

Это особенно может быть показано на понимании самого существа Христа. Это существо Христа, оно было чем-то иным в более ранних столетиях, чем оно стало у многих теологов последних столетий, особенно 19-го столетия. Как далеко отошло человечество от взирания на действительное сверхчувственное существо Христа, которое жило в человеке Иисусе!

Как далеко отошло человечество от того, чтобы видеть, что через мистерию Голгофы произошло соединение сверхчувственного существа с человеческим телом, чтобы Земля в своем развитии получила настоящий глубокий смысл. Этот брак между сверхчувственным и чувственным, который осуществился через мистерию Голгофы, как мало в сущности его понимали в последнее время даже теологи известного рода! Христос все больше и больше становился «простым человеком из Назарета»; понимание религии становилось все больше и больше материалистическим. Из-за того, что не были в состоянии найти соответствующий новому человечеству путь в сверхчувственное, потеряли также сверхчувственный путь к самому существу Христа. И многие люди, которые сегодня думают, что могут взирать ко Христу, именно только думают, что это так. Они не чувствуют, как мало то, что они говорят или думают о Христе, действительно соответствует этой прамистерии человечества.

Таким образом, можно сказать: духовная наука определенно не хочет быть основанием новой религии; она хочет быть наукой, познанием. Но зато нужно признать также, что она может дать основу для омоложения самой Религиозной жизни человечества. — Также, как она может омолодить научную, художественную жизнь, может она также омолодить религиозную жизнь людей.

Особенно плодотворно эта духовная наука сможет действовать также в области, которая должна показаться чрезвычайно важной тому, кто в состоянии совершенно серьезно отнестись именно к социальному будущему человечества, в области воспитания. О воспитании в последнее время говорилось очень много. Но многое из того, что говорилось, не затрагивает как раз главное. Я попытаюсь приблизиться к этому главному именно в последнее время, когда мне была поставлена задача провести семинарский курс для учителей, которые должны были образовать преподавательский коллектив одной школы, Вальдорфской школы в Штуттгарте, основанной в сентябре этого года в духе трехчленности социального организма. При этом основании я попытался не только внешность сформировать так, что она отвечает требованиям, импульсу трехчленности социального организма, но и педагогику, дидактику, которую я должен был преподавать для учителей этой школы нового рода, я попытался сформировать так, чтобы человек мог быть воспитан для будущего, которое по определенным, непобедимым требованиям человеческой природы должно стать именно социальным будущим в правильном духе. Здесь нужно сказать:

старая педагогика норм, которая устанавливает определенные правила, что воспитывать нужно так-то и так-то, эта педагогика норм должна быть преодолена. Конечно, сегодня многие люди говорят о том, что при воспитании, при обучении должна приниматься во внимание индивидуальность человека. Но в будущем педагогика не будет наукой о нормах, а будет истинным искусством человечества. Она будет основана на познании всего человечества. В будущем будут знать: в этом человеке, который развивается от рождения на протяжении последующих лет, в нем духовно-душевное пробивается с помощью органов на поверхность. Будут видеть, как со школьного начала каждый год из глубин человеческой природы развиваются все новые силы. Это видение не смогут поддерживать абстрактной педагогикой норм, а только живым созерцанием самой человеческой природы.

В последнее время много говорили о преподавании мировоззрения. В известных границах здесь, конечно, многое оправдано. Но есть вещи, которые нельзя передать через внешнее воззрение, которые все же должны быть переданы подрастающему ребенку и которые могут быть переданы, если в учащем, воспитывающем живет истинное познание становящегося человека, если он видит распускающимся с каждым годом то, что проявляется иначе, чем в предыдущем году, если он знает, чего человеческая природа требует на седьмом, девятом, двенадцатом году. Ибо только если воспитывают в духе природы, человек будет сильным в жизни.

Сегодня в жизни видно много разбитых судеб, много людей, которые не умеют предпринять в жизни ничего верного и с которыми жизнь не может сделать ничего верного. Таких существований гораздо больше, чем обычно думают. Откуда это происходит? Это происходит оттого, что как раз при воспитании и обучении не умеют принять во внимание важнейшие законы становящегося человека.

Хочу привести лишь один пример. Как сильно сегодня у благомыслящих педагогов все снова и снова подчеркивается, что ребенку нужно наглядно разворачивать то, что ставят перед его душой, что он может понять. Правда, на практике становится видно: разворачивают банальность, тривиальность! Хотят искусственно спуститься до понимания ребенка, и воспитывать так уже стало инстинктом. Когда хотят так воспитывать, когда работают на эту ложную наглядность, что остается тогда не принятым во внимание? Важнейший жизненный закон. Тогда не знают, что это значит для человека, который, скажем, достиг возраста в тридцать пять лет и вспоминает: мой учитель однажды сказал мне то или иное, это было, пожалуй, на моем девятом, десятом году; тогда я это воспринял просто потому, что в учителе было что-то живое, благодаря чему то, что он говорил, перешло в меня. Теперь я оглядываюсь: это жило во мне, теперь я созрел для того, чтобы понять это! Если на своем тридцать пятом году приводятся назад к тому, что восприняли только в любви, что тогда еще не могли понять, то из этого исходит необычайное сияние жизни. Этот блеск жизни, который является силой жизни, теряется, если спускаются до банальности, которая сегодня все время восхваляется как идеал. Нужно познать,

какие силы нужно развивать в ребенке, чтобы в человеческой природе были силы, остающиеся на всю жизнь, так что ребенку не только нужно вспоминать о том, что он воспринял между седьмым и пятнадцатым годом, но нужно, чтобы то, что он тогда воспринял, все снова и снова являлось преображенным по мере позднейшей жизненной зрелости, чтобы оно могло обновляться в каждую эпоху.

Как только что было сказано, я попытался сделать основной характеристикой педагогики, посредством которой воспитание на деле может стать искусством, то, что человек благодаря ей так становится в жизни, что встает в социальные требования будущего. Как бы ни хотели сегодня люди декламировать о тех или иных социальных идеалах - это можно видеть в частности — они ни в коей мере не имеют достаточно широкого обзора жизни, чтобы принимать во внимание такие идеалы. Говорят, например, что можно перевести средства производства в общее владение, и думают, что когда таким образом устраняют частное управление ими, то нечто будет сделано. Я уже высказывался об этом и еще точнее выскажусь в следующих докладах. Но сейчас я на миг допущу, что действительно можно было бы перевести средства в общее владение. Были ли бы они тогда в этом общем владении, когда вырастет следующее поколение? Нет, ибо если бы и хотели их передать, то не приняли бы во внимание, что следующее поколение приносит новые плодотворные силы и должно преобразовать все производство.

Чтобы думать о формировании социального будущего, нужно включиться в полную, цельную жизнь. Из понимания человека как существа, которое есть тело, душа и дух, возникает также искусство воспитания, которое в социальной жизни может ощущаться как необходимость.

Из такого образа мыслей возникает затем также то, что в примыкающем к Дорнаху духовном движении часто воспринималось не без недоразумения. Были люди, которые не совсем плохо думали о нашем духовнонаучном движении. Однако когда некоторое время назад мы начали здесь, в Цюрихе, и в других местах вводить эвритмическое искусство, которое в своей идее родилось из духовной науки — хотя оно также только начинается — то люди говорили: духовная наука не может быть ничем порядочным, ибо раз рядом с ней могут создавать такое плясание, то и духовную науку следует считать сумасшедшей!

Что же, при этом все-таки не принимают во внимание, каким парадоксальным может казаться то, что работает из духовнонаучного на новое формирование мира. Это эвритмическое искусство хочет в лучшем смысле быть социальным искусством, ибо оно хочет прежде всего передать тайны человека. Оно хочет применить те зачатки движений, которые существуют в самом человеке, хочет извлечь их из человека, так, как это должно проявиться в ближайших достижениях эвритмического искусства. Но здесь я хочу еще подчеркнуть, что это эвритмическое искусство открывает глубочайшие тайны человеческого искусства вообще, оно является действительной речью, видимой речью, осуществляемой человеком в целом, это действительно

искусство, это эвритмическое искусство. Но в то же время это не просто телесное явление, оно основано не просто на физиологии, происходящей из изучения строения тела. Оно представляет собой человеческую способность движения, которое одушевлено, одухотворено. Теперь одухотворенному движению смогут учить и детей как это уже сделано в Вальдорфской школе к этому должны прийти. Одухотворенное движение действительно захватывает всего человека, тогда как чисто физиологическая, чисто материальная гимнастика охватывает лишь часть человеческого существа и поэтому позволяет столь многому чахнуть в становящемся человеке.

Вновь формируемая духовная жизнь должна — и это я сегодня хотел перед вами развить — из глубин человеческой природы вмешиваться в важнейшие области жизни.

В следующие дни моей задачей будет показать, что в настоящее время и в будущем внешняя жизнь действительно сможет формироваться из нового духа. Разные люди — сегодня даже поистине особые люди — ощущают необходимость из духа овладеть великими требованиями социальной жизни, подступающими к человеку современности. Глубоко ощущают, сколь многие еще спят относительно этих социальных требований жизни, сколь многие содействуют им только извращенно агитаторским образом. Находят также уже некоторые указания на то, что все внешние программы ничему не помогут, если не произойдет переосмысливания, преобразования представлений, переучивания из духа. Но как часто это происходит еще внешне, когда высказывается это стремление к новому духу! Можно сказать, что глухо и темно это стремление к новому духу часто сегодня ощущается совершенно особыми людьми, которые определенно не думают о том, что должно внешне представлять дорнахское здание. Но слышны высказывания о требовании нового духа. Приведу здесь один из многих примеров.

В ближайшее время ко многим рассмотрениям пришедшей мировой катастрофы должно присоединиться еще таковое австрийского государственного деятеля Чернина, которое обещает быть очень интересным, потому что Чернин был гораздо менее нескромным, чем другие, которые до сих пор раздражались своими рассмотрениями войны. Но в этой книге Чернина можно будет, пожалуй, прочитать такое: «Война продолжается, хотя и в измененной форме. Я думаю, что грядущие поколения вовсе не будут называть великую драму, которая пять лет назад овладела миром, мировой войной, а мировой революцией, и будут знать, что эта мировая революция лишь началась мировой войной.

Ни Версаль, ни Сен-Жермен не создадут великого творения. В этом мире лежит разлагающийся зародыш смерти Судороги, потрясающие Европу, еще не ослабевают, как при мощном землетресении продолжается подземный грохот. Все снова, то здесь, то там земля будет раскрываться и извергать огонь к небу, все снова завоевывающе будут бушевать по земле события стихийного характера и стихийной мощи. Пока не будет сметено все, напоминающее о безумстве этой войны.

Медленно, среди несказанных жертв, родится новый мир. Грядущие поколения будут оглядываться на наше время как на

длинный дурной сон; но и за самой темной ночью следует когда-нибудь день. Поколения погружаются в могилу, убиваются, умирают с голода, подвергаются болезни. Миллионы умирают в стремлении уничтожить и разрушить, с ненавистью и убийством в сердце.

Но встают новые поколения, и с ними новый дух. Они отстроят то, что разрушила война и революция. За каждой зимой следует весна. И вечный закон кругооборота жизни заключается в том, что за смертью следует Воскресение.

Благо тем, кто будет призван участвовать в отстраивании нового мира.

Ответы на вопросы после четвертого доклада

Прежде всего здесь предложен вопрос:

Не родственно ли Ваше понятие свободы ницшевскому понятию о сверхчеловеке в «Веселой науке»?

Что же. в отношении понятия свободы в моем понятии человеческого существа я могу указать, во-первых, на свою маленькую книжицу «Истина и наука», а также на «Философию свободы». О ницшевском понимании мира я высказался затем в 1895 году в книге «Фридрих Ницше. Борец против своего времени». Совершенно верно, что тот, кто, как и я, понимает необходимость углубления и обновления понятия свободы и, в связи с ним, человеческого существа в целом, в том с известной стороны можно видеть вырастающие из очень спорного ницшевского мировоззрения зародыши глубочайшего стремления человека к будущему формированию цивилизации. Жизнь и мировоззрение Ницше вообще чрезвычайно интересны, и их, пожалуй, лучше всего постигают, рассматривая как раз характерное для него в его борьбе последней трети 19-го столетия. В самом деле, трагическая жизнь Ницше боролась за понимание природы человеческой свободы и существа. Но она боролась, хочется сказать, из глубоко трагического отношения ко всему развитию мировоззрения в последней трети 19-го столетия.

Мне личность Ницше представляется следующим образом: в Ницше, пожалуй, интенсивнее всего жило все свойственное лучшим людям последней трети 19-го столетия. Но оно жило в нем отчасти в натуре, которая не была способна к интенсивному изложению проблемы, не соответствовала задаче полностью формировать и продумывать проблемы, отягощавшие души. Хотелось бы сказать, что у Ницше была судьба страдать о всевозможных мировоззрениях последней трети 19-го столетия. Возьмите прежде всего то, как он смирился с мировоззрением Вагнера-Шопенгауэра, после того, как преодолел то школьное, что он остроумно воспринял как филолог. Кто знает прекрасный труд Ницше «Шопенгауэр как воспитатель», тот знает, что это признание Шопенгауэра и Вагнера было внутренней борьбой и кончилось, и должно было кончиться страданием в этом мировоззрении, которое имело в себе многое от будущих импульсов человечества, но не дошло именно до того, что могло бы действительно стать социально формирующим.

Таким образом, в 1876 году Ницше оставил это воззрение и

обратился к более позитивистскому, более научному воззрению. Во время жизни в мировоззрении Шопенгауэра и Вагнера он стремился выбраться из научного и ближе подойти к действительности посредством художественного душевного настроения, ближе, чем можно подойти к действительности посредством науки. После того, как он ощутил его недостаточность, двигаясь в позитивистском направлении, он старался проникнуть в действительность путем научного стремления и наконец пришел к тому, что содержится в его идеях «вечного возвращения» и «сверхчеловека». Последнюю он особенно прекрасным образом попытался лирически выразить в своем «Заратустре». Затем в момент, когда он хотел применить идею сверхчеловека — вырастание высшего человека из обыкновенного — к великим проблемам человеческого развития, он был сломлен.

Так вот, очень важно именно у Ницше увидеть, как он мог вживаться во все это. Ибо в сущности его проблема сверхчеловека была ничем иным, как распространением дарвинистского принципа на все развитие человеческого: как сам человек представляет собой нечто такое, что развилось из животного, так сверхчеловек должен быть чем-то, развившимся из человека.

Трагическое у Ницше заключается в том, что он везде чувствовал себя в противостоянии характерному для своего времени, последней трети 19-го столетия. Интересно, например, как Ницше пробился к своей многим кажущейся столь гротескной идее о «вечном возвращении», то есть о миропорядке, в котором все происходящее в ритмическом движении должно повторяться одинаковым образом. Эта идея возврата психологически многим казалась чрезвычайно парадоксальной. Когда однажды в архиве Ницше я имел случай обсуждать это с разными учеными, я говорил там же об этом вечном возвращении в связи с ницшевской идеей сверхчеловека. По моему мнению, идея возвращения была противоположной идее очень педантичного, жесткого позитивиста 19-го столетия Евгения Дюринга. В одном месте — мне кажется, в его «Курсе философии» — Дюринг примечательным образом говорит об этом. Ницше создал себе эту идею так, что нашел противоположную ей у Дюринга и сказал себе: противоположное! тому, что думал этот тип, должно быть верным! — Близ нас находилась библиотека Ницше; я вынул «Курс философии» Дюринга и перелистал соответствующее место — рядом стояло жирно написанное слово «осел»! Это встречается на полях очень многих книг Ницше. Это натолкнуло его на противоидею.

Это повторялось у Ницше невероятно часто: выведение вещей, которые он считал элементарным, из противоречия. Если вы возьмете в руки в архиве Ницше его экземпляр «Французских исследований морали», то увидите, что целые страницы в нем полностью подчеркнуты. Можно проследить, как он страдал от идей 19-го столетия и пытался преобразовать их. Также интересен экземпляр «Опытов» Эмерсона, где не только подчеркнута, но целые отрезки обведены карандашом и пронумерованы; из Эмерсона он устроил систематику.

Это может показать, как на деле Ницше стремился найти

понятие свободы. Но я все же не могу сказать, что у Ницше где-нибудь отчетливо выступает импульс, который должен проявиться через духовную науку, как я сегодня охарактеризовал на примере пятилетнего ребенка и тома лирики Гете. Ницше все же не имел в себе душевного настроения, которое могло бы продвинуть к этому. Это можно видеть из его «Антихриста», прямо в начале в первой, второй и третьей главах, где он снова говорит о том, что человек суть не духовное, но нечто, что должно быть в будущем выращено физически, и тому подобное. Следовательно, каждое понятие у Ницше переливается разными цветами, но это как раз то, что мы должны преодолеть. Таким образом, я думаю, что Ницше есть в высочайшей степени возбуждающей ум, но что невозможно остаться в каком-нибудь вопросе на уровне Ницше. Так мог бы я ответить на поставленный вопрос.

Из вашего доклада, кажется, следует, что мы снова должны приблизиться к мистерии Христа. Значит ли это, что мы должны давать ей, то же содержание, какое ей давало ее время?

Одно из лучших мест в «философии откровения» Шеллинга то, где он указывает, что в христианстве речь меньше идет о каком-нибудь учении, нежели о понимании факта. Что произошло в начале христианства, это факт. Когда говорят только о некоем учении, то очень легко могут ложно захотеть догматизировать его. Но если имеют ясность о развитии человечества, то должны сказать себе: учения находятся в живом развитии, они, как и само человечество, развиваются. Факты же, конечно, остаются в том месте исторического развития, в каком они произошли.

Но не так ли это уже у обыкновенных людей? Когда мы встречаем человека, то можем узнать что-нибудь о его существовании; может быть, если мы станем в жизни несколько умнее, то узнаем это существование иначе и лучше. Особенно о значительном человеке можем мы сказать: мы понимаем у него то или это; если мы сами подвинемся, то поймем у него больше. Это справедливо также относительно факта, более глубокого во всей своей основополагающей закономерности. Конечно, христиане первых столетий некоторым образом поняли факт мистерии Голгофы. Но понимание такого события может развиваться дальше. И это то, что представляется духовной науке: не обновить воззрение, которое уже существует, а смочь предчувствовать продвинутое вперед, соответствующее человеческому духу понимание этой мистерии. Вот что я могу сказать по этому вопросу.

Можно ли о естественнонаучном познании, как, например, о природе нервов, сказать, что оно само по себе социально или несоциально?

Да, об этом я охотно буду еще говорить в докладе завтра. Сегодня хотел бы сказать об этом следующее: все, происходящее внешне в социальном сожителстве людей, в конце концов действительно исходит из того, как люди мыслят, ощущают и волят. Это лишь слабость нашего времени, когда все, что человек мыслит, ощущает и волит, хотели бы вывести из внешних событий, человека хотели бы рассматривать как продукт внешних событий человека хотели бы рассматривать

как продукт внешних событий и установлений. На самом деле все, что есть во внешних установлениях, восходит к тому, что люди мыслили, ощущали и желали Поэтому-то дело в том, что здоровые внешние установления указывают на здоровые мысли а нездоровые внешние установления на нездоровые мысли. Век, который о многих вещах мыслит нездорово, сможет развивать о внешней жизни нездоровые изъявления во⁰⁰_{1F}лн, нездоровые волевые импульсы. — В нашем общепри⁰⁰_{1F}нятом социально-политическом понимании находится сомнительнейшее понятие человеческого труда. Я уже затрагивал это понятие. Я сказал, что в марксизме больш⁰⁰_{1F}шую роль играет понятие рабочей силы, но здесь дело в том, что в этой марксистской теории понятие труда расс⁰⁰_{1F}матривается совершенно ложно. Труд, рабочая сила как таковая социально имеет значение благодаря производи⁰⁰_{1F}тельности или функции производительности в социаль⁰⁰_{1F}ном общежитии людей. Несколько дней назад я сказал здесь, что существует большая разница, занимаются ли спортом и при этом затрачивают свою рабочую силу, или рубят дрова. Когда рубят дрова, то важен способ, каким труд вливается в социальное общежитие, а не затрата ⁰⁰_{1F}рабочей силы как таковой. И в ближайшие дни нам будет видно, что мы совершенно не правы относительно социальной функции труда, рассматривая его не в этом втекании в социальный организм, но говоря о затрате рабочей силы как таковой.

Теперь можно спросить себя: откуда же происходят ложные понятия о труде? — Кто имеет верное понятие о так называемых двигательных нервах, тот наверняка ско⁰⁰_{1F}ро придет и к правильным понятиям о функции труда в социальном организме. А именно, кто понимает, что нет никаких двигательных нервов, а что так называемые двигательные нервы есть лишь ощущающие нервы соот⁰⁰_{1F}ветствующего члена, на который воля переносит свою силу, тот найдет, сколь силен каждый волевой импульс уже благодаря тому, что он есть, что он выражается в труде, сколь сильно он входит в мир. Но благодаря этому, благодаря реальному понятию о воле и об отношении воли к человеческому организму, он получит и реальную основу для того, чтобы увидеть родство между волей и трудом. А благодаря этому он придет также к правил⁰⁰_{1F}ным социальным понятиям, представлениям и ощущени⁰⁰_{1F}ям о такой идее. Можно сказать: насколько социально человек мыслит, это во многих отношениях зависит от того, может ли он развивать определенные естествен⁰⁰_{1F}ные понятия правильным или неправильным образом. Нужно ясно понимать, что тот, кто думает, будто в са⁰⁰_{1F}мом человеке двигательные нервы есть возбудители воли, в сущности никогда не сможет найти правильную связь между возбудителем труда, волей и функцией труда в социальном организме. Вот то, что я сегодня предварительно хотел сказать об этом.

Как следует оценить экспрессионизм?

Я могу связать этот вопрос еще с одним поставлен⁰⁰_{1F}ым здесь вопросом:

Насколько современное искусство может быть охарак⁰⁰_{1F}теризовано как натуралистическое?

Как я уже указал в докладе, я совсем не придержива⁰⁰_{1F}юсь мнения, что все художники стоят на натуралисти⁰⁰_{1F}ческой

почве. Это было бы неверно. Ибо как раз последние десятилетия показали нам, как много художников стремятся выйти из натурализма. Но одно дело говорить об этом развитии искусства в различных начинаниях, которые еще должны формироваться дальше, и другое — в целом об искусстве в нашей современной жизни. И сегодня я должен с этим иметь дело. — То есть, во-первых, можно сказать: наше понимание искусства как такового, положение нашего искусства в общественной жизни, оно совершенно таково, что в основе его лежит лишь натуралистическое. Что стремится выйти из натурализма, то еще совершенно не может найти себе социального признания. Что существенное, служащее мерилom в нашем художественном стремлении, есть натуралистическое, это вы, пожалуй, лучше всего увидите не тогда, когда захотите охарактеризовать художественные произведения, где нужно больше взирать на деятелей искусства, а когда проверите художественные вкусы публики, проверите, для скольких людей естественным критерием является то, хорош или плох герой романа, могут ли они сказать себе: это совершенно жизненно верно — они подразумевают под этим натуралистическое подражание внешней жизни. Это суждение нехудожественно, но его большей частью сегодня выносят. И сегодня во многом почти очевидно, что все работает на натурализм. Не видят только, насколько все натуралистично.

Возьмем декламационное искусство современности. Я напомним, что сегодня большей частью декламируют так и считают правильным так декламировать — что стараются каким-нибудь образом посредством удара или чего-либо иного выразить прозаическое содержание стихотворения. Вернемся в более ранние времена человеческого развития. Мы находим — кто постарше, тот мог еще сам видеть у простых людей в деревне, что люди репетировали так, что двигались вверх-вниз и приводили в ритм весь организм. Я напомним о том, что здесь происходит нечто такое, на что как на собственно художественное указывает даже, например, поэзия. Когда Шиллер писал стихотворение, он большей частью имел в душе неопределенную мелодию. Только затем он находил слова в ней. Это значит, что мелодичное, ритм, такт, вот что лежало в основе. Гете изучал свою "Ифигению", то есть драматическое произведение, как капельмейстер с дирижерской палочкой, и считал при этом, что то, что при сегодняшней рецитации, так сказать, падает под стол, как раз имеет решающее значение, придавая очень, очень мало значения тому, что сегодня рассматривают как существенное — прозаическому содержанию.

Только поднимаясь выше натурализма настоящего времени, который многими не ощущается натурализмом, а часто даже, как при искусстве рецитации, собственно духом искусства, только поднимаясь выше натурализма в различных областях, мы увидим, насколько пребывает в нем настоящее время.

Конечно, в экспрессионизме стараются подняться над натурализмом. Но здесь нужно сказать: как много следует возразить против того, что дают сегодняшние

экспрессионисты - хотя у них уже есть очень уважаемые произведения - это как раз начало формирования того, что невидимо во внешней действительности, но что может предстать человеку лишь во внутреннем созерцании. Экспрессионистские попытки часто столь неуклюжи, потому что люди сегодня еще очень далеки от созерцания духа. Импрессионизм, однако, я причисляю к последним крайностям натурализма. Ибо там не делается попытки толковать что-либо натуралистически, но делается попытка схватывать впечатление одного единственного мгновения.

Этот импрессионизм, как бы он ни был одухотворен, есть последнее следствие натурализма. А экспрессионизм есть, хотелось бы сказать, судорожное выработывание из натурализма.

На этих вещах можно внешне видеть, если не ощущают это внутренне, насколько сильно современное направление искусства погрязло в натурализме. И в заключение: я полагаю, что если сегодня выступит нечто, что не может притязать на соперничество с внешней деятельностью, что хочет раскрывать духовно увиденное, то его будут горько порицать. Вот то, на что я главным образом хотел указать.

Затем мне был задан вопрос:

Как можно провести в практику то, что я излагаю в этих докладах?

Стоящий на той почве, что в конце концов все, что делается во внешней социальной человеческой жизни, исходит от людей, ни на мгновение не сомневается в том, что когда достаточно большое число людей прониклось какой-нибудь идеей, тогда дан и путь во внешнюю практику. Дело лишь в том, чтобы наконец поняли, как это действительно внутренне пережитое — а для духовно-научного речь идет об этом — относится к внешней практике. Возьмите это сегодня в малом — об этих вещах может говорить только тот, кто имеет в них опыт — вы можете сегодня верить этому или нет, можете верить, что человек, когда он воспринимает духовную науку, внутренне не понимает, жизненно понимает, что значит духовная наука, то благодаря этому он приобретает знание, знание, пожалуй, об очень интересных мирах. Это не так. Вот о чем я хотел бы сказать. Вы можете верить этому или нет. Если человек действительно внутренне проникает в духовную науку, то это не просто абстрактное, не просто такие идеи, которые даются в естественных науках или в сегодняшней социальной экономике, но это внутренняя сила, это нечто, рождающее внутреннюю силу. Точно также то, что я подразумеваю сегодня под педагогикой, призывает учителя внутренней силой, так что он следует не нормам воспитания, а тому, что разыгрывается между ним и учеником как действенные трудно учитываемые влияния. Благодаря тому, что я описал сегодня как духовную науку, человек также становится искуснее вплоть до кончиков пальцев. Только нужно понимать эти вещи также в малом. Тогда не будут больше сомневаться и в том, что если достаточно большое число людей воспринимают в себя эти импульсы, то с помощью этих людей эти импульсы становятся также непосредственно практическими.

Возьмите, например, чтобы показать на малом, человеческий почерк. Существуют двойные почерки. Один это почерк, к которому обычно стремятся. Тогда человек пишет, именно имея почерк. Такие почерки имеет большинство людей. Почерк происходит из их организма как бы с необходимостью. Но у других почерк по своему характеру является чем-то совершенно иным, чем, то что обыкновенно называют почерком. Они чертят буквы.

У них писание заключается в созерцании, как в пульсирующей через руку силе. Есть почерки, происходящие только из руки, но также почерки, пишущиеся глазом, когда прослеживается форма букв. Здесь духовное живет не просто органически в членах, а живет органически в членении письма. То, что человек духовно переживает, становится непосредственно практическим.

Так переживают все духовнонаучное. И так тот, кто схватывает живой дух, о котором сегодня говорилось, будет схватывать эти вещи с предрасположенностью к практике. Конечно, в настоящее время он будет стоять как отшельник, как вопиющий в пустыне, но это не улучшает явления сегодняшней жизни. Защищая сегодня истинную жизненную практику, чувствуют себя, правда, курьезными «практиками», теми, кто имеет известный опыт лишь для самого ближайшего круга, тогда как действительная жизненная практика заключается в овладении внешней жизнью посредством охватывающих жизнь идей.

Так что можно сказать: первое, в чем заключается дело, это создать ясность об этом, приблизить эти вещи к как можно большему числу людей. Если они находятся в сердце и уме многих людей, то, несомненно, становятся практическими. Они не осуществляются лишь потому, что пока еще не проникли в понимание достаточно большого числа людей. Для социальных идей необходимо, чтобы ими овладел именно не отдельный, одиноко стоящий человек, а чтобы он нашел тех, у которых он находит понимание для совместной работы с ними. Практика, однако, при действительно практических идеях следует из бытия самих идей. И лишь абсолютное неверие, абсолютный скепсис, непрактичность идей, непрактичность духа — вот что препятствует тому, чтобы наша жизнь стала действительно практичной.

Это переживают всюду, не правда ли. Непрактик в смысле многих людей — я говорил об этом сегодня в начале доклада — должен был заявить весной 1914 года: наша социальная жизнь страдает от раковой опухоли, которая в ближайшее время должна будет прорваться ужасным образом — Через пару месяцев после этого последовала катастрофа мировой войны, на которую я хотел тогда указать. Конечно, все «практики» меня высмеяли. Но эти «практики» и говорили иначе. Я мог бы вам привести государственных деятелей, которые говорили в ту весну 1914 года, например, государственных деятелей среднеевропейских государств: мы живем в самых добрососедских отношениях с Петербургом; и эти добрососедские отношения в будущем будут давать надежную основу миру во всем мире. — Подобное же один господин говорил об отношениях центральных держав к

Англии. Затем он подытожил это в словах: общая политическая разрядка делает хорошие успехи. — Но политическая разрядка сделала столь радостные успехи, что через несколько недель после этого последовали те события, из-за которых от десяти до двенадцати миллионов людей было убито и втрое больше искалечено. Последнее главным образом говорили «практики», а первое тот, который «практиками» считался идеалистом.

Вот то, что делает горько необходимым, что мы как раз в практике должны переучиваться, что для истинной практики почва будет создана лишь тогда, когда произойдет действительное переучивание в отношении жизни духа. Поэтому на вопрос: как можно перевести в практику такие разъяснения? — нужно, собственно, ответить: сначала нужно внести их в души людей, и тогда вскоре увидят, как они будут излучаться людям из практики.

Пятый доклад Цюрих, 29 октября 1919 г.

Взаимодействие духовной, правовой и хозяйственной жизни в триедином социальном организме

Во втором докладе я уже обрисовал, что такое формирование духовной, правовой и хозяйственной жизни, какое я пытался описать в трех предыдущих докладах, достижимо лишь посредством того, чтобы то, что до сих пор мыслилось жестко сформированным в себе унитарным государством, стало тройственно расчлененным, стало трехчленным социальным организмом. То есть, все то, что относится к правовым, политическим, государственным вопросам, найдет свое управление в демократическом парламенте. Напротив, от этой политической или правовой организации будет, с одной стороны, отчленено все, что относится к духовной жизни, и эта духовная жизнь в своей свободе будет управляться самостоятельно. С другой стороны, от политической жизни отчленится хозяйственная, которая, опять-таки, из своих собственных условий найдет свое управление, основанное на знании дела и профессиональной умелости.

Теперь все снова выставляется возражение, что такое членение социального организма противоречит необходимости формировать общественную жизнь в единстве, поскольку-де все отдельные организации, все отдельное, что человек может совершить в социальном организме, должно стремиться к такому единству. А единство - так говорят - будет сломлено, если попытаться раздробить социальный организм на три члена. - Из мыслительных привычек современности такое возражение вполне понятно. Но, как мы сегодня хотим увидеть, оно совершенно неоправданно. Оно понятно, потому что стоит лишь взглянуть прежде всего на самую хозяйственную жизнь: в

ней сливается в мельчайшем духовное, правовое и собственно хозяйственное. Уже об этом можно вопрошать: как же здесь пойдет на пользу какое-нибудь разделение, расчленение?

Если мы возьмем проблему стоимости товаров, то найдем, что сама по себе она уже позволяет созреть троичности. Но эта троичность, что товар в социальном организме производится, циркулирует и потребляется, связана с единством товара. Что обуславливает стоимость товара, с помощью которого человек может удовлетворять свои потребности? - Прежде всего человек должен субъективно иметь какую-нибудь потребность в этом товаре. Посмотрим, однако, что определяет такую потребность. Это связано, во-первых, с телом человека. Именно телесность обуславливает стоимость различнейших материальных благ. Но и о материальных благах судят по разному в зависимости от того, получил ли человек то или иное воспитание и имеет ли те или иные запросы. И только когда речь идет о духовных благах, которые, конечно, часто вовсе не могут быть отделены от сферы телесных, физических благ, тогда мы видим, что состояние человека в целом обуславливает как он оценивает тот или иной товар, какой труд он согласен затратить на него, какой собственный труд может он соотнести с этим товаром. Здесь мы видим, что духовный элемент, живущий в человеке, является определяющим для стоимости товара.

С другой стороны, мы видим, что товары, когда они обмениваются людьми, связаны с отношениями владения, то есть ни с чем иным, как с правовыми отношениями. Когда какой-нибудь человек хочет приобрести у другого товар, он наталкивается на права, которые другой имеет на этот товар. Так что хозяйственная жизнь, хозяйственная циркуляция совершенно пронизана правовыми отношениями.

И в третьих: товар имеет также объективную стоимость, а не только ту, которую мы ему приписываем из-за наших потребностей и субъективной оценки этих потребностей, которая затем переносится на товар. Товар имеет объективную стоимость, будучи прочным или непрочным, долговечным или недолговечным, будучи по своей природе более или менее пригодным, будучи более или менее частым или редким. Все это обуславливает объективную, собственно хозяйственную стоимость, для определения которой необходимо объективное знание дела и для создания которой необходима объективная профессиональная умелость.

Но эти три определения стоимости в товаре объединяются в единство. И поэтому правомерно спросить: как же то, что объединяется в товаре, должно быть разделено на три области управления, которые относятся к этому товару, которые должны создать что-нибудь с этим товаром в его циркуляции?

Теперь дело заключается прежде всего в том, в чисто идейном смысле, чтобы понять, что в жизни могут объединяться вещи, которые управляются с различнейших сторон. Почему не может с одной стороны то, что человек субъективно от себя вносит в оценку стоимости товаров, быть определено его воспитанием, имеющим свое самостоятельное управление? Почему не может с совершенно другой стороны формировать в хозяйственной жизни то, что является

правовыми отношениями, и почему не может присоединиться ко всему этому и в объекте соединиться в единое целое то, что входит в товар как объективная стоимость из знания дела и профессиональной умелости? Но это прежде всего идейно и не имеет очень большой ценности. То, что в этом направлении хочет трехчленность социального организма, должно базироваться намного глубже.

И здесь, прежде всего, нужно сказать: трехчленность социального организма - это не какая-нибудь идея, которая сегодня придумана из субъективных побуждений одного или нескольких человек, но этот импульс трехчленности социального организма вышел из объективного рассмотрения исторического развития человечества в новое время. Собственно, уже в течение столетий человечество бессознательно в важнейших побуждениях имело тенденцию к этой трехчленности. Оно лишь не могло найти сил действительно воплотить эту трехчленность, и от недостатка сил в этом развитии возникли наши сегодняшние состояния, сегодняшние несчастья. Сегодня, однако, дело настолько серьезно, что нужно сказать: пора приступить к тому, что готовилось для формирования социального организма на протяжении столетий.

Фактически уже давно действительно свободная духовная жизнь отделилась от государственной и от хозяйственной жизни. Ибо духовная жизнь, зависящая от хозяйственной, правовой и государственной жизни, как раз совершенно несвободна. Существует часть духовной жизни, которая отделилась от собственно плодотворной свободной духовной жизни. Более того, можно сказать, что в начале того периода, когда возникал капитализм и современное техническое хозяйственное устройство с его далеко идущим разделением труда, собственно свободная духовная жизнь, которая создается лишь из побуждений самих людей, в некоторых областях искусства, мировоззрения, религиозных убеждений отделилась от хозяйственной и государственной жизни и проходит определенным образом "между строк" жизни, тогда как от этой свободной, создаваемой самими человеческими побуждениями духовной жизни отделено то, в чем нуждаются для своего управления экономическая жизнь и государство.

То, в чем нуждается для своего управления хозяйственная жизнь, стало зависимым от самих хозяйственных властей. В тех местах, в тех кругах, которые имеют экономическую власть, есть возможность также научно-экономическим образом послужить примером потомству, чтобы оно снова оказалось способно достигнуть хозяйственной мощи. Но то, что здесь исходит из самого хозяйства как экономическая наука - лишь часть того, что могло бы влиться в хозяйственную жизнь, если бы всю духовную жизнь сделать плодотворной для хозяйственной жизни. Это всего лишь то, что остается для размышления от случайной экономики и затем делается экономической наукой.

И государственная жизнь, в свою очередь: государство нуждается в своих чиновниках, своих ученых, так, чтобы они соответствовали шаблонам, которые оно некогда создало для их положений. Оно желает, требует, чтобы в человеке

образовалось то, что подобает для этого круга, что предопределено для этих чиновничьих мест. Но это несвободная духовная жизнь, даже если она думает, что свободна. Она не замечает своей зависимости, не замечает, что поставлена в границы человеческих шаблонов.

И все же собственная свободная духовная жизнь, независимая от хозяйственной, от государственной жизни, завоевала определенное положение в мире. Но какое! Отчасти я его уже охарактеризовал. Эта духовная жизнь, которая сохранила свою свободу, стала чуждой жизни. Она в известном смысле приняла абстрактный характер. Сегодня стоит лишь посмотреть, что имеет место в эстетических, религиозных, даже научно-ориентированных мировоззрениях свободной духовной жизни, чтобы увидеть: говорится много, но то, что говорится, является только проповедью. Она существует, чтобы захватывать рассудок и душу, чтобы играть роль во внутренней жизни человека, чтобы наполнять душу хорошим самочувствием и настроением, но она не имеет силы действительно вмешиваться во внешнюю жизнь. Поэтому в такую духовную жизнь вошло неверие, которое я также охарактеризовал, неверие, исходящее от социалистической стороны, которая говорит: никакая социальная идея, как бы хорошо она ни была задумана, никогда не преобразует социальную жизнь. Для этого она нуждается в социальных силах. - А к реальным силам эта отщепленная духовная жизнь как раз и не причисляется. Сколь сильно удалено то - я это также высказывал - что сегодня имеет купец, государственный чиновник, промышленник как внутреннюю, религиозную, даже научную жизнь убеждений, от законов, которые он применяет в хозяйственной жизни, в своем внешнем положении, в управлении общественными делами! Совершенно двойственная оценка жизни! С одной стороны, известные основные положения, которые, однако, произошли из хозяйственной и государственной жизни, с другой стороны, остаток свободы духовной жизни, осужденной однако, на бессилие по отношению к внешним обстоятельствам жизни.

С одной стороны, надо сказать, что единая свободная духовная жизнь отчленилась уже столетия назад, и что оттого, что ей не хотели отдать должное в формировании общественной жизни, эта свободная духовная жизнь стала абстрактной, чуждой жизни. Однако сегодня этой духовной жизни снова требуется вернуть ее силу, ее мощь, поскольку мы нуждаемся в воздействии духа на внешнюю, социальную жизнь. Вот ситуация, в которой мы находимся сегодня.

По другому пути пошла правовая жизнь. Тогда как духовная жизнь, будучи свободной, определенным образом эмансипировалась, правовая жизнь в течение последних столетий полностью сплавилась с хозяйственными отношениями власти. Этого совсем не замечали, но обе они совершенно слились. То, чем были экономические интересы и потребности, теперь выразилось и в общественных правах. Эти общественные права часто принимают за права человека. При точном рассмотрении они есть лишь принявшие правовой характер экономические и государственные интересы и потребности. Тогда как, с одной стороны, духовной жизни

требуется ее сила, с другой стороны мы видим, что возникла путаница в отношении правовых и экономических условий. В том, что называют социальным вопросом, широкие круги населения по всему миру требуют дальнейшего сплавления правовой и хозяйственной жизни. Мы видим, что хотят с политическими, правовыми понятиями формировать совокупную жизнь экономики. И если мы рассмотрим излюбленные многими лозунги, то что это, если не окончательное сплавление правовой жизни с экономической? Мы видим сегодня, что радикально социалистическая партия, привлекающая широкие круги, требует, чтобы - как я уже здесь говорил - на экономическую жизнь была нахлобучена система централизованных, иерархически надстроенных, расчлененных управлений. Жизнь экономики должна быть полностью вправлена в чисто правовые отношения. Мы увидим именно это - что власть правовых отношений должна будет целиком и полностью распространиться на экономические отношения.

Это и есть то другое, что выступает в наше время как кризис, и вследствие чего можно сказать: когда эти политические и правовые отношения будут радикальным образом требовать для экономической жизни, определенным образом должна будет наступить тирания государства, правовой системы над жизнью экономики. Мы видим, что для экономической жизни и ее исцеления требуют не ее формирования из экономических отношений, а завоевания политической власти, чтобы с ее помощью забрать себе и овладеть жизнью экономики. Что такое диктатура пролетариата как не следствие окончательного сплавления правовой или государственной жизни с экономической?

Так здесь будет, правда негативным образом, доказано, насколько необходимо сегодня, основательно проверяя, взяться за взаимоотношения между правовой или государственной и экономической жизнью. Так, с одной стороны, видно, что свободная духовная жизнь частично эмансипировалась и требует своей первоначальной силы; с другой стороны, правовая жизнь, если ее все теснее связывают с хозяйственной жизнью, приводит в беспорядок весь социальный организм.

Довольно долго продолжалось, что под внушением единого государства мыслился единый социальный организм. Пришло время, когда плод этого мышления выступает перед нами в социальном хаосе, излившемся на большую часть цивилизованного мира. Экономика сильнее всего требует отделения от правовой жизни, т.к. было показано, какой беспорядок вызвала сама эта правовая жизнь в хозяйственной жизни, когда выступили окончательные следствия того, что развилось в течение последних столетий.

С такими явлениями считается импульс трехчленного социального организма. Я хотел бы на наглядном примере показать вам, что как раз в таких явлениях разрывается то, что в жизни должно действовать как единство. Сегодня говорят, что трехчленность социального организма хочет разорвать единство социальной жизни. В будущем же будут говорить, что эта трехчленность наконец-то в истинном смысле обосновывает это единство. То, что абстрактное стремление к единству как раз нарушало это единство, можно увидеть на наглядном

примере. Сегодня определенные люди чрезвычайно гордятся тем, что могут теоретически различать право и мораль. Мораль есть оценка действий человека с чисто внутренней точки зрения его души. И как раз в вопросах мировоззрения очень тщательно отличают от этой моральной оценки правовую оценку, которая касается внешней общественной жизни, которая должна быть определена посредством постановлений, мероприятий государственной или другой общественной жизни.

О таком разделении морали и права ничего не знали вплоть до того момента, когда наступило новое техническое развитие экономики и новый капитализм. Только в последние столетия были разорваны импульсы права и морали. И почему? Потому что моральная оценка была отброшена на ту свободную духовную жизнь, которая эмансипировалась, но стала бессильной по отношению к внешней жизни, и существует в некотором роде для проповедования, для оценивания, но у которой исчезла сила действительно вмешаться в жизнь. Тогда те максимы, которые могут вмешаться в жизнь, нуждаются в экономических побуждениях, потому что чисто человеческие побуждения, отодвинутые в мораль, стали недоступны, и действенные хозяйственные побуждения превращаются в право. Так разрывается то, что действует в человеческой жизни: определение права и его прогревание человеческой моралью - разрывается то, что как раз должно быть единством.

В духовной жизни, которая должна иметь собственное управление - разве не станет каждый человек в определенное отношение к ней, если она развивается совершенно свободно, как я это описывал? Он будет воспитан в этой свободной духовной жизни, опять же он даст воспитать своих детей, он имеет свои непосредственные духовные интересы в этой духовной жизни, он связан с ней. И те же самые люди, которые так связаны с духовной жизнью, которые извлекают из нее силу, они же участвуют в правовой или государственной жизни и определяют в ней то, что действует между ними как правовой порядок. Они определяют этот правовой порядок из духа, который они воспринимают из духовной жизни. Этот правовой порядок непосредственно вырабатывается тем, что приобретается отношением к духовной жизни. И, опять-таки, то, что развивается между людьми демократически на почве правового порядка и что человек таким образом воспринимает как импульс своего отношения к другим людям, это он и несет, т.к., опять же, те же самые люди, которые имеют отношение к духовной жизни, они же участвуют и в правовой жизни и хозяйствуют в хозяйственной жизни. Организации, в которые он попадает, род и способ того, как он ассоциируется с другими людьми, того, как он вообще хозяйствует, все это пронизано тем, что он развивает в духовной жизни, ибо это те же люди, которые участвуют в трехчленном социальном организме; и не каким-либо абстрактным порядком, а посредством самих живых людей будет вырабатываться это единство. Нужно лишь, чтобы каждый из членов (социального организма), благодаря своей самостоятельности, развивал свою природу и сущность; именно так он сильнейшим образом сможет работать в направлении к единству. Каждый из членов

может так работать, тогда как из-за внушения единого государства распадается даже то, что в жизни так внутренне сопринадлежит одно другому, как право и мораль. Следовательно, импульс трехчленности социального организма действует не для того, чтобы разделять сопринадлежащее, а чтобы действительно приводить к совместному действию то, что должно действовать совместно.

Духовная жизнь, которую я вчера описывал, может развиваться лишь на своей собственной свободной основе. Но тогда, если ей предоставлено равное право наряду с обоими другими членами социального организма, она явится не чуждым жизни образованием, как та духовная жизнь, которая столетиями развивалась отчужденно и абстрактно, а будет развивать движущую силу, чтобы непосредственно вмешиваться во внешне действительную правовую и хозяйственную жизнь. Может показаться парадоксальным противоречием, когда, с одной стороны, утверждается, что духовная жизнь должна стать вполне самостоятельной, развиваться из своих собственных основ, и, все же, с другой стороны, она сможет вмешиваться в самые практические стороны жизни. Но именно тогда, когда дух предоставлен самому себе, он развивает импульсы, которые могут охватывать всю жизнь. Ибо этот предоставленный самому себе дух не понуждается прислушиваться к тому, что человек должен развивать во имя какого-то государственного шаблона; также не определяется он и тем, что поддерживается определенной экономической мощью, но он будет развиваться из условий человеческой индивидуальности, из наблюдения человеческих способностей, которые хотят проявиться в каком-нибудь поколении.

Но то, что хочет так выступить в каком-нибудь поколении, охватит не только природу, но, так как дух распространяет свой интерес на жизнь в целом, охватит прежде всего самую человеческую жизнь. Мы осуждены быть непрактичными в духовной области, потому что для собственно духовной жизни были оставлены лишь те области, которые не могут вмешиваться во внешнюю жизнь. С момента, когда духу доверяют не просто регистрировать то, что парламенты определяют как государственное право, а когда будут от себя определять государственное право и каким оно должно быть, с этого момента сделают государственное право своим творением. И с момента, когда духу предоставят вмешиваться в хозяйственную жизнь, в механизм и порядок хозяйствования, он будет развивать определенные точки зрения и положения для этого хозяйства, а не просто предоставлять ему катиться дальше, оставаясь неохваченным мыслями. Тогда и в экономическом кругообороте он покажет себя способным к жизненной практике. Стоит только признать за ним силу вмешиваться в практическую жизнь, и он сделает это. Но такое воззрение на действительность необходимо, чтобы не отделять герметически дух в абстракции, а дать ему вливаться в жизнь. Тогда он оплодотворит экономическую жизнь, в то время как иначе она останется неплодотворенной или оплодотворенной случайными явлениями.

Это нужно принимать во внимание, если мы хотим ясно

видеть как в трехчленном социальном организме должны совместно работать дух, право или государство и экономика. По этим вопросам даже очень проницательные личности современности находятся в совершенной неясности. Эти проницательные личности часто видят, что в экономической жизни, которая изгнала из себя дух, развились состояния, ставшие социально невыносимыми. У нас есть очень видный мыслитель, который нашел, например, следующее: в экономической жизни мы видим прежде всего систему потребления, которая в высочайшей степени ведет к социальным бедам. Те, кто могут, потребляют то или иное, являющееся, в сущности, роскошью. - Этот мыслитель указывает на то, какую роль в жизни человека играет сегодня то, что он называет роскошью, какую роль она играет также в экономической жизни. Конечно это легко; стоит лишь указать, например, на покупку дамой жемчужной нити. Многие сегодня сочтут это еще совсем маленькой роскошью. Но при этом они не задумываются, чего, собственно, стоит эта жемчужная нить в сегодняшней экономической структуре. За стоимость этой жемчужной нити можно в течение шести месяцев содержать пять семей рабочих! Да, это можно понять и искать в этом помощи из духа. Видный мыслитель, которого я здесь имею в виду, нашел, что необходимо, чтобы государство - разумеется, все вдохновляются государством! - ввело высокие цены на предметы роскоши, именно такие цены, чтобы людям вообще отбить охоту создавать такую роскошь. Он не поддается возражению, которое делают очень многие, что когда роскошь обложат налогом, то ее оставят и государство ничего не будет от нее иметь. Он говорит: нет, это как раз правильно, если роскошь прекратится, ибо обложение налогом должно иметь нравственную цель. Человеческой нравственности надо способствовать налогообложением.

Видите, таково мышление. Люди имеют столь мало веры в силу человеческого душевного, человеческого духовного, что то, что должно произрастать из них, хотят вызвать посредством обложения налогом, т.е. права! Неудивительно, конечно, что так нельзя прийти к единодушному расчленению жизни.

Тот же мыслитель указывает затем на то, что приобретение имущества будет несправедливостью, потому что в нашей жизни возможны монополии, что социальная жизнь еще находится под влиянием права наследования и т.д. Он снова делает предложение регулировать все это посредством налогового законодательства. Если как можно сильнее обложить налогом наследуемое владение, тогда, как он думает, возникнет справедливость относительно владения. Так же могли бы посредством государственных законов, то есть правовых положений, действовать против монополий и тому подобному. Примечательно, что этот мыслитель говорит: да, здесь совершенно не важно, чтобы все это действительно определялось посредством государственных законов, налоговых законов и т.д., ибо ценность таких государственных законов весьма спорна, они вызывают совсем не то, что должны вызывать. Теперь, однако, он говорит: дело не в том, чтобы эти законы действительно поднимали нравственность, препятствовали монополиям и т.д., а дело в образе мыслей, из

которого формируются эти законы.

Но таким образом круг полностью замыкается. Видный политический мыслитель современности говорит примерно то, что я вам сейчас охарактеризовал. Этический образ мыслей он хочет вызвать посредством законодательства; но дело не в том, чтобы наступил успех этого законодательства, а чтобы люди имели соответствующие убеждения! Это прямо китаец, который хочет поймать себя за собственную косу. Вот это странное круговое умозаключение, которое основательно действует в нашей жизни. Ибо посредством такого образа мыслей создают сегодня общественную жизнь. И не видят, что нужны основы для действительно нового формирования социальной жизни: духовная жизнь в своей самостоятельности, правовая жизнь в своей самостоятельности, в своей отделенности от хозяйственной организации как таковой.

Такие вещи выступают сегодня особенно ясно, например у Роберта Вильбрандта, написавшего книгу о социализме, которая только что вышла. Тут видно, что у чрезвычайно благомыслящих людей, имеющих прямо-таки моральный облик для нового формирования социальной жизни, выступает, хотелось бы сказать, легкое указание на абсолютную необходимость духовной основы социального устройства, но повсюду отсутствует понимание, как достигнуть этой духовной основы. Роберт Вильбрандт это не человек, говорящий из голой теории. Во-первых, он говорит из теплого и социально-одухотворенного сердца. Во-вторых, он объездил весь мир, чтобы узнать социальные отношения, и он верно описывает в своей книге, как тяжела человеческая нищета по всему цивилизованному миру. Он дал наглядный пример нищеты пролетариата в цивилизованном мире. Но он также со своей точки зрения указал на то, что в разнообразнейших областях, в которых сегодня социальный вопрос стал актуальным, люди пытались строить заново, но они либо терпели провал, либо, как ясно обнаруживается в сегодняшней Германии, должны провалиться; и Роберт Вильбрандт пришел к полной ясности в понимании того, что все попытки, строящиеся на сегодняшнем понимании, должны терпеть фиаско. Приблизительно этим он кончает свою книгу. После того, как на это указывается в разных местах его книги, она заканчивается таким странным образом. Он говорит: эти попытки должны провалиться, ни к какому построению они не приведут, ибо у социального организма сегодня нет души, и пока он не обретет душу, он не произведет ничего плодотворного. - Чрезвычайно интересно, что книга заканчивается на этой ноте, что она не говорит как же должна быть найдена эта душа.

Именно этого хотел бы импульс трехчленности социального организма: не говорить теоретически, что необходима душа, и ждать, пока душа сама появится, а указать на то, как будет развиваться душа. Она разовьется, если высвободят духовную жизнь из государственной и экономической жизни. И тогда эта духовная жизнь, если только она сможет следовать тем побуждениям, которые человек сам себе создает для духа, станет достаточно сильной, чтобы вмешиваться также в остальную практическую жизнь. Тогда эта духовная жизнь будет формироваться так, как я попытался вчера описать. Тогда

она будет содержать действительность в себе. И тогда о ней можно будет сказать, что на нее мы в состоянии возложить то, что, например, возложено на нее в моей книге "Сущность социального вопроса в жизненных необходимостях настоящего и будущего".

Конечно, сегодня можно указать на то - и мы это сделали во втором докладе - что в общественном экономическом процессе действует капитал. Но если просто говорят о том, что капитал должен быть упразднен или переведен в общее владение, то не имеют понятия о том, как, собственно, в сегодняшней экономической жизни действует капитал, особенно при сегодняшних производственных отношениях, как необходимо, чтобы имели место накопления капитала, чтобы способные люди путем управления массами капитала могли работать для служения обществу. Поэтому в моей "Сущности социального вопроса" управление капиталом было сделано зависимым от духовной жизни при содействии самостоятельной правовой жизни. В то время, как мы сегодня говорим, что хозяйствует сам капитал, от импульса трехчленности социального организма желают, что, хотя и можно было создавать накопления капитала, но чтобы управление этим скоплением капитала возможно было тому, кто из духовной жизни развил необходимые способности для какого-нибудь предприятия, но чтобы, однако, эти скопления капитала управлялись тем, кто их собрал, лишь до тех пор, пока он может ими управлять лично. В момент, или, по крайней мере, вскоре после того момента - нам незачем сегодня входить в подробности - когда он со своими способностями не может больше сам заниматься управлением капиталом, если он чувствует себя к этому неспособным, он должен дать позаботиться о нем какой-нибудь корпорации духовной жизни, чтобы это предприятие могло снова перейти к наиболее способному, который сможет им управлять на благо общества. Это значит, что переход предприятия к какому-либо индивидууму или группе индивидуумов связан не с покупкой, а с тем, что происходит из возможностей самого человека, от способного к способному. От этого перехода зависит социальное благо будущего. Этот переход, однако, не будет экономическим, как теперь, а будет происходить из импульсов человека, которые он получает из самостоятельной духовной жизни и из самостоятельной правовой жизни. В духовной жизни будут существовать даже корпорации, связанные со всеми другими областями духовной жизни, обязанностью которых будет управление капиталом.

Так мог я переход средств производства к обществу заменить циркуляцией средств производства в социальном организме, переходом от способного к способному; и эта циркуляция зависит от самостоятельности духовной жизни, которой она известным образом вызывается, производится. Так что можно сказать: в том, что действует в экономическом обороте, действует сила правовой и духовной жизни. Нельзя помыслить себе единство в экономической жизни более тесным, чем оно будет производиться такими мероприятиями. Но поток, включающий в себя экономическую жизнь, происходит из самостоятельной духовной жизни, из самостоятельной правовой жизни. Человек не будет больше отдан на волю

случая, действующего просто посредством спроса и предложения или других факторов, но в экономической жизни будет действовать разум и правовые отношения между людьми. Следовательно, будут сотрудничать дух, право и экономика, хотя они и будут управляться отдельно друг от друга, потому что человек, принадлежащий всем трем, будет вносить необходимое из одной области в другую. Конечно, чтобы это возникло, люди должны освободиться от многих предрассудков.

Сегодня еще совершенно уверены, что средства производства, земля и почва есть вещи экономической жизни. Импульс трехчленности социального организма желает, чтобы в хозяйственной жизни управляли лишь противостоящие друг другу ценности, к которым должны будут приближаться цены, так что определение цен есть то, что, в сущности, выходит в конечном счете из управления хозяйством.

Но сделать определение цен справедливым невозможно, если в хозяйственной жизни действуют средства производства, земля и почва как таковые. Право на распоряжение землей и почвой, которое сегодня концентрируется в праве собственности на них, и право на распоряжение готовыми средствами производства должны быть не хозяйственными делами, а делами частью духовными, частью правовыми. Это значит, что перевод земли и почвы от одного лица или группы лиц к другой, должен быть не следствием покупки или наследования, а передачей на основе права или из принципов духовной жизни. Средства производства, которые преимущественно лежат в основе образования капитала, могут что-нибудь стоить лишь до тех пор, пока они не готовы. Когда они готовы, тогда ими управляет тот, кто вызвал их к существованию, ибо он лучше всех понимает их, но лишь до тех пор, пока он может это делать сам. Позже они представляют собой не товар, который может быть продан, а могут быть переданы от лица или группы лиц другим лицам лишь посредством правового или соответственно духовного назначения, реализуемого через право.

Так то, что сегодня неправильным образом находится в хозяйственной жизни - право на распоряжение землей, почвой и средствами производства - будет поставлено на самостоятельную правовую основу при содействии основы духовной.

Сегодняшним людям эти идеи еще могут показаться чуждыми. Но это как раз печально, горько, что они кажутся чуждыми. Ибо только посредством того, что эти вещи войдут в человеческий дух, в человеческие сердца и души, так что люди будут вести себя согласно им в социальной жизни, лишь тогда сможет прийти то, что столь многие хотели бы осуществить совершенно иным образом, но никогда не могли осуществить. Нужно, наконец, понять, что многое, кажущееся сегодня еще парадоксальным, действительно здоровой социальной жизни будет казаться само собой разумеющимся.

Не из страстей, влечений и эмоций, из которых сегодня часто выставляются социальные требования, выдвигает свои требования импульс трехчленности социального организма. Он выдвигает их из изучения действительного развития человечества в новое время и вплоть до настоящего времени.

Он видит, например, что в ходе долгих столетий одна социальная форма упраздняла другую. Возвращаясь дальше позднего средневековья - в позднее средневековье еще простиралось что-то, особенно в европейском цивилизованном мире - мы находим такую структуру общественной жизни, о которой можно говорить как об обществе власти. Общество власти возникало вследствие того, что - чтобы привести только один пример - какой-нибудь завоеватель со своей свитой обосновывался где-нибудь, делая свою свиту рабочими. Тогда посредством индивидуальных свойств вождя или его индивидуальных способностей, или мнимых индивидуальных способностей возникало социальное отношение между его властью и властью тех, кого он сначала привел и которые затем стали его слугами или его рабочими. Тогда то, что брало начало в одном или в аристократической группе некоторым образом как образцовое для социального организма, переходило на всех, продолжало жить в общности. Воля, которая была в общности, была лишь отпечатком, проекцией единичной воли.

Под влиянием нового времени, разделения труда, капитализма, технической культуры на место этого общества власти, но целиком продолжая его импульсы, среди людей выступило общество обмена. То, что производил отдельный человек, становилось товаром, который он обменивал другим. Ибо, в конце концов, денежное хозяйство также не является ничем другим, т.к. оно есть связь с другим отдельным человеком или с другой группой. Оно есть обменная связь. Общество становится обменным обществом. Тогда как в обществе власти общность должна иметь дело с волей отдельного человека, которую она воспринимает, обменное общество, в котором мы еще находимся и выйти из которого стремится значительная часть сегодняшнего человечества, должно иметь дело с волей отдельного человека, противостоящей воле другого отдельного человека, и только из совместного действия от одной единичной воли к другой, как случайный результат, возникает общая воля. Из того, что происходит между отдельными людьми, здесь всходит то, что образуется как экономическое общество, что образуется как богатство, что развивается как плутократия [прим.: правление богатых] и т.д. Во всем этом, однако, действует то, что имеет дело со столкновением одной единичной воли с другой.

Нет ничего удивительного, что старое общество власти не могло стремиться ни к какой эмансипации духовного. Ибо тот, кто был вождем, из-за своих способностей признавался также вождем духовного и вождем правового порядка. Понятно, однако, также, что в обществе обмена особенно преобладает правовой, государственный, политический принцип. Мы ведь видели, на чем, собственно, хочет основываться право, хотя в сегодняшнем социальном порядке это желание не приводит к правильному выражению. Право, в сущности, должно иметь дело с тем, что отдельный человек должен делать как равный по отношению к другому, равному ему. В обществе обмена отдельный человек должен иметь дело с отдельным человеком. Таким образом, общество обмена заинтересовано в том, чтобы превратить экономическую жизнь, где также отдельный человек должен иметь дело с отдельным человеком, в правовую

жизнь, т.е. экономические интересы преобразовать в правовые положения.

Как старое общество власти переходит в общество обмена, точно так же из внутренних импульсов человеческого развития это общество обмена стремится сегодня к новому обществу и как раз на экономической почве. Ибо общество обмена, присвоив себе духовную жизнь, сделав ее несвободной, чуждой жизни, мало-помалу стало просто экономическим сообществом, и как таковое оно выдвигается как требование известными радикальными социалистами. Но из глубочайших импульсов сегодняшнего человечества это общество обмена хочет перейти в то, что я хотел бы назвать коллективным обществом сообществом - если это название указывает на что-нибудь, но это новое дело, а для новых дел, как правило, не имеют подходящих обозначений, которые должны быть построены из речи. Общество обмена должно перейти в общество-коммуну.

Как будет сформировано это сообщество? Как в обществе власти единичная воля или воля аристократии, то есть также род единичной воли, известным образом продолжает действовать в обществе, так что отдельные люди в своих волеизъявлениях представляют лишь продолжение воли отдельного человека, и как общество обмена имеет дело со столкновением одной единичной воли с другой, точно так же экономический порядок общества-коммуны должен будет иметь дело с родом общей воли, которая теперь действует обратно на волю отдельных людей. Ибо я объяснил во втором докладе, что в области экономической жизни должны выступить ассоциации различных экономических отраслей, ассоциации производственных отраслей с потребителями, так что везде ведущие хозяйство должны объединиться с хозяйственно потребляющими. Ассоциации будут заключать соглашения между собой. Внутри групп, которые будут или больше или меньше, будет возникать род общей воли. К этой общей воле стремятся многие тоскующие о социализме. Только они представляют себе дело в высшей степени неясным, не разумным образом.

Как в обществе власти единичная воля работала в общности, так же в сообществе будущего общая воля целого должна будет работать в отдельном человеке.

Но как это станет возможным? Что должно быть в общей воле - ведь она должна возникнуть путем совместного действия единичных волей, единичные воли должны дать нечто такое, что не будет тиранией для отдельных людей, в чем отдельный человек мог бы чувствовать себя свободным. Что должно присутствовать в этой общей воле? В этой общей воле должно присутствовать то, что могут воспринимать отдельная душа и отдельный человеческий дух, с чем они могут объявить себя согласными, во что они могут вживаться. Это значит, что то, что живет в отдельном человеке, дух и душа, это должно жить в общей воле сообщества. Это возможно не иначе, чем при условии, что те, кто формирует эту общую волю, из единичной воли несут в своем волеении, в своем ощущении полное понимание отдельного человека. В эту общую волю должно влиться то, что ощущает отдельный человек как свое

собственное духовное и телесное. Только тогда оно должно вноситься.

Иначе было в инстинктивном обществе власти, где отдельный человек был признан общностью потому, что отдельные люди в ней не проявляли своей собственной воли; иначе было в обществе обмена, где сталкиваются единичные воли и выходит род случайной общности; но должно быть по-другому, если на отдельных людей должна действовать организованная общая воля. Тогда никто, принимающий участие в формировании этой общей воли, не может не понимать то, что является истинно человеческим. Тогда нельзя подходить к жизненному воззрению с абстрактным естествознанием, направленным просто на внешнюю природу, никогда не могущим понять целого человека. Тогда должны подходить к жизненному воззрению с духовной наукой, которая вызывает соответствующее ощущение и воле понимание отдельного человека, потому что охватывает всего человека с его телом, душой и духом.

Поэтому если хотят вызвать общественный экономический порядок, то его смогут вызвать, только если сумеют одушевить его из самостоятельной духовной жизни. И эта свободная духовная жизнь не окажется непрактичной, она покажет себя очень практичной. Лишь тот, кто пребывает в несвободной духовной жизни, может жить так, чтобы размышлять о добре, о зле, о правильном и истинном, о прекрасном и безобразном только во внутреннем своей души. Но тот, кто, благодаря духовной науке, смотрит на дух как на нечто живое, кто постигает посредством духовнонаучного познания, тот будет практичен во всех своих действиях, особенно в отношении человеческой жизни. Что он воспринимает в себя из духовного воззрения, то переходит непосредственно в руки, то переходит в каждое жизненное движение, то формируется действительно так, что может вживаться в непосредственную практическую жизнь. Чуждой жизни будет лишь духовная культура, изгнанная из практической жизни. Духовная культура, которой дают влиять на практическую жизнь, развивается к практике. Кто действительно знает духовную жизнь, тот знает, как мало практическая жизнь удалена от того духовного элемента, который отдан своему собственному побуждению. Я хотел бы сказать: никак не является хорошим философом тот, кто при необходимости не может нарубить дрова, ибо кто хочет обосновать философию, не умея приложить руку к практической жизни, тот не обосновывает никакой философии, тот обосновывает чуждую жизни философию. Настоящая духовная жизнь практична.

Под влиянием того, что возникло в течение столетий, можно понять, когда сегодня как раз люди, которые стоят в сегодняшней культурной жизни, сегодняшней ведущей духовной жизни, как, например, Роберт Вильбрандт, написавший свою социализацию из действительно хорошего мнения, из действительно социального морального взгляда, когда такие люди все же говорят: никакая сознательная практическая работа невозможна, т.к. души не хватает - когда они не могут подняться к тому, чтобы спросить о реальности душевного образования, душевного формирования, не могут

спросить: что делает реально свободная духовная жизнь также для государственной, для экономической жизни? Эта свободная духовная жизнь, как я показал, будет правильным образом сотрудничать с экономической жизнью. Но тогда и экономическая жизнь, могущая сотрудничать с государственной и духовной жизнью, всегда сможет формировать таких людей, которые опять создадут побуждение к духовной жизни.

Посредством трехчленности социального организма будет вырабатываться свободная, действительно совместная жизнь. Поэтому к человеку, который из некоего инстинкта, но совсем не из действительного жизненного мужества требует какой-то неопределенной души, неопределенного духа, хотелось бы обратиться с призывом: научись познавать, что такое действительность духа, дай духу то, что он есть, дай душе то, что она есть, и в экономической жизни тоже появится то, что суть экономика.

Ответы на вопросы пятого доклада

Прежде всего поставлен такой вопрос:

Я боюсь, что трехчленностью социального организма будет порожден вечный схематизм, как у немецкого идеализма, особенно у Канта, который вогнал всю богатую духовную жизнь в схему трехчленности мышления, чувствования и воления.

Простите, если сначала я укажу на нечто личное. В самых разнообразных книгах - а я написал большую серию, слишком большую - я поставил себе задачей изложить неправильность, в известном отношении даже предосудительность кантианства в мировоззрении. Сегодня это поистине непопулярное занятие. И я все снова должен был указывать на это в особенности потому, что я чувствовал, что сформированное из действительности мышление прямо противоположно кантовскому. Хотелось бы сказать: кантовское мышление потому столь любимое, что оно схематизирует. Кто следил за моими докладами здесь, тот найдет, что хотя я также должен употреблять слова, но схематический дух в этих словах, в этих объяснениях мог бы найти только тот, кто сам вначале его внес. В том, как я пытаюсь рассматривать действительность, не лежит ничего схематизирующего, но когда человек вообще говорит, он должен употреблять слова, и тогда дело только в том, чтобы он был правильно понят. Я говорю не так, что имею в виду какую-нибудь философскую схему, а хотел бы учитывать целостность жизни.

По этому поводу необходимо затронуть нечто личное. Я скоро завершу свой шестой десяток и фактически проделал многое, был своей судьбой приведен во многие области жизни, смог узнать, что живет в самых различных классах, сословиях современных людей, узнал именно так, что здесь поистине лежит в основе никакой не схематизм, а полнота жизни. И из этой полной жизни у меня возникли воззрения, которые многие люди не сразу находят понятными, потому что как раз

схематизм, который сегодня так излюблен, недостаточен для их понимания, но требуется известный жизненный инстинкт, чтобы правильно познать эти вещи. Правда, одного я никогда не делал: сам не принадлежал ни к какой партии - хотя я знал партийных людей от самых крайних правых до радикальнейших левых, а также центр. Может быть, именно этому обстоятельству - по крайней мере, по моему собственному мнению это так - я обязан известной непредвзятостью.

Так что поистине выдвигаемому мной в качестве трехчленности социального организма не соответствует никакой схематизм, но везде, где обращаются к жизни, она проявляет себя в этой трехчленности. Прочтите мою книгу "О загадках души": там дело вовсе не в схематизме, согласно которому я, к примеру, хотел бы разделить весь человеческий природный организм, как Кант очень аккуратно разделил духовную жизнь на три подразделения, а там это сделано так, что действительно друг в друге работают три члена. Это не схематизм, когда описывают что-нибудь из действительности, где появляются три члена, и при этом называют эти три члена. Когда делят согласно субъективным точкам зрения, то это нечто совершенно иное, чем когда пытаются воспроизводить действительность. И в основе образа мыслей, который здесь проявляется, лежит как раз то, что действительность берется как таковая, не утверждается ничего такого, что не диктовалось бы самой действительностью.

Я хотел бы показать это вам над одним примером: однажды в одном южно-германском городке я читал лекцию о мудрости христианства. Там были также два католических священника. И так как лекция как раз не содержала ничего такого, что они могли бы оспаривать по содержанию, то после нее они подошли ко мне и сказали: да, видите ли, мы ничего не можем сказать против того, что вы сегодня преподнесли; но вы преподнесли это так, что обращались только к некоторым людям, которые своим образованием предназначены прислушиваться к этим вещам, тогда как мы обращаемся ко всем людям. - И я сказал тогда: то, что вы и я воображаем себе, что мы обращаемся ко всем людям, это субъективно, это, в сущности, может вообразить себе каждый человек: ибо зачем бы ему было вообще обращаться к людям, если бы он не верил, что то, что он говорит, общезначимо и ясно. Но дело совсем не в этом субъективном. Дело в том, выражают ли объективные факты и ведут ли себя в духе этих объективных фактов. И теперь я вас спрашиваю: вы утверждаете, что обращаетесь ко всем людям; это ваше субъективное мнение, по-моему, также ваше субъективное устремление; но идут ли все люди к вам в церковь? Это было бы доказательством того, что вы обращаетесь ко всем людям. - Тут они, конечно, не могли сказать: да, это так. Ибо здесь говорили факты, а не субъективные мнения. Тогда я сказал: это мы примем теперь как факт, а к тем, кто не идет к вам в церковь, к ним обращаюсь я, ибо они также имеют право услышать о Христе.

Так предоставляют говорить действительности. Здесь поистине не схематизируют, вообще не обращаются к субъективному, а пытаются указать, каковы действительные импульсы времени. Из таких действительных импульсов

времени хочется говорить.

Представляете ли вы себе трехчленность социального порядка проведенной внутри существующих государств или как-то иначе? То есть, является ли сегодняшнее государство со своими политическими границами рубежом и в новом порядке?

Так вот, формировать что-нибудь плодотворно можно, только если не мелочиться, а думать о действительном развитии, если работать в духе действительного развития. Вы, может быть, уже могли заметить, что как раз в идеях о трехчленности социального организма работают над формированием жизни из духовнонаучных основ. Эти духовнонаучные основы дадут и то, что упускают сегодня знатные мыслители, а именно действительную науку об экономике. То, что сегодня называется экономической наукой, есть лишь сваленные в кучу отдельные частные наблюдения. Это не есть нечто такое, что действительно могло бы стать импульсом к социальному волеию. Действительная наука об экономике может вырасти только из духовно-научных основ.

Так возникает многое в отношении переразграничения социальных организаций. Так, например, законы экономической жизни сами укажут, как должны будут разграничиваться экономические области, экономические территории, так что о будущем следовало бы говорить примерно следующим образом. Действительная наука об экономике показывает: если ассоциации, о которых я говорил во втором и сегодняшнем докладах, станут слишком большими, то они экономически больше не возможны; если они станут слишком малыми, они также экономически невозможны. Внутренними условиями экономической территории, разнообразным производством, разнообразными отраслями, разнообразными областями, которые там существуют, определяется также величина этой территории. Если бы я хотел высказать закон для этой величины, то должен был бы сказать приблизительно так: слишком малые хозяйственные области какого-либо рода действуют вредно потому, что они не позволяют возникнуть ассоциации людей, как бы оставляя ассоциирующихся людей голодать; напротив, слишком большие экономические территории действуют так, что они вредят, заставляют голодать находящихся вне территории. Исходя из этого, из внутренних законов можно определить оптимальную величину экономической территории. Кроме того, если социальный организм действительно тройко расчленен, то совсем не обязательно - об этом я еще должен буду говорить - чтобы духовные границы совпадали с экономическими или правовыми. Большая часть беды в настоящее время, которая разразилась в эту ужасную катастрофу мировой войны и, как я объяснил во вчерашней лекции, еще совсем не кончается, основана на том, что в едином государстве экономические, политические и духовно-культурные границы везде совпадают. Дело, следовательно, в том, что величина территории получится из внутренней закономерности, из самой живой жизни.

Но нужно считаться с развитием. Поэтому начало должно быть положено с тем, что дано. И здесь можно сказать:

сначала, конечно, окажется, что исторические объединения и образования должны работать согласно этому импульсу трехчленности социального организма. Затем, когда его здоровым образом, я не хочу сказать проведут, а будут иметь в себе, тогда из закона жизни, которая тогда возникнет, произойдет и другое.

Следовательно, на это нужно отвечать не теоретически, а в соответствии с жизнью. Так что говорят: то, что, например, получится завтра, будет лишь основой для послезавтрашнего. Следовательно, дело в том, чтобы указать на жизнь, а не изобретать какие-нибудь программы. Такие программы ужасно дешевы, а их придумано поистине уже достаточно.

Будет ли обращение с сельскохозяйственными средствами производства существенно отличаться от такового для промышленных?

Обращение с сельскохозяйственными средствами производства, то есть преимущественно с землей и почвой - ибо если говорить о других средствах производства, они по сути то же, что и промышленные средства производства - особенно сегодня выступает на почве той борьбы, которая ведется земельными реформаторами. Вы легко можете усвоить то, что здесь имеется в виду, если возвратитесь прежде всего к оригинальнейшему земельному реформатору, к "Прогрессу и бедности" Генри Джорджа и его стремлению посредством так называемого "единого налога" выровнять, искоренить несправедливость общественного порядка, которая может быть вызвана удорожанием почвы. Выигрывать по обстоятельствам могут те, кто не производит на земельном владении ни малейшей работы. С этой стороны на службу обществу, по крайней мере в известных границах, будут пытаться поставить прежде всего сельскохозяйственные средства производства.

Так вот, много лет назад я имел дискуссию с Дамашке, который в известном смысле полностью основывается на Генри Джордже, и я сказал ему тогда: нельзя смешивать сельскохозяйственные средства производства с промышленными, ибо имеется существенная разница, которая обусловила различное действие одних и других средств производства для всего социального порядка. Земля имеет определенный размер, земля не эластична. Если два дома стоят рядом, то нельзя растянуть землю, на которой они стоят, так, чтобы между ними построить третий дом. С другой стороны, промышленные средства производства можно, так сказать, держать в эластичности, они могут быть увеличены. Поэтому с ними нужно обращаться по-другому. Нельзя, например, переносить на землю и почву социал-демократическую теорию, которая заостряется преимущественно на промышленных средствах производства. В чем здесь дело, я сказал как раз сегодня в докладе: земля и почва, как и готовые средства производства, должны быть не предметом хозяйствования, а предметом передачи права с духовных точек зрения. Если это имеет место в отношении тех и других, то получаются различия не теоретического рода, а из непосредственной жизни. Подумайте, например, лишь о следующем: промышленные средства производства изнашиваются; они должны все время обновляться. У

сельскохозяйственных средств производства это несколько иначе; дело не только в том, что они не эластичны, но они и изнашиваются в гораздо меньшей степени; по крайней мере, с ними нужно обращаться совершенно иначе, чем с промышленными средствами производства.

Однако, есть еще существенно иное отношение между сельскохозяйственными и промышленными средствами производства. Можно думать о том, что часть доходов промышленности затрачивается на ее подъем, все большее и большее формирование. Здесь часть того, что можно назвать управлением промышленным капиталом, снова поглощается промышленностью. У сельскохозяйственных средств производства это не так. Хозяйственные книги, если бы они велись как общие для всей экономической жизни, показали бы две крайности: одна крайность, например, указывает на производство угля; тогда здесь имели бы примерно все те статьи, которые относятся к промышленному. Другая крайность относится к хлебу, к средствам пропитания в широком смысле, создаваемым благодарю земле и почве.

Так вот, многое из того, что значилось бы в этой общей книге, если бы земля и почва, как и средства производства, были изъяты из экономики и переданы правовому и духовному порядку, - многое из этого сегодня заволакивается тем, что промышленность слилась с управлением землей и почвой. Стоит только быть промышленником и иметь закладные на землю и почву, как слияние налицо. Но оно происходит и посредством многих других вещей. Если бы это было не так, то попросту видели бы, что мировая экономика сегодня держится - как бы парадоксально это сегодня иным это ни казалось - что действительно продуктивны земля и почва, а вся промышленность не продуктивна, а содержится доходами от земли и почвы. Как бы странно для многих это ни звучало сегодня, все же это так. Любое промышленное предприятие есть, в сущности, то, что в сельском хозяйстве называют поедающим имуществом, то есть, имуществом, которое, собственно, поглощает свои доходы.

Сегодня совсем не рассматривают все хозяйство. Оно скрыто многообразнейшими обстоятельствами. В действительной жизни, однако, возникли бы точки зрения, которые могли бы служить мерилем при передаче сельскохозяйственных средств производства с одной стороны и промышленных средств производства - с другой.

На промышленном полюсе при этой передаче будут иметь значение преимущественно индивидуальные духовные способности людей, то, что они могут, что они изучили, к чему предрасположены. При сельскохозяйственной передаче имеет значение другое, например, родство человека с землей и почвой. Здесь нужно принимать во внимание, что тот, кто имеет наилучшие способности, чтобы обработать землю и почву в дальнейшем, не может быть избран абстрактным образом по своему духовному предрасположению, а должен быть некоторым образом сращен с почвой. Если бы смысл трехчленности мог быть правильно объяснен как раз в деревне, то с этим бы согласилось бы все крестьянство. Разумеется, если выходит кто-нибудь с обычной репутацией ученого, то его люди,

конечно, не будут слушать, ему нечего сказать; но если дело преподносится людям правильным образом, то они ничего не будут иметь против. Ибо согласно этому принципу будут действовать именно в сельском хозяйстве. Совершенно в этом духе думают и действуют не в крупных земельных владениях, а в крестьянстве, если не вмешивается нарушающим образом государство.

Дело, следовательно, в том, чтобы точка зрения возникла из взгляда на конкретное положение вещей. Жизнеспособный социальный порядок состоит не в том, что создаются программы, а в том, чтобы при нем могла существовать жизнь. Тогда сама жизнь будет еще нечто приносить.

Как видите, этим импульс социальной трехчленности, изложенный здесь, отличается от всевозможных программ, которые сегодня дешевы, как ежевика. Эти социальные программы устанавливают: во-первых, во-вторых и т.д. Они, собственно, все схематизируют. Идея трехчленности социального организма такого всезнайства себе совершенно не приписывает, а хочет, чтобы люди сами могли кооперировать, чтобы соответственно сформировать социальный организм. Она хотела бы только привести людей в такие отношения, чтобы из этого мог возникнуть соответствующий социальный порядок. Если бы только поняли, что в этом есть принципиальное различие между импульсом трехчленности и остальным, выступающим сегодня, то увидели бы, что трехчленность черпает именно из полноты действительности.

Поэтому я часто говорил: дело совсем не в том, что то или иное должно быть таким или иным. Я, пожалуй, даже сказал бы радикально: когда берутся за дело, то получается, может быть так, что не остается камня на камне [от первоначального плана], но возникает нечто такое, что совершенно определенно имеет прочность, ибо была ухвачена действительность. Как раз тогда, когда обращаются к действительности, получается, может быть, нечто совершенно иное, чем поначалу программировалось. Но дело в том, чтобы не устанавливать какие-либо программы, а показать, как стоять лицом к действительности.

В начале ответа на вопросы первый посетитель взял слово для более длительных рассуждений. На это д-р Р. Штейнер ответил:

Теперь еще несколько слов относительно того, что сказал уважаемый господин предшествующий оратор. Он сказал, например, что трехчленность всегда существовала. Я очень хорошо понял, что он это сказал, ибо он смешал сказанное мною с чем-то другим. Он также ясно указал, что он перепутал: он все время говорил именно о «трехчленности социализма», если я его правильно слышал. Я, конечно, никогда не говорил о «трехчленности социализма». Это мне кажется полной невозможностью. Ибо социализм как мировоззрение может, конечно, быть только чем-то единым. И лишь когда мыслят так абстрактно, пытаются говорить: ну, жизнь всегда была тройственно разделенной, зачем же теперь говорить об этой трехчленности, тройственной разделенной жизни? Да, это именно то, в чем здесь дело!

Конечно, жизнь всегда была тройственно разделена, и дело не в том, чтобы делить жизнь на три. Она делится так сама собой. Дело в том, что в управлении жизнью поступали не всегда правильно, чтобы трехчленную жизнь правильным образом направлять, упорядочивать, ориентировать. Это само собой разумеется, что жизнь трехчленна. Как раз об этом и речь! Поскольку жизнь трехчленна, спрашивают: что нужно делать, если должно выйти единство, чтобы оно действительно вышло? — Оно не вышло для последних стол. и современности. Следовательно, дело не в том, чтобы найти новый путь. Это в высшем смысле абстрактный, чуждый жизни образ мыслей — хотя он и думает, что дружелюбен действительности — когда в само собой разумеющихся вещах хотят покончить с тем, что считается само собой разумеющимся. В жизни слишком часто выходит, что такие само собой разумеющиеся вещи двигают в неправильное русло, и тогда из этого выходят жизненные кризисы. Вот то, на что я особенно хотел обратить внимание.

Точно также это просто оборот речи, когда говорят: из хозяйства вместе с духом приходит право. Что же, совершенно верно, оно приходит; если когда-нибудь будет трехчленный организм, то придет и право. Но оно придет именно так, что сначала найдут, как оно должно прийти. Это должны устроить люди. Следовательно, нужно поразмыслить о методе, его нужно устроить. Затем были высказаны многие другие воодушевляющие мысли о связи духовной жизни с практической работой. Я не хотел бы останавливаться на личном, иначе я легко мог бы доказать уважаемому предшествующему оратору, что я на протяжении всей своей жизни старался связать практическую работу с духовной жизнью. Но от меня не должны требовать того, что требовали во время других дискуссий, чтобы практическая жизнь в этой области состояла в работе в рамках какой-нибудь, партии. Именно это многие подразумевали под «практической социальной работой».

Эта практическая социальная работа есть часто очень теоретическая и непрактическая социальная работа. Следовательно, эти вещи никак нельзя смешивать с действительной жизненной практикой. Затем было сказано, что для того, чтобы действительно наступило улучшение, оздоровление отношений, рабочим нужно заняться духовными основами социальной жизни. С этим я полностью согласен, но думаю также, что в этих докладах я уже указал, как именно рабочие могут заняться духовными запросами. Я уже указывал на то, что на протяжении ряда лет я был учителем рабочей общеобразовательной школы, что я тогда нашел рабочих очень хорошими, что нашел также тон, чтобы к.р. научно говорить сердцам рабочих. Но только затем пришли вожди; они меня выставили, если так можно сказать по-немецки, потому что они хотели, чтобы слушали только их и то, что они повелевают. Я уже раньше рассказывал это вам в этих докладах. Когда я сказал: если здесь не должна господствовать свобода преподавания, то где же она будет? — то первый из вождей ответил: свобода преподавания, этого у нас не может быть, разумное принуждение, вот что нужно! Да, видите ли, вместе с

этим я мог бы вам привести многое, что было бы хорошим средством для современных рабочих фактически прийти к схватыванию духовных основ для нового социального формирования. Эти средства были бы следующими: отказаться от большинства современных вождей, которые вовсе не имеют в виду честным образом провести новое социальное формирование, а имеют в виду нечто совершенно другое, к чему, однако, сегодня еще гораздо больше прислушиваются, чем католики прислушиваются к своим епископам. Это нечто такое, что должно быть принято к сердцу. И я убежден вот в чем: в широких массах народа сегодня господствует так много здравого смысла, что в то мгновение, когда иные вожди падут, наступит гораздо более действительное, здоровое понимание.

Сегодня нам необходимо, чтобы люди снова кристаллизировались вокруг идей, вокруг действительных идеальных импульсов, из которых сможет быть сформирована жизнь, чтобы старые партийные шаблоны и партийные программы были преодолены, ибо это они главным образом мешают здоровому прозрению, а также здоровому действию в духе такого прозрения. Нужно только также из полной действительности искать то, что может вести ко благу. Простое требование этого не сделает, как не сделало простое требование упразднения капитала — но нужно смотреть, как должен работать капитал. Ибо «упразднение», это легко. Т.е., это потому не легко, что ведет к руинам. Но если хотят выйти из бед капитализма, то необходимо нечто другое. Как необходимо заглянуть в действительность в этой конкретной области, также необходимо увидеть действительность в целом в сегодняшней человеческой жизни и сказать себе, что партии часто живут еще лишь абстрактными предписаниями своих программ, но больше не связаны с жизнью. Это, однако, особенно необходимо там, где речь идет о действительно новом строительстве в области социальной жизни. Вот то, что я хотел бы сказать сегодня, хотя для выяснения таких вопросов нужно было бы коснуться еще многого.

Доклад шестой 30 октября 1919 г

Национальная и интернациональная жизнь в трехчленном социальном организме

Многим, может быть, покажется несколько странным, как я обращаюсь с данной темой. Странным, полагаю, в том отношении, что, пожалуй, могут сказать: ну да, это были отдельные идеи, мысли о некоем возможном устройстве социальной структуры; многое же, как раз в социальном ионросе сегодня часто повторяемое в виде лозунгов, в этих докладах менее заметно. Конечно, прежде всего должны быть мысли и идеи, о них здесь и идет речь.

Но я полагаю, что сумел показать также отличие этих мыслей и идей от многого другого в этой области, что преподносится примерно так: вот, мол, отсутствует

равномерное распределение жизненных благ; это происходит из-за тех или иных несовершенств; эти недостатки должны быть устранены — и тому подобное. Такие речи сегодня слышны часто. Мне кажется, дело здесь больше в том, чтобы и в этой области поступать также, как обычно и практической жизни. Если речь идет о каком либо продукте, который должен быть произведен машиной и нужен человеку для удовлетворения его потребности, то недостаточно набросать программу и сказать: вот эти несколько человек, которые будут организованы так-то и так-то, должны вместе действовать, чтобы произвести этот продукт.- Примерно так звучат разные социальные программы, учреждаемые в настоящее время. Для меня дело гораздо более в том, чтобы указать, как машина, в данном случае социальный организм, должна быть расчленена и устроена, дабы могло быть создано то, что содержится в более или менее осознанных или неосознанных социальных требованиях современности. И, я надеюсь, никто не станет говорить, что эти доклады, мол, не касаются того, как производить хлеб, уголь и тому подобное. Речь в них идет о том, каковы, собственно, основы социального организма, как в том социальном организме должны люди жить и совместно работать, чтобы получилось именно то, что содержится в социальных требованиях. Я хотел это предпослать сегодняшнему заключительному докладу, потому что, пожалуй, как раз в отношении него может быть брошен подобный упрек.

Только тот познает международную проблему как часть всего социального вопроса, кто увидит, как цена куска хлеба у каждого на столе связана со всем мировым хозяйством, кто увидит, как приходящее из Австралии или Америки, вырабатываемое там влияет на возникающую здесь цену куска хлеба или угля. Но ввиду всевозможных существующих здесь суждений и предрассудков сегодня нелегко говорить о международной проблеме. Ведь международная жизнь людей за последние пять лет странным образом приведена к абсурду. Разве в широчайших кругах не было веры в то, что интернациональное чувство, интернациональное понимание вошло в новое человечество? И куда же мы пришли с этим интернациональным чувством, интернациональным пониманием? К саморастерзанию народов в значительной части цивилизованного мира. И те идеи и идейные устремления, которые выше всего ценили как раз свой интернациональный характер, оказались непригодными даже для своего собственного воззрения. Стоит подумать лишь о том, как часто международное христианство — ибо оно должно быть международным — в своих словах, в своих высказываниях и воззрениях пользовалось национально-шовинистическим языком. И, можно было бы указать еще на многие интернациональные импульсы, потерпевшие крушение в это последнее время. Может быть, как раз тогда, когда в международной жизни человечества заговорят о хозяйственном, окажется необходимым многое переосмыслить и многому переучиться. И необходимо будет добраться до тех источников человеческой природы, найти которые можно, лишь взирая на дух и душу. Я надеюсь, что последние доклады по крайней мере попытались показать, что тогда будут не просто бросаться на лозунги «дух» и «душа», но устремятся к

действительному господству духовного и душевного.

То, что люди развивают в своей совместной жизни, в своем сотрудничестве, по всему миру будет подчинено двум импульсам; двум импульсам, относительно которых прежде всего необходимо, чтобы среди людей господствовало истинное, не прикрашенное всевозможными лозунгами понимание. В человеческой душе живут два импульса, которые относятся друг к другу как северный полюс к южному. Эти два импульса есть эгоизм и любовь. Широко распространено, правда, воззрение, что этично только преодоление эгоизма любовью, лишь когда люди развиваются так, что место эгоизма заступает любовь. У многих это присутствует как этическое требование, а сегодня также и как социальное требование. Гораздо меньше сегодня понимания того, что, собственно, за силовое противостояние образуется между эгоизмом и любовью.

Если мы говорим об эгоизме, то прежде всего должны осознать, что эгоизм для человека начинается с его телесных потребностей. Что проистекает из телесных потребностей человека, мы можем понять не иначе, как помыслив его смещенным в сферу эгоизма. В чем человек нуждается, это происходит из его эгоизма. Нужно, конечно, понимать, что этот эгоизм может быть и облагорожен, поэтому нехорошо свои воззрения в этой области образовывать под какими-либо лозунгами. Заявляя, что эгоизм должен быть преодолен любовью, немного вносят в понимание эгоизма. Ибо дело, например, в том, что тот, кто встречает своих близких чисто человеческим заинтересованным пониманием, действует иначе, чем тот, кто имеет узкие интересы, кто не интересуется тем, что живет в душах и сердцах этих близких, кто не имеет никакого интереса к своему окружению. Поэтому первому, имеющему истинное понимание своих ближних, вовсе не нужно быть менее эгоистичным в жизни, ибо к его эгоизму может относиться служение людям. Отдаваться служению людям может доставлять ему внутреннее удовлетворение, даже вызывать внутреннее блаженство, наслаждение. А затем объективным образом совершенно альтруистические для внешней жизни жизненные проявления могут происходить из кажущегося эгоизма, который, однако, в жизни чувств никак не может быть оценен иначе, чем эгоизм.

Однако проблему эгоизма нужно рассматривать гораздо шире. Эгоизм должен быть прослежен во всей душевной и духовной жизни человека. Нужно иметь ясность относительно того, что духовное и душевное во многих сферах точно также возникает из внутреннего существа человека, как и телесные потребности. Так, например, из существа человека возникает все, что является созданием его фантазии. Из существа человека возникает то, что он создает в художественной области. Непредвзято подходя к труду и стремясь к верному пониманию таких вещей, нужно сказать: то, что создает человеческая фантазия, что происходит из неопределенных подоснов его существа, оно имеет то же самое происхождение, лишь на более высокой ступени, что и телесные потребности. Жизнь фантазии, которая раскрывается, например, в искусстве, рассматриваемая субъективно, полностью основана на внутреннем удовлетворении человека, на удовлетворении,

которое тоньше, благороднее, чем, например, удовлетворение голода, но которое, однако для самого человека качественно не отличается от него, даже если то, что благодаря этому производится, имеет для мира другое значение.

Но в целом эгоизм человека зависит от того, что человек договаривается со своими ближними, что человек живет и работает вместе со своими ближними. И многое из того, что мы развиваем совместно с другими людьми, построено полностью на эгоизме и может принадлежать даже к благороднейшим добродетелям человека. Мы видим материнскую любовь: она вполне основана на эгоизме матери и она производит благороднейшее в совместной жизни человека.

Как то, что основано, в сущности, на эгоизме, ибо человек нужен человеку именно для своего эгоизма, распространяется в совместной жизни семьи, так оно распространяется и на совместную жизнь в роду, так распространяется и на совместную жизнь в нации, в народе.

И то, как именно человек пребывает в народе, в нации, это оказывается ничем иным, как отражением того, что эгоистически от него исходит. В любви к родине, в патриотизме эгоизм, конечно, поднимается на высокую ступень, там он облагораживается, становится таким, что кажется идеалом, правомерно кажется идеалом. Но этот идеал все-таки коренится в человеческом эгоизме. Этот идеал должен произрастать из человеческого эгоизма и осуществляться, дабы все, что может возникнуть в одном народе, могло быть передано также человечеству. Таким образом, мы видим, что из импульса отдельной человеческой души, из эгоизма в конце концов развивается все то, что находит свое выражение в национализме. Национализм это совместно переживаемый эгоизм. Национализм это эгоизм, вознесенный в духовное. Национализм, например, пропитан и прогрет жизнью фантазии того народа, в котором он проявляется. Но сама эта жизнь фантазии есть духовно более высокое развитие того, чем являются человеческие потребности. Нужно вернуться вплоть до этого корня, чтобы благодаря рассмотрению правильно понять суть дела.

Совершенно иначе сформировано то, что развилось в человеческой природе как интернационализм. Национальными мы становимся вследствие того, что национализм распускается из нашей собственной личной природы. Национализм есть цветение роста отдельного человека, который общей со своим родом кровью или как-либо иначе связан со своим народом. Национализм растет с человеком. Он имеет его, вырастает в него, можно сказать так, как он вырастает в определенную телесную величину. Интернационализмом обладают не так. Интернационализм скорее можно сравнить с чувством, которое мы приобретаем при виде прекрасной природы, когда мы увлекаемся к любви, к почитанию, к признанию впечатления, производимого на нас созерцанием, когда мы свободно отдаемся ему. В то время как в собственный народ мы вырастаем, потому что являемся в известном смысле его членом, другие народы мы учимся узнавать. Они действуют на нас, можно сказать, окольным путем познания, понимания. С пониманием мы мало-помалу научаемся любить их, и в той мере, в какой мы

можем с пониманием любить человечество в его разных народах, в разных областях, в той мере растет наш внутренний интернационализм.

Вот два совершенно различных источника в человеческой природе, которые лежат в основе национализма и интернационализма. Национализм есть высочайшее развитие эгоизма. Интернационализм есть то, что все больше и больше проникает в нас, когда мы можем отдаваться исполненному пониманию восприятию человека. В этом свете нужно будет рассматривать совместную человеческую жизнь на всей цивилизованной Земле, особенно когда хотят прийти к правильному пониманию того, что сталкивается в интернационализме и национализме.

Пытаясь понять хозяйственную жизнь, нужно опять-таки обратиться к двум названным выше импульсам в человеческой душе. То, на что в этих докладах было указано как на тройственно расчлененный жизненный элемент человека, это снова приводит нас к обоим только что охарактеризованным импульсам в человеческой душе. Рассмотрим, например, хозяйственную жизнь, как она пронизывает всю национальную и интернациональную жизнь людей. Обращаясь к хозяйственной жизни, мы должны признать ее истоки в человеческой потребности, в потреблении. В конечном счете задача хозяйственной жизни — удовлетворение человеческой потребности. Для этого нужно заботиться о производстве и циркуляции товаров, управлении, связи и тому подобном. И здесь мы можем спросить себя: что из человеческой природы лежит в основе потребностей, потребления? В основе лежит эгоизм. И нужно, чтобы этот факт встречали с необходимым пониманием. Тогда в хозяйственной жизни будут спрашивать не о том, как преодолеть эгоизм, но как можно альтруизму удовлетворять оправданный эгоизм? — Может быть, этот вопрос звучит менее идеалистично, но он правилен.

Однако, как только обращаются к производству, посредством которого удовлетворяется потребление, тотчас видят, что необходимо нечто иное. Разумеется, тот, кто должен производить, в то же время и потребитель. Необходимо, чтобы он понимал не только производственный процесс, но также жизнь своих близких, чтобы он мог так отдаваться производственному процессу, как это соответствует потребности его близких. Человек должен видеть, в чем люди нуждаются для потребления, будь то косвенно или непосредственно с помощью учреждений, о которых мы говорили. Тогда из этого преданного понимания человек может также посвятить себя тому или иному производству, которое соответствует его способностям. Стоит только это описать, и человек, хотя в этой области оно покажется сухим и разумным, должен будет видеть собственный двигатель производства в преданной любви к человеческому обществу. И пока не поймут, что производство может быть урегулировано социальным образом только благодаря тому, что духовной и правовой жизнью будут созданы основы, из которых в человеческую душу будет вливаться преданная любовь к своей области производства — ради интереса к своим ближним, ради интереса к жизни — до тех пор не скажут ничего

положительного о настоящей задаче социальной проблемы.

Между эгоистическим потреблением и управляемым любовью производством стоит циркуляция товаров, благ, которая создает уравнивание между обоими, создает сегодня посредством случайности рынка, посредством предложения и спроса, а в будущем должна будет создавать уравнивание с помощью человеческой ассоциации, ставящей на место случайного рынка разум, так что там будут люди, чьим делом будет из наблюдения нужд потребления устраивать производство, так что рынок будет заключаться в том, что будет в состоянии создавать разум соответствующей организации для потребления, которое сначала правильно познается и наблюдается. В этой области должны будут сначала совершенно отойти от всех лозунгов и подойти к действительности.

Теперь же — кто этого не видит — новое время все больше и больше производит чего-то такого, что должно было выступить при все большем расширении горизонта людей. На место прежнего национального хозяйства, хозяйства на ограниченных территориях, вступило мировое хозяйство. Конечно, это мировое хозяйство сначала присутствует просто как требование. Но это требование зашло так далеко, что почти в любом месте цивилизованного мира потребляются продукты, которые производятся в других местах, безразлично, в той же самой или другой стране. Но и здесь человеческое понимание, человеческое душевное настроение не поспевает за тем, что выступило как мировое требование. Настоятельным требованием нового времени является считаться с мировым хозяйством, достигать организации, при которой мировое хозяйство возможно.

При каких условиях единственно возможно мировое хозяйство?

Это можно правильно понять, только если сначала направить свой взор на то, как должен формироваться в будущем социальный порядок, если место прежнего общества силы, современного общества обмена заступит коллективное общество, сообщество. Это именно общество, в котором производство будет осуществляться ассоциациями, посредством соглашений ассоциаций.

Если это действительно осуществить, то в чем скажется тогда реальное отличие такого общества от общества обмена? Оно скажется в том, что в обществе обмена преимущественно отдельный человек или группа должны иметь дело с другим отдельным человеком или с другой группой. Чем интересуются тогда они в своем отношении друг к другу? Являются ли они потребителями или производителями — их производство, их потребление отделено друг от друга пропастью из-за случайного рынка, и случайный рынок посредничает при циркуляции товаров, при торговле. Как бы оправданным или неоправданным образом ни говорили о господстве капитала и значении труда, нужно сказать: для нашего общества обмена существенно то, что господствующей является циркуляция товаров. Это она создает мост между производством и потреблением, в то время как производство и потребление разделены пропастью рынка так, что они не соотносятся друг с

другом с помощью разума.

Что выступит в обществе-коммуне на место господствующей ныне циркуляции? Вся область хозяйственной жизни будет втянута в интересы каждого, занимающегося хозяйством! Тогда как сегодня занимающийся хозяйством должен интересоваться тем, как он приобретет или сбудет свои продукты, должен заботиться об этом из собственного интереса, в сообществе каждый занимающийся хозяйством должен иметь полный интерес к потреблению, торговле и производству, то есть все ведение хозяйства должно отражаться в хозяйственных интересах отдельного человека. Вот в чем будет дело при обществе-коммуне.

Рассмотрим, однако, теперь, как коллективное общество, которое сегодня и в отдельных государствах является требованием на будущее, должно вести себя по отношению к международной проблеме. Как представляется эта международная проблема особенно по отношению к хозяйственной жизни? Здесь можно видеть, что хотя мировое требование состоит в мировом хозяйстве, но внутри него отчленяются отдельные национальные государства. Совершенно независимо от других исторических условий их возникновения эти отдельные национальные государства будут сначала удерживаться тем, что встает из эгоизма живущих вместе людей. Даже там, где национальное наиболее благородно, в литературе, искусстве и так далее народные группы удерживает вместе поднимающаяся из эгоизма фантазия. Так удерживаемые вместе народные группы включились теперь в мировое хозяйство, особенно сильно, все сильнее и сильнее они включались в начале 19-го столетия, и это включение достигло высшей точки в начале 20-го столетия. Если мы хотим охарактеризовать, что тогда, собственно, произошло, то мы должны сказать: в то время, как прежде между государствами господствовали другие интересы, интересы, которые еще гораздо больше исходили из прежнего общества силы, принципом общества обмена стали преимущественно взаимные связи в международной жизни государств, так что высшая точка была достигнута в начале 20-го столетия. Что производилось и потреблялось в отдельных государствах, что передавалось другим государствам или привлекалось из других государств, это было совершенно втянуто в эгоизм отдельных государств. В этом лишь проявлялось, чем интересовалось отдельное государство. Как устанавливались взаимоотношения государств в хозяйственной области, это целиком и полностью основывалось на принципе торговли, который в обществе обмена управлял циркуляцией товаров.

На этом примере особенно полно проявляется, что чисто меновое общество должно вести к абсурду. И приведение к абсурду было в существенном одним из главных побуждений, главных причин того, что привело к катастрофе мировой войны. В конце концов людям будет становиться все яснее и яснее, что существует большая противоположность между требованием мирового хозяйства и включением в него отдельных государств, которые вместо того, чтобы способствовать внутри своих границ мировому хозяйству, отгораживаются пошлинами и прочим,

притязают для себя на то, что является результатом мирового хозяйства. Это привело к тому кризису, который мы обозначаем как катастрофу мировой войны. Конечно, вмешиваются и другие причины, но это будет одна из главных.

Дело, таким образом, будет в том, чтобы познать, что как раз в отношении международной жизни в самую первую очередь необходимо найти возможность вести хозяйство через границы по другим принципам, чем в чисто меновом обществе.

Должно стать возможным, чтобы также, как в сообществе отдельный человек необходимо имеет интерес к производству, где бы оно ни выступало, интерес к потреблению, где бы оно ни выступало, интересуется всей областью хозяйства — потреблением, производством, циркуляцией товаров, также должно быть возможно найти импульсы, благодаря которым каждое государственное образование могло бы иметь действительно внутренний, подлинный интерес к каждому другому государственному образованию, так, чтобы между народами формировалось не нечто подобное случайному рынку, а господствовало действительно внутреннее понимание. Здесь мы приходим к более глубоким источникам того, что сегодня абстрактно ищут в так называемой Лиге Наций, исходящей из того, что известные повреждения в совместной жизни народов будут исправлены. Но она возникла из того же принципа, из которого сегодня возникает многое. Кто сегодня размышляет о жизненных недостатках, тот часто думает о ближайших поправках, посредством которых можно изменить то или иное. Вот кто-нибудь видит, что существует много роскоши, и хочет обложить налогом роскошь, и тому подобное. Он не думает о том, чтобы дойти до источников того, в чем здесь дело, найти такую структуру социального сожительства, благодаря которой не могла бы возникать невозможная роскошь. Но нужно доходить до таких источников также и в жизни народов, вот в чем дело. Поэтому к искренней международной совместной жизни придут не посредством каких-нибудь определений, действующих исправляюще, а когда действительно придут к источникам, благодаря которым может быть найдено взаимопонимание народов. Но не сможет быть найдено никакого взаимопонимания, если просто придерживаться того, что получается как рост, что должно вести к национализму, к отделению в народности. Ибо что в духовной жизни единственно лишь имеет международный характер и во время войны не было потеряно только потому, что люди в состоянии прихватить его в эту область?

Что сегодня действительно интернационально по всей Земле? В сущности ничего, кроме области естествознания, направленного к внешнему чувственному миру. Интеллектуалистическая наука — как я показал в докладах, естествознание следует называть интеллектуалистическим — она приняла международный характер. И в эти времена легко было заметить, что если кто-нибудь обижал науку, злоупотребляя ею в национальном духе, то он, так сказать, отнимал этим у нее ее истинный характер. Но разве не видно с другой стороны, что этот род духовной жизни, выражающийся в интеллектуализме, не был в состоянии основать

международную жизнь? Я думаю, достаточно ясно видно, что-то бессилие, которое я описал с различнейших точек зрения, особенно отчетливо показало себя в отношении этой интеллектуалистической духовной жизни к интернационализму. Наука была не в состоянии влить в человеческую душу столь глубокие интернациональные импульсы, чтобы та могла устоять против ужасных событий последних лет. И там, где, как в социалистическом интернационализме, эта наука хотела выступить, чтобы образовать социальные импульсы, там оказалось, что этот социалистический интернационализм также не мог удержаться, а большей частью поворачивал в националистический фарватер.

Почему? Потому что от старого наследия человечества он перенял именно только интеллектуализм, а интеллектуализм недостаточно силен, чтобы действовать в жизни формирующе. Вот то, что с одной стороны показывает, что это новое научное направление, которое вошло одновременно с капитализмом и техникой, хотя и содержит интернациональный элемент, но показывает в то же время, насколько оно бессильно для обоснования действительно интернациональной жизни человека. В противоположность этому теперь нужно осуществить то, что я излагал в 4 докладе о духовнонаучном направлении, которое основано на видении, на познании духа. Это духовное видение основано не на внешнем чувственном зрении; оно исходит из развития собственной человеческой природы. Оно распускается из того, из чего распускается фантазия. Но оно распускается из более глубоких глубин человеческой природы. Поэтому оно поднимается не просто к индивидуалистическим порождениям фантазии, а к объективным образам познания духовной действительности мира.

В таком отношении это духовное зрение часто еще не понимают. Те, кому оно неизвестно, говорят: да, но то, что таким образом находится посредством духовного зрения, субъективно, это никто не может доказать. — Математические познания также субъективны и недоказуемы; и никогда нельзя подтвердить математические истины согласием людей! Кто знает теорему Пифагора, тот знает, что она верна, хотя бы миллионы людей возражали против нее. То, что здесь подразумевается под Духовной Наукой, также приходит к внутренне объективному. Но оно идет по тому же пути, что и фантазия, и поднимается выше, коренится в объективных глубинах человеческой природы и возвышается до объективных высот. Поэтому это духовное воззрение возвышается над всем, что воспламеняет народы как фантазия. И одновременно в том или ином народе, из того или иного языка ищется это духовное воззрение. Оно одно и то же для всех людей, по всей Земле, если только его ищут достаточно глубоко. Поэтому это духовное воззрение, о котором я должен был показать, что оно может вмешиваться в социальную жизнь действительно формирующе, в то же время открывает возможность вмешиваться в международную жизнь, быть связующими узами между народами.

Свою поэзию, а также прочие особенности своей духовной области народ производит индивидуалистическим образом. Из индивидуализма народа для духовного воззрения будет вырастать нечто совершенно подобное тому, что возникает где-нибудь в другом месте. Основы, из которых происходят вещи, находятся в разных местах; что в конце концов становится их результатом, это одинаково по всей Земле. Многие люди говорят сегодня о духе; они только не знают, что дух должен быть объяснен.

Однако когда он объяснен, тогда он становится чем-то таким, что не разделяет людей, а связывает, потому что оно выходит к самому внутреннему человека, в котором один человек производит то же самое, что и другой, в котором один человек может полностью понять другого. Однако когда действительно углубляют до духовного воззрения то, что иначе выражается лишь индивидуалистически в отдельных народных фантазиях, тогда отдельные народные откровения будут лишь многообразным выражением того, что в духовном воззрении представляет единство. Тогда по всей Земле смогут существовать разные народные индивидуальности, потому что не требуется господства абстрактного единства, но конкретное, единство, наполненное духовным воззрением, будет выражаться разнообразнейшим образом. И благодаря этому в духовном будет единство, которое смогут понимать, многие. Тогда из своего многообразного понимания единого они найдут возможность существования союза наций, тогда из духовного состояния, из духовного настроения сможет возникнуть также правовой устав, который свяжет народы. И тогда в отдельных народах займет место то, что может быть у каждого отдельного народа: интерес к производству и потреблению других народов. Тогда духовная жизнь народов, правовая жизнь народов сможет действительно развивать понимание других народов по всей Земле. Так или должны будут также и в этой области перейти к духу, или отказаться от того, чтобы даже самым хорошо задуманным уставом создать нечто лучшее, чем было до сих пор.

Конечно, сегодня очень многие люди, и это можно понять, говорят о своем неверии в действие такого духовного; но, в сущности, потому, что они не имеют мужества прийти к этому духовному. Этому духовному поистине делают жизнь очень трудной. Но несмотря на то, что ему делают жизнь трудной, там, где оно может раскрыться хотя бы в малом кругу, оно уже показывает, что оно таково, как я только что представил. Если где-нибудь в воевавшем перед тем государстве узнать настроение людей, узнать то, что люди думали о других, принадлежащих к враждебным государствам, как они их ненавидели, если узнать, как мало было интернационального в такой ведущей войну области, тогда можно судить о том, почему говорящий перед вами все снова и снова приходит на то место, которое я уже упоминал в этих докладах, на северо-западе Швейцарии, где возвращается подразумеваемая здесь Духовная Наука, в Гетеануме, Высшая Школа Духовной Науки. Что это в сущности было за место в течение всех военных лет? В этом месте в течение всех военных лет совместно работали

люди всех наций без малейшего уменьшения понимания друг друга, хотя они и вели много ненужных или нужных дискуссий.

Это понимание, происшедшее из общего усвоения духовного воззрения, уже стало действительностью, хотя и в малом кругу. Мы смогли проделать в этой области эксперимент. Мы смогли показать, что люди, которые захотели на время туда прийти, могли понять друг друга. Но это понимание нельзя искать путем абстрактного указания на дух, а только в теснейшей выработке духа для себя. Об этом сегодняшнее человечество еще мало хочет знать: что дух, собственно, нужно вырабатывать. Сегодня часто говорят, что дух должен прийти — вчера я снова упоминал об этом — и должен пронизать то, что является просто материалистическими социальными требованиями. Но немногие слышат больше, чем то, что нужно апеллировать к духу. Да, если такие люди, которые в остальном являются благомыслящими, проникательными, пронизанными социальным образом мыслей, если бы они только захотели сказать себе: мы, конечно, имеем дух, но можем ли мы сегодня апеллировать к этому духу, который мы имеем? Этот дух как раз завел нас в то положение, в котором мы находимся!

Следовательно, нам не нужно новое положение посредством старого духа. Мы не можем достигнуть его посредством старого духа. Это он показал. Нам нужен новый дух. — Этот новый дух, однако, должен быть выработан. А выработан он может быть только в самостоятельной духовной жизни. Поэтому представим себе, как исполняется требование мирового хозяйства — ибо оно должно будет исполняться по своей собственной необходимости — в этом мировом хозяйстве друг рядом с другом должны будут существовать социальные образования, везде производя из совместно живущих в них людей духовное и правовое индивидуальным образом. Но то, что здесь производится индивидуальным образом, будет как раз средством, чтобы понимать другие социальные образования, и благодаря этому оно будет средством действительно вести мировое хозяйство. Иначе, если такое средство не будет создано, т. наз. национальные интересы будут лишь все снова и снова включаться в мировое хозяйство и претендовать для себя на то, что может быть высосано из этого мирового хозяйства.

Так как каждый хочет этого без понимания других, то неизбежна дисгармония. Каково, однако, неперемненное условие для ведения действительного мирового хозяйства? Его можно вести только при том условии, что духовная организация, правовая организация отдельных образований не будет захватывать это хозяйство, ибо они должны иметь индивидуальный облик.

К общности, к единству вы проникаете лишь в духовном понимании, достигая того, что по всей Земле является разным единством. Это разное единое по всей Земле, вот что эмансипирует Землю от индивидуализма. Но точно также, как верно то, что, достаточно углубившись в человеческую природу, с развитием человека могут подняться до некоторой объективной высоты, так что находят как духовное воззрение то, что каждая нация находит в другой, точно также надо сказать, что и нужды человеческого потребления по всему

миру не будут затронуты отдельным национализмом. Человеческие потребности интернациональны. Они только полярно противостоят тому, чем является интернациональное духа. Интернациональное духа должно дать понимание, должно мочь пронизать в любви это понимание другой национальности, должно распространить любовь вплоть до интернациональности в прежде изложенном смысле. Эгоизм, однако, также интернационален. Он сможет создать мост к мировому производству, только если это мировое производство происходит из общего духовного понимания, из общего духовного воззрения на единство. Из народного эгоизма никогда не сможет возникнуть понимание общего потребления, которое основано на общем эгоизме.

Только из общего духовного воззрения может развиваться то, что приходит не из эгоизма, а из любви, как я объяснил, и что поэтому может овладеть производством. Из-за чего возникло требование мирового хозяйства? Из-за того, что вследствие усложнения человеческих жизненных отношений по всему цивилизованному миру нужды потребления людей стали все более и более однообразными.

Все больше и больше оказывается, что по всему цивилизованному миру люди нуждаются в одном и том же. Как из этих однообразных условий сможет вырасти однородный производственный принцип, который сможет действовать для мирового хозяйства по всему цивилизованному миру? Благодаря тому, что поднимутся к духовной жизни, как здесь имеется в виду, к действительному духовному воззрению, которое достаточно могущественно, чтобы для общего мирового потребления создать общее мировое производство. Но тогда можно произвести и уравнивание, при котором единство духа подействует на единство потребления, тогда будет создано уравнивание в циркуляции, в посредничестве между производством и потреблением. Так нужно заглядывать во внутреннее человека, желая познать, как по всей цивилизованной Земле из множества организмов действительно возникает единый организм. Никаким иным образом нельзя построить этот единый организм, в котором будут условия, чтобы действительно согласно социальным требованиям по всей Земле была создана такая органическая взаимосвязь между производством и потреблением, чтобы кусочек хлеба или уголь, который мне нужен для отдельного хозяйства или для отдельного человека, действительно соответствовал социальным требованиям, которые сегодня предъявляют свои права в подсознании человечества.

Я очень хорошо знаю, что когда вещи перемещают в такую сферу, многие говорят: да, но это идеализм, это поднимается в идеальные высоты! — Но исключительно в них находишь то, что составляет движущий мотор для внешней множественности. И к.р. на том основании, что люди не искали моторов, которые смогут быть найдены только таким образом, мы по всему миру зашли в социальные и политические состояния современности. Социальный вопрос сможет встать на здоровую почву не прежде, чем скажут: те, кто занимаются тем, чтобы действительно создать движущие силы для отдельного

социального организма и для социального организма мира, они к.р. настоящие практики, тогда как те, кто называют себя практиками, знают свою настоящую область лишь рудиментарно и потому абстрактно. Один из тех, кто давно серьезно относился к этому, говоря об известной области человеческой жизни, заметил, что т. наз. идеалисты к.р. не являются теми, кто не знал бы, как относятся идеалы к действительной жизни. Он ощущал, как это бессмысленно, когда приходит т. наз. практик и говорит идеалисту: да, твои идеалы прекрасны, но практика требует совсем другого! — Единственно правильным положением вещей является то, что практика к.р. требует этих идеалов, что они становятся действительной практикой. И осуществлению этих идеалов мешает то, что эти мнимые практики оказываются теми, кто не может их осуществить, потому что они слишком любят удобства или имеют другой интерес в том, чтобы не осуществлять их. И тот же самый человек, который это сказал, сказал также: что идеалы неприменимы в жизни непосредственно, это мы знаем также хорошо, как и другие. Но только мы знаем, что жизнь всегда должна будет преобразовываться согласно этим идеалам. А те, кто не могут убедиться в этом, показывают лишь, что формирующаяся жизнь не может больше рассчитывать на их содействие, и, следовательно, им можно пожелать, чтобы они своевременно получали дождь и солнечный свет, а если возможно, то и хорошее пищеварение.

Вот пример, которым можно охарактеризовать отношение часто обвиняемого в ереси идеализма к действительной жизненной практике: что вам нужно, если вы хотите построить мост? — задача, которой овладевает инженерное искусство полностью по нематериальным идеям: сначала весь мост должен быть идеальным, и к.р. тогда, когда он идеально рассчитан, он может стать действительно практичным мостом; так то, что должно сформироваться из идеализма, из внутреннего практического смысла — должно быть практической идеей. И нужно иметь инстинкт, чувство того, как такую объективную закономерность можно внести в действительную жизненную практику. Тогда не будут больше спрашивать, как внести эти вещи в жизненную практику? — Тогда будут знать: когда есть достаточное число людей, которые понимают эти вещи, тогда благодаря этим людям и их действиям дело станет непосредственно практическим.

Сегодня часто слышно: да, эти идеи часто прекрасны, и даже представленные осуществленными они были бы прекрасными, но люди еще не созрели для этого. Люди в своей массе еще не созрели для этого. Что же, собственно, значит, что люди в своей массе еще не созрели? Кто знает отношение идей к действительности, кто прозревает практическую жизнь в отношении ее действительного характера, тот знает, что в настоящее время есть достаточно людей, которые, если только они достаточно глубоко входят в свое внутреннее, могут проявлять полное понимание того, в чем здесь дело. Что удерживает от этого, это большей частью лишь малодушие. Не хватает энергии действительно проникнуть к тому, к чему можно было бы проникнуть, если только развить в себе полное

самосознание. В чем мы прежде всего нуждаемся, это нечто такое, что, в сущности, мог бы исправить у себя каждый отдельный человек, если только он достаточно взирает на действительность. Но в то время, как с одной стороны люди впадают в материализм, даже получают удовольствие от материализма, с другой стороны они влюблены в абстрактность, во всевозможные абстрактные и интеллектуальные положения, и совершенно не хотят вникать в действительность.

Сегодня думают, что практичны уже во внешней жизни, но не дают себе труда действительно рассматривать вещи так, чтобы можно было познать их в их действительном характере! Кто, например, сегодня получает какое-нибудь утверждение свыше, тот предается ему. Он берет лишь абстрактное содержание. Здесь к.р. можно отдалиться от жизни, но не все больше приближаться к ней. Если сегодня человек читает прекрасную передовицу, то об этом следует сказать, что написать сегодня прекрасную передовицу не представляет особой трудности. Ибо в современной цивилизации думают так много, что стоит лишь овладеть некоторым навыком, чтобы присоединять фразу к фразе. Дело сегодня не в том, чтобы быть согласным с дословным содержанием чего-нибудь, а чтобы приобрести суждение о том, как это содержание связано с действительностью.

Однако в современности многое подлежит исправлению в таком направлении, что нужно сказать: люди должны сегодня стремиться прежде всего к истине, к той истине, которая смело ведет к действительности. Вот 2 примера этого. В разной статистике, — например, о балканских государствах — вы можете прочесть — люди сегодня знакомятся с условиями внешнего мира, судят о каком-нибудь всемирно-историческом положении и тому подобном по статистическим данным: — столько-то греков, столько-то сербов, столько-то болгар! И тогда, мол, можно вычислить, насколько оправданы притязания греческого элемента, болгарского элемента, сербского элемента. Если затем посмотреть несколько точнее, т.е. если соединить то, что приобрел как некое абстрактное знание о числе болгар, сербов, греков в Македонии, тогда, пожалуй, обнаружат, что отец может быть записан как грек, 1 сын как болгарин, а другой — как серб! Теперь хотелось бы знать, как это согласуется с истиной. Может ли семья действительно быть такой, что отец грек, 1 сын болгарин, а другой серб? Узнают ли что-нибудь о действительности, имея составленную из таких предпосылок статистику? Большинство того, что сегодня в мире сопоставлено в статистических данных, основано на таких сопоставлениях, особенно часто в деловой жизни. Потому что относительно того, что им дословно говорят, люди не имеют, потребности проникать к содержанию истинного действительного, поэтому сегодня столь много судят ложно, ибо не вникают в вещи. Люди удовлетворяются тем, что покрывает истинную действительность просто как верхний слой жизни. Но доходить до истинной действительности, это первое требование жизни нашего времени, не болтать, созрели люди или нет, а прямо указывать на главные беды. Люди поймут их

только тогда, когда найдут тех, кто взял на себя труд открыть эти беды и достаточно сильно указать на них.

Или: в начале июня 1917 года мир прочел — часть, мира все еще интересовалась этим — тронную речь тогдашнего австрийского императора Карла. В этой тронной речи очень современно говорилось о демократии, все снова о демократии. Я много читал о ней: как люди были охвачены энтузиазмом оттого, что миру была возведена демократия, как это прекрасно, что миру говорится нечто о демократии. Что же, если взять эту тронную - речь с начала до конца, просто по ее дословному содержанию — это было прекрасное творение, по - фельетонному, если хотят просто радоваться стилю, форме предложений, как они хотят вызывать человеческое удовлетворение прекрасное. Но видишь истину. Выраженное словесно должно быть вставлено в свое окружение. Нужно, спросить: кто это говорит? В каком окружении он говорит это? И здесь виден стоящим в древнейшем коронационном облачении, блестя всей возможной роскошью, средневековый властитель, не скрывая это в своем произведении, окруженный блестящими, обшитыми золотыми галунами паладинами; совершенно средневековый, и то, что он на самом деле говорит, говорит об ином, нежели о демократии! Что такое речи о демократии, как бы они ни были прекрасны, в таком изложении? Всемирноисторическая ложь!

От буквального содержания сегодняшних вещей нужно вернуться к созерцанию действительности. Нужно понимать вещи не просто интеллектом, нужно войти в воззрения. Именно этого требует духовная наука. Человек недооценивает внешнюю действительность не безнаказанно. Кто я духовнонаучном смысле правильно хочет познать духовную действительность, хочет видеть лишь духовный мир, тот должен прежде всего привыкнуть к абсолютнейшей истине в чувственном мире: не предаваться никакому обману относительно того, что происходит вокруг него для его пяти чувств. Как раз тот, кто хочет проникнуть в дух, должен применять свои здоровые пять чувств в истине, не предаваясь фантазированию, которому предаются именно так называемые деловые люди, многие практики, очень почитаемые, которым отдан почти весь мир.

Мы нуждаемся не в жалостных стенаниях о том, что люди не зрелы, а в указании на то, что мы должны быть правдивы, наивнутреннейше правдивы. Тогда в мире не будет неправдивых речей о духе и все снова о духе. Тогда не будут звучать в мире неправдивые речи о различии между правом и моралью, а будет звучать нечто о работе, которая должна выработать дух. Тогда зазвучит нечто о том, как, если будет выработан дух, люди станут жить в такой связи, что найдут также для себя равное право и впервые смогут говорить о том, как одухотворенное и пронизанное правом хозяйство сможет основать действительно сообщество коммун.

Гораздо необходимее, чтобы поняли, что существует достаточно людей, которые по меньшей мере внутренне берут себя в руки, чтобы смочь понять в самих себе такие указания. Нужно только все больше и больше подчеркивать эти вещи. Не следует только верить, что когда говорят: должен

господствовать дух — то этот дух придет в мир по какому-нибудь волшебству. Нет, этот дух сможет прийти в мир только благодаря человеческой духовной работе. Также и в этом отношении речь идет о том, чтобы стали правдивыми, чтобы не давали все снова звучать в мире неправде, что должен быть дух, но чтобы давали звучать истине: дух будет, только если будут центры, в которых будут работать не только над внешней природой, не только в смысле материализма. а где будет вырабатываться духовное воззрение Я думаю, что как раз в этих докладах я показал, что из этого духовного воззрения произойдет и действительное социальное понимание жизненных привычек человечества в настоящее время и в ближайшем будущем. Дело в том, чтобы как раз в отношении духовного стремления люди стали правдивыми. Ибо дух может быть найден только на пути истины.

Это только оговорка, если говорят: люди этого не знают. — При духовном стремлении дело в том, что если бессознательно последовали за ложью, то эта ложь действует в мире столь же вредно, как и тогда, когда за ней следуют сознательно. Ибо в настоящее время человек имеет обязанность поднять бессознательное в область сознания, чтобы уничтожить неправду во всех областях, также в области бессознательного.

Ответы на вопросы после шестого доклада

Прежде всего здесь предложен вопрос:

Как относится д-р Штайнер к финансовому капиталу и нетрудовым доходам?

Я занимался этим — не в полемической, а в конструктивной форме — в своей книге «Сущность социального вопроса» Меня многократно упрекали в том, что из того, что мне представляется как социальная структура будущего человеческого общества, проценты не исчезнут полностью. Что же, мне кажется, что честнее стать на почву действительности и подчеркнуть возможное и необходимое. чем на какую-то туманную почву и просто выдвигать требования. В своей «Сущности социального вопроса» я пытался показать, что совершенно необходима работа с капиталом. Без больших скоплений капитала нельзя создать крупные предприятия, вообще народное хозяйство в современном смысле. Мыслится ли теперь этот капитал в денежной или в другой форме, это особая статья.

Обращаясь к социальному вопросу, большинство людей очень часто впадают в ту ошибку, что понимают под современностью некоторым образом только одно единственное мгновение, и для этого единственного мгновения размышляют: как сформировать хозяйственную жизнь? - Но вести хозяйство значит в то же время с приобретенным создавать основу для хозяйства будущего. Без издания основы для будущего нельзя было бы поддерживать непрерывность хозяйственной жизни, хозяйственная жизнь все время обрывалась бы. Это, однако, не обосновывает процентов с процентных доходов, а только процентные доходы, потому что всегда должна сохраняться

возможность в какой-либо момент времени сделать столько, чтобы из этого труда возникли достижения, которые могли бы служить и будущему труду. Не следует думать, что тот, о ком идет речь, не получал бы своего рода эквивалент за то, что он создал для будущего, а это означало бы род процентов. Я мог бы это назвать также иначе, если бы захотел польстить тем, кто сегодня спорит о процентах с доходов. Но мне кажется честнее называть дело так, каково оно в действительности. Необходимо, чтобы для тех, кто вносит некую свою долю — это будет простейшим выражением для сложных процессов — в то, чтобы мог собираться и использоваться капитал, было возможным, чтобы таким образом производилось возмещение этого их труда, вносимого ими из прошлого, из современности в будущее. Процент в форме, которую я описал в моей «Сущности социального вопроса», есть не что иное, как возмещение в будущем того, что произведено сейчас.

Но в таких вещах, конечно, принимается во внимание то, что обычно содержится как необходимый член в социальном организме. Для человека, например, важно, чтобы он имел все свои члены, так как они работают вместе. Таким образом, отдельный член можно понять только из целого человека. Также и в социальном организме единичное можно понять только из целого. Если вы вспомните, что я говорил о создании средств производства, то увидите, что дело при этом заключается в том, что средства производства стоят чего-нибудь, могут быть проданы лишь до тех пор, пока они не готовы. Когда они готовы, они, конечно, остаются у того, кто был способен их создать; но тогда они переходят в правовые отношения, следовательно, больше не продаются. Этим создается определенное влияние и на денежное имущество. Дело не в том, чтобы установить законы, что деньги не должны приносить никаких процентов, а в том, чтобы получить результаты, соответствующие социальному организму.

Благодаря этому то, что существует как денежные средства, будет приобретать характер, подобный другим товарам. Другие товары отличаются сегодня от денег тем, что они разрушаются или расходуются; деньгам же не нужно разрушаться. За более длительные промежутки времени они также разрушаются, но за более короткие — нет. Поэтому многие верят, что они сохраняются и в более длительные промежутки времени. Были даже люди, которые делали завещания, то или иное завещали какому-нибудь государству. Затем они вычисляли, сколько это составит через пару столетий. Это столь крупные суммы, что ими можно бы затем оплатить государственные долги очень сильно задолжавших государств. Но шутка заключается лишь в том, что их тогда больше не будет, потому что невозможно столь длительное время получать с денег проценты. Однако когда в экономическом процессе наступает то, что средства производства фактически больше ничего не стоят, когда земля и почва тут фактически становятся правовыми объектами — не объектами купли, не объектами хозяйственной циркуляции — тогда для денежных средств наступает то, что они, я часто это выражал, через определенное время начинают иметь дурной запах, как испорченная пища, больше непригодная к употреблению. Просто посредством самого хозяйственного

процесса оказывается, что деньги теряют свою стоимость через определенное время, которое совсем не несправедливо коротко; но это именно так. Благодаря этому вы видите, насколько из реальностей мыслится этот импульс для трехчленного социального организма. Если вы даете законы, то вы даете абстракции, посредством которых хотите овладеть действительностью. Если вы мыслите о действительности, то хотите так сформировать ее, что вещи получаются отвечающими, более глубокому сознанию человека.

Точно также в таком организме, какой я мыслю, совершенно не содержатся нетрудовые доходы как таковые. Нужно только иметь ясные понятия об этих вещах. Ибо что такое в конце концов нетрудовые доходы? В понятии "нетрудовые доходы" содержатся очень, очень много неясностей, а с неясными понятиями нельзя проводить никакие реформы. Видите ли, для того, кто «трудом» называет просто колку дров, нетрудовой доход совершенно определенно есть то, что получают за написанную картину и тому подобное. Это лишь несколько радикально сказано, но часто так называемые «нетрудовые доходы» обсуждаются именно так. То, что обосновывает экономическую стоимость, составляется из разных фактов в жизни. Оно составляется, во-первых, из способностей людей, во-вторых, из труда, но, в-третьих, также из их взаимного положения, и это одна из величайших ошибок, если определяют, что какой-нибудь товар, находящийся в хозяйственном обороте, есть лишь «кристаллизированный труд». Это совсем не так. О труде я высказался в этих докладах. Дело, следовательно, в том что вообще понятие труда с понятием дохода никак не сопоставляется. Свой доход человек получает поистине не просто для того, чтобы он ел и пил или удовлетворял еще какие-нибудь телесные или душевные потребности, но также для того, чтобы он работал для других людей. Следовательно, этот хозяйственный процесс гораздо более сложен, чем такой, который хотят охватить столь простыми понятиями.

Выводит ли докладчик также сверхсознательное, состояние транса, просветление и так далее из эгоизма?

Что же, я действительно ясно показал, что то, что я называю источником духовного воззрения, проходит тот же путь, что и вещи, исходящие из эгоизма; но если двое проделывают один и тот же путь, то им все же не нужно при этом происходить из одного и того же. Оба проходят через внутреннее человека; но одно восходит из объективных глубин и возвышается до объективных высот. Я только не хотел бы быть неправильно понятым. Состояние транса вовсе не является сверхсознательным, а вполне подсознательным, очень подсознательным, гораздо более подсознательным, чем, например, какие-нибудь эмоции и тому подобное. И многое, что называют «просветлениями», что происходит само собой, большей частью также является очень, очень подсознательным. Что я считаю сверхсознательным, вы найдете описанным в моей книге «Как достигнуть познаний высших миров?».

Как обосновывает докладчик выраженный во вчерашней

дискуссии взгляд, отклоняющийся от воззрения современных национал-экономов, согласно которому продуктивны только земля и почва? Лежит ли в основе этого высказывания, например, лишь другой смысл понятия продукции, продуктивности?

Мне кажется, я не давал повода считать, что продуктивны только земля и почва. Много оперировать понятием «продуктивно», «непродуктивно» и тому подобными не вполне продуктивно, а дело больше в том, чтобы не слишком сильно держаться за готовые понятия. Люди сегодня слишком много говорят в словах. Дело не в том, чтобы давать такие определения, как продуктивно или непродуктивно; здесь всегда дело в том, как понимать продуктивное и непродуктивное, чтобы действительно описывать отношения согласно взаимосвязям. И вчера я пытался описать, насколько иначе земля и почва включаются в экономический процесс, чем, например, индустриальное производство. Дело в таком описании, в характеристике. Если бы только захотели уяснить, сколько вреда, особенно в науках, приносится тем, что слишком сильно держатся за такие определения понятий! Что описывают, для того не требуется определения понятий. Сегодня часто господствует дурная привычка говорить, что о том или ином придерживаются того или иного мнения. Сначала должны прийти к взаимопониманию. что понимают под этим предикатом. Вероятно, после долгих объяснений придут к тому, что один имеет в виду то же самое, что и другой. Что ведет к действительному производству и потреблению, если говорить о них, для этого нужно принять во внимание все отдельные факторы, от элементарнейших до сложнейших.

Здесь, например, будет очень трудно подняться до того, что — конечно, в очень широком смысле — можно было бы назвать хозяйством животных. Животные ведь также едят и пьют. Следовательно, поскольку они не приручены, они также имеют род хозяйственной жизни. Но, как правило, они потребляют то, что им не нужно так уж сильно готовить. Большинство животных берут то, что есть. Таким образом, для них продуктивна природа, если мы хотим применить выражение продуктивна. Многие из того, что ест человек, имеет ту же основу. Если он ест фрукты, то это не очень отдалено - только условиями транспортирования, владения и тому подобным — от рода хозяйства животных, у которых можно найти даже зачатки отношений владения. Дело в том, чтобы проследить теперь процесс дальше, проследить как то, что дано природой, человек начинает сначала перерабатывать, затем транспортированием запускает дальше в циркуляцию и так далее. Здесь продолжается понятие, которое начинается у природы. Затем приходят к тому, что является производством для внешней роскоши, что больше не соответствует действительным потребностям, то есть оправданным или разумным потребностям. Да, как-либо ограничивать понятие о том, продуктивно то-то или непродуктивно, это нечто такое, что, в сущности, ведет сначала в туманное. Разумеется, если это любят, то могут двигаться в таких туманных понятиях, долго дискутировать о том, как физиократы думали, что продуктивна только обработка почвы. Можно

противопоставить: если ведут торговлю, то это также продуктивно, и можно привести прекрасные доказательства этому. Ошибка в том, что устанавливают определение: это непродуктивно, это продуктивно! — но нужно уметь действительно надлежащим образом обзреть весь процесс хозяйственной жизни.

Следовательно, я прошу то, что я преподнес, понимать не так, как если бы оно также попадало в такого рода определения, но необходимо надлежащее описание того, что действительно происходит в хозяйственной жизни. И здесь я полагаю, что я на самом деле указал объективное различие между тем, как включается в хозяйственный процесс земля и почва и, например, индустриальные средства производства, машины и тому подобное. Но то, что существует на основе земли и почвы, иначе включается в хозяйственный процесс, чем, например, торговля.

Не нужно быть ни односторонним меркантилистом, ни односторонним физиократом. Нужно видеть, что в тот момент, как приобретают пристрастие к таким вещам, как «продуктивный», «непродуктивный», тогда именно возникают такие односторонние взгляды, как меркантилизм и так далее. Как раз здесь нужно не становиться односторонним, но сохранять всесторонность.

Теперь поставлен еще один вопрос:

Альтруизм, эгоизм, любовь в психологическом понимании в сущности одно и то же, поэтому не нужно, чтобы то или другое было преодолено.

Да, насколько понятие преодоления ложно, я сам объяснил в докладе. Но это большая опасность, если понятие единства всего переводить из конкретного в абстрактное. Здесь дело снова в том, что за абстракцию имеют в виду. Видите ли, нужно, чтобы ясно было, что когда остаются в абстрактном — а в основе вопроса лежит очень абстрактный образ мыслей — тогда, в сущности правы в одном утверждении и также в противоположном. Люди, мыслящие конкретно, способны высоко ценить изречение Гете: нельзя, собственно, высказать истину непосредственно одним словом или одним предложением, но высказывают одно, высказывают другое, и истина подучается как проблема, лежащая между обоими. Нужно суметь добыть живое отношение к истине.

Есть люди, как мистики помешанные на том, чтобы определять: они несут Бога в себе самих; Бог находится во внутреннем человека, божественное находится во внутреннем человека. Они находят это как единственно возможное определение. Другие находят это определение полностью ошибочным; они говорят: Бог наполняет все, и мы как люди существуем в Боге. Да, есть в точности столь же хорошие доказательства для одного, как и для другого. Именно здесь имеет силу положение Гете, истина лежит посередине между противоположными утверждениями точно также, как настоящее дерево лежит посередине между двумя фотографическими снимками, которые я делаю с одной или другой стороны.

В этом отношении нужно указать прямо-таки на опасность

одностороннего мышления. Дело совсем не в том, говорит ли кто-нибудь, что альтруизм, эгоизм, любовь есть одно и то же, и потому их не нужно преодолевать. Как обстоит дело с определением, я рассказал в самом докладе. Но дело в том, чтобы стараться тщательно формулировать положения, когда надо что-нибудь подобное объяснить, как я всегда и делаю. Здесь я вовсе не утверждаю, что если стремятся к определенному единству, нельзя прийти к объединению эгоизма и любви или эгоизма и альтруизма. Стоит только подняться к необходимому отвлеченному понятию, как приходят к этому. Однако во внешней конкретной жизни эгоизм и альтруизм все же различаются как раз так, что можно сказать, как я сказал в докладе, сознательно сказал: это два стимула из которых действует человек. Если я говорю, что там вверху, на той или иной горе, находится источник, а в двух часах оттуда находится другой источник, и из этих двух источников будет питаться водоснабжение какого-нибудь места, то это можно сравнить с тем, что я сегодня сказал об эгоизме и любви. Я указал на два источника. Тогда никому не следует говорить: посмотрите, в одном источнике вода, в другом также, это одно и то же. — Дело в том, что если педантично настаивать на абстракции, то можно везде видеть одно и то же.

Но как раз при поисках единства дело в том, чтобы, например, понимать что-нибудь вроде гетевской метаморфозы. Если прослеживают гетевскую метаморфозу, то познают, как показал Гете, что зеленый растительный лист и красный лепесток цветка есть одно и то же, только один превращается в другой. Но узнают в то же время, что оба, будучи одним и тем же, являются в то же время многообразием, разнообразием, имеющим бесчисленное число обликов. Дело в том, чтобы при поисках единства всегда сознавать, что в конкретной жизни однородное всегда варьирует к множественности и что в стремлении к единству нужно уметь не упускать из виду множественность.

Существует общество, которое называет себя «Теософическим Обществом». Теософическое общество говорит, что оно ищет единство во всех религиозных исповеданиях. Все религиозные исповедания возникают одно из другого, являются в сущности одним и тем же. Оно учит, что все религиозные исповедания содержат одно и то же. Это утверждение мне всегда казалось таким, как если бы хотели характеризовать то, что стоит на столе, только по его единству. Стоит только выбрать одну абстракцию, скажем «пищевая приправа»; пищевая приправа, это соль, это перец, это также красный стручковый перец. Да, конечно, это одно и то же, а именно пищевая приправа. Но если вместо того, чтобы посолить суп, взять перец и сказать: это то же самое, — то вы не будете этим очень-то удовлетворены. Так что дело также в том, чтобы не принимать такое единство, которое догматически утверждается Теософическим Обществом: все, мол, религиозные исповедания содержат одно и то же. Это единство религии Теософического Общества мне всегда казалось таким же, как утверждение: перец, соль, и красный стручковый перец одно и то же.

Как сказано, я вполне признаю оправданное стремление к

единству. Но это стремление не должно вести к абстрагированию действительности.

Теперь есть еще вопрос:

Баденское столпотворение. Национальное принадлежит ко всему духовно и культурно значительному. Все религии приспособлены к расам. Задатки разных наций, рас к искусству и науке различны. Язык и все формальности окружения принуждают к некоторой форме выражения. Существенное всегда интернационально, форма — всегда национальное искусство. Наиболее интернациональна музыка. Люби твоих ближних как самого себя.

Я, в сущности, как следует не знаю, что делать с этим вопросом. Я знаю вавилонское столпотворение, но не баденское. Я, например, не знаю, существует ли здесь в Бадене также башенная постройка.

«Национальное принадлежит ко всему духовному и культурно значительному». Да, конечно, это можно сказать: но я не знаю, как это подходит к сегодняшнему докладу.

«Все религии приспособлены к расам. Задатки различных наций, рас, — это две разные вещи, — к искусству и науке различны». Конечно.

«Язык и все формальности окружения принуждают к некоторой форме выражения. Существенное всегда интернационально...» Да, существенное интернационального нужно сначала искать; если бы существенное действительно там было, то среди людей не было бы столь много анти-интернационального. Это, конечно, обязательно нужно принимать во внимание.

«...форма всегда национальное искусство. Наиболее интернациональна музыка». Что здесь лежит в основе, я слегка указал в докладе, сказав, что фантазия выражается национально, конечно, в определенных областях искусства лишь в известных нюансах. Но тот, кто понимает в этом, найдет нюансы и в музыке. Он найдет, что и там, где, кажется, находится вполне интернациональное, лежит национальное, даже если оно состоит только в том, что один народ просто более музыкален, чем другой, и может стать международно понимаемым; даже если это могло быть произведено лишь у одного единственного народа.

Но в чем здесь дело, так это то, что теперь находят какое-то содержание в самом человеке, находящееся в каждом человеке, духовно видимое, которое может действовать интернационально, как я это представил в докладе.

Этим, мне кажется, сегодняшние вопросы исчерпаны, и я полагаю, что уже так поздно, что я не хотел бы выступать с подробной заключительной речью. Лишь одно Я хотел бы еще подчеркнуть в нескольких словах: что для меня особенно важно было, чтобы было видно, насколько они не являются чем-то надуманным, программным, а являются лишь попыткой, конечно, начальной попыткой добыть социальную идею или сумму социальных идей из самой жизни.

Да, это такие идеи, которые подслушаны у жизни как практически действующие силы, представляющие собой просто то, что везде, во всех областях может быть порождено из духовного воззрения. Я знаю, что многое, что сегодня

характеризуется как духовное на вид воззрение, смешивается с тем, что подразумевается под духовным воззрением здесь. Однако все же, пожалуй, стоит заняться действительным характером этого духовного воззрения.

В ходе этой ужасной военной катастрофы наступил такой момент, что можно было думать, что из необходимости времени можно было увидеть, кое-что из того, что хочет пробиться на поверхность из человеческих глубин. Тогда я обратил внимание некоторых ответственных людей на то, чего, собственно, требует время. И прежде, чем я выступил перед общественностью, в тяжелые годы я годами говорил об этой трехчленности в полном сознании того, что за действие следовало предпринять, дабы попытаться подступиться к этому ужасному убийству, смягчая его, заканчивая его. И я говорил тогда: в том, что имеется в виду в этом импульсе, по крайней мере, налицо не какая-нибудь программная идея, а то, что хочет осуществиться в ближайшие тридцать или двадцать или пятнадцать, даже десять лет. И я говорил некоторым: сегодня, если хотят, могут отрицать такие вещи, могут быть для этого слишком привязаны к удобству. Но кто серьезно относится к жизни, тот должен сказать себе: есть выбор либо послушаться разума, либо пойти навстречу печальным временам революций и социальных катаклизмов. — Это я говорил в те времена, когда до этих революций, также и до русской, было еще далеко.

И дело всегда в том, что люди не должны жить изо дня в день в сонном состоянии, но составлять себе представление о том, как можно идти дальше. Ибо человек превосходит другие земные существа тем, что призван действовать с известным предвидением. Но действовать с известным предвидением можно только, имея инстинкт относительно действительно возможного. Имели ли такой инстинкт в цивилизованном мире в первую половину 1914 года? В одном из прежних обсуждений я вам привел примеры того, что тогда говорили о будущем. Пришло великое убийство. Не должны ли люди учиться у фактов?

Так вот, это как раз современная задача людей: учиться у событий. Ибо размерами, быстротой, с которой они развертываются, события показывают, что люди должны учиться у них. что люди должны воспринимать известные события как знамения времени. Иначе могло бы выступить нечто такое, что в последние годы наступило в отношении многих вещей. Много задело людей так, что они говорили: если бы мы знали это раньше! - теперь слишком поздно. — Но не всегда нужно ждать, пока будет слишком поздно!

В этом убеждении прежде всего изложены идеи о трехчленности социального организма. И так, как сделана эта попытка здесь, как сделана попытка в нашем журнале в Швейцарии, в «Социальном будущем», как сделана попытка в моей «Сущности социального вопроса» — эти идеи изложены из убеждения, что они могут быть поняты, восприняты, взяты для практического действия. прежде, чем будет слишком поздно. Чтобы о важных жизненных вещах не пришлось говорить, что уже слишком поздно, нужно встряхнуться и попытаться сообразить, содержатся ли в том, что здесь изложено, только мысли, или это экстракт действительности.

Я все снова повторяю: это слабая попытка. Но я все- же верю: когда эта слабая попытка будет воспринята достаточно большим числом людей, тогда, пожалуй, это будет чем-то гораздо более толковым, чем то, что из нее может сделать отдельный человек. Но она должна быть воспринята, и она может быть воспринята, ибо она взята из действительности и может быть испробована в действительности.

Эти несколько слов я хотел присовокупить к сказанному.

Примечания:

Меркантилизм - экономическая практика в Европе XVI-XVIII вв. (частично возрожденная в начале XX в.), состоящая в контроле правительства над экономикой для увеличения национального богатства и экономической самодостаточности. Характерными чертами являются увеличение запасов золота, эксплуатация колоний, установление торговых тарифов, государственные вложения в развитие национальной промышленности, низкая заработная плата, преобладание экспорта над импортом.

Физиократия - экономические взгляды, возникшие во Франции во второй половине XVIII в. (Франсуа Кеснэ); оказали определенное влияние на Адама Смита. Физиократы считали, что все богатство генерируется в сельском хозяйстве, поэтому они считали необоснованным вмешательство государства в промышленность и выступали за единый (единственный) налог на землю; они были одними из первых, кто выдвинул и поддержал принципы свободной торговли.

Генри Джордж (1839-1897) - американский писатель, экономист. Считал, что социальная несправедливость возникает вследствие того, что земельные владения сосредотачиваются в руках небольшой группы людей. В качестве решения предлагал введение единого налога на землю. Автор книг "Наша земля и земельная политика" (1871), "Прогресс и бедность" (1879), "Социальные проблемы" (1884), "Защита свободной торговли" (1886), "Наука политэкономии" (1897). Идеи Генри Джорджа нашли отклик у Льва Толстого.

